Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИСТПАРТ
Комиссия по истории Октябрьской революции и Р. К. П. (большевиков)

ЕН1633
В774 Р

Е. З. ВОЛКОВ

СРЕДИ МОРЯКОВ И РЕЧНИКОВ

ТОРГОВОГО и ВОЕННОГО ФЛОТА

(1906—1914 г.г.)

ПО ДАННЫМ ПРОЦЕССА 1914 г.
И ЛИЧНЫМ ВОСПОМИНАНИЯМ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

БИБЛИОТЕКА
Института В. И. Ленина

ИСТПАРТ.

КОМИССИЯ ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И Р. К. П. (большев.).

№№ по порядку.	Наименование изданий.	Цены в зол. руб. Р. К.
1.	**Авдеев, Н.** Революция 17-го года (январь—апрель)	— 60
2.	**Александрова Н.** Артем	— 50
3.	**Аркомед. С. Т.** Рабочее движение и социал-демократия на Кавказе	— 40
4.	**Бобровская.** Записки рядового подпольщика. (1894 — 1905 гг.) Часть I и II	— 55
5.	**Большевистские тайные типографии**	— —
6.	**Бубнов, А.** Основные моменты в развитии коммунистической партии в России	— 6
7.	**Бюллетень Истпарта № 1.**	— 6
8.	**Деготь, В.** В свободном подполье	— 25
9.	**Из эпохи „Звезды“ и „Правды“** (1911—1914 г.г.) Сб. I и II	— 70
10.	**25 лет Р. К. П.** Иллюстрированный юбилейный сборник	4.—
11.	**К 25-летию I съезда партии** (сб.)	1.10
12.	**Лелевич.** В дни Самарской учредилки	— 6
13.	**Лепешинский, П. Н.** На повороте. Воспоминания (1890—1905 гг.)	— 45
14.	**Максаков, В. и Нелидов, Н.** Хроника революции. Вып. 1	— 70
15.	**Невский, В.** Николаевский Южно-русский Рабочий Союз	— 13
16.	**Ольминский, М. С.** Из прошлого. Сборник статей	— 25
17.	**От группы Благоева к Союзу Борьбы** (1885—1894 г.г.). Сб. Ч. I.	— 13
18.	**Отчет Р. С.-Д. Р. П. VIII международн. социал. конгрессу в Копенгагене.** Перев. с французского	— 45
19.	**М. Павлович (Вельтман).** Россия и капиталистическая Англия.	— 12
20.	**М. Павлович (Вельтман).** Россия и капиталистическая Франция.	— 12
21.	**Памятник борцам пролетарской революции.** Т. 1	1.—
22.	**Пролетарская Революция.** Журн. №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18—19	— —
23.	**Протоколы VII съезда Р. К. П.**	— —
24.	**Революционная деятельность Конкордии Николаевны Самойловой.** Сборник воспоминаний	— 20
25.	**Р. К. П. в постановлениях ее съездов и конференций** под ред. Л. Б. Каменева	— 50
26.	**Рябинин, А.** Р. М. Семенчиков (из истории рабоч. движения в Иваново-Вознесенске)	— 20

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИСТПАРТ

Комиссия по истории Октябрьской революции и Р. К. П. (большевиков)

ЕН 1633
В 774 Р

Е. З. ВОЛКОВ

СРЕДИ МОРЯКОВ И РЕЧНИКОВ

ТОРГОВОГО и ВОЕННОГО ФЛОТА

(1906—1914 г. г.)

ПО ДАННЫМ ПРОЦЕССА 1914 г.
И ЛИЧНЫМ ВОСПОМИНАНИЯМ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ПЕТРОГРАД

Библиотека Института В. И. Ленина

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2009

ЕН1633
В 774 Р

ИНСТИТУТ В. И. ЛЕНИНА
№ 21/5
БИБЛИО

30384

174897 174897

Гиз. № 5345. Главлит. № 13144. Москва. Напеч. 3.000 экз.

„Мосполиграф“, 1-я Образцовая тип., Пятницкая, 71.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

От Истпарта 5

Вместо предисловия: Письмо М. П. Адамовича 7

Некролог. 17

Часть I. Среди черноморских и каспийских моряков (1906—1912 г.г.). Главы I—VII 19

Часть II. На путях к всероссийскому объединению торговых моряков русского флота (1912—1913 г.г.). Главы VIII—IX 111

Заключение: После разгрома (1913—1914 г.г.) 185

Приложение: **Н. Гик.** Работа среди русских моряков на Средиземном море в 1912—1914 г.г. 217

Несколько дополнительных материалов по движению моряков в 1912—14 годах. 235

ОТ ИСТПАРТА.

О революционной работе среди моряков, в особенности после бурных дней 1905 г., в литературе имеется очень мало данных. С этой точки зрения работа т. Волкова, предлагаемая здесь вниманию читателя, тем более ценна, что она заполняет один из существенных пробелов в общей картине по истории революционного движения в России. В интересах же более полного освещения вопроса о работе среди русских моряков за границей Истпарт находит вполне уместным тут же дать голос и таким видным деятелям в данной области, как т. Адамович, бывший председателем Центр. Всерос. Союза судовых команд русского торгового флота, а также уполномоченный заграничного бюро Р. С.-Д. Р. П. по работе среди черноморских моряков в Марселе т. Н. Гик.

Но редакция считает нужным при этом оговориться, что за некоторые личные мнения этих товарищей и за их личную оценку роли и значения тех или иных участников революционной работы среди моряков — ответственность целиком лежит на самих авторах. Так, например, по мнению редакции, отнюдь не исключена возможность вполне субъективного происхождения той критики со стороны т. Гика, которая посвящена оценке роли и значения деятельности в Александрии т. Адамовича, и тут же рядом слишком

Библиотека Института В. И. Ленина

подчеркнутых комплиментов по адресу некоторых других виднейших руководителей работы Союза. Но даже если бы т. Гик в этом случае и был близок к истине, то все же, с точки зрения Истпарта, центр тяжести статьи автора лежит не в этих случайных и фактически необоснованных характеристиках отдельных лиц, а в тех объективных показаниях о настроениях среди попадавших в поле его зрения судовых команд и об условиях заграничной работы в гуще этих масс, которые существенным образом дополняют общую картину заграничной работы среди русских моряков.

Редакция.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.

(Письмо М. П. Адамовича.)[1])

Обвинительный акт и речи прокуроров на процессе по делу морской организации, заслушанные в заседаниях Одесской судебной палаты в октябре месяце 1914 года, посвятили достаточно внимания специально моей личности. Основанием к тому для следователя и прокурора послужило мое чрезвычайно близкое и активное участие в движении моряков в качестве одного из наиболее ответственных руководителей этого движения. На том же самом основании я беру на себя смелость предпослать несколько слов работе т. Е. Волкова, воскрешающей ныне перед читателями странички прошлой борьбы и организационной жизни моряков Российского торгового и отчасти военного флота.

Очерки т. Е. Волкова охватывают один из интереснейших моментов в истории нарастания революционной энергии и воли к организованной борьбе в рядах морского и речного пролетариата в период «между двух революций». Своеобразие среды, быта и положения того участка общероссийского пролетарского фронта, который был занят при царизме судовыми командами водного транспорта, сделало возможным совершенно оригинальное построение попытки прорвать подпольное пленение моряков и речников и добиться возможности легального существования их организации. Поскольку известно автору этих строк, история революционного движения рабочего класса в России не знает ничего аналогичного такой попытке, и уже по одному этому она представляет из-

---

[1]) Тов. Адамович — бывший председатель Заграничного Центра Всероссийского Союза судовых команд русского торгового флота.

Прим. редакции.

вестный интерес. Попытка эта сводилась к тому, чтобы, имея один прочно забронированный от жандармских лап организационный пункт — заграничный центр, создать из этого центра крепкую, разветвленную, охватывающую все моря и главнейшие речные артерии организацию с примыкающими к ней ячейками береговых рабочих и двинуть в надлежащий момент всю связанную этой организацией пролетарскую массу на активную борьбу с царизмом.

С первого взгляда многим казалась совершенно утопической самая мысль построить организацию так, чтобы сидящий где-то далеко в уголку за границей центр мог поднять и удержать в руках стержень, на другом конце которого сосредоточивается вся тяжесть и масса раскинутой по всей России организации. Да, эта мысль казалась фантастической всем тем товарищам, с которыми я делился своими планами прежде, чем приехать в Константинополь и стать в центре работы. Я помню по этому поводу беседы с т.т. Л. Троцким и А. Иоффе в Вене, куда я заехал, чтобы сговориться относительно содействия их в печатании задуманного, как первый шаг, печатного органа моряков. Разумеется всякое возможное содействие было обещано, но самое дело, затевавшееся мной, встречало большой скептицизм. Тем не менее мое знание моряков, с которыми я был теснейшим образом связан предшествующей работой в революционные 1905 — 1906 годы, знание их способности к энтузиазму, к настойчивому усилию и к достигшей степени инстинкта пролетарской дисциплине позволяло мне в моих планах итти гораздо дальше, чем то допускал, казалось бы, трезвый расчет. Разумеется, для осуществления этих планов необходима была прежде всего наличность кадров активных работников в самой массе моряков. Я знал, что они есть и пойдут беззаветно в работу, как только поймут, к чему дело клонится, и они действительно нашлись. Маловероятная в глазах многих затея — сорганизовать из заграничного порта, во всероссийском масштабе, моряков, речников и связанных с ними портовых «транспортников» — после года работы стала ощутительным образом облекаться в плоть и кровь. Т. Волков совершенно справедливо характеризует эту стадию развития дела словами: «На пути к всероссий-

скому объединению торговых моряков и речников русского флота».

При чтении материала, изложенного т. Волковым, останавливают внимание две характерные черты в картине «Моряка» и связанной с ним работы. С одной стороны, эта работа носит какой-то чрезвычайно скромный, пожалуй, бледный, урезанный характер: газета не носит ярко выраженного революционного лица, язык ее статей довольно сдержанный, сама организация уклоняется от всего «революционного» — от вовлечения в круг своего воздействия военных моряков, от создания внутри союза революционных политических групп, от представительства в Центре политических партий. Поведение организации, неуклонно, с неослабным напором укрепляющей и расширяющей все дальше и глубже свои организационные связи, внешне почти робкое. А в то же время около этой с виду очень умеренной организации происходит буквально мобилизация всех революционных сил, имеющихся в этот момент налицо. Самые многоразличные революционные организации связываются с центром «Моряка» и помогают ему всем, чем только можно. Латышские, эстонские, финляндские, русские — большевистские, меньшевистские и эсеровские — группы входят в соприкосновение с завязавшейся в Константинополе работой. Виднейшие имена современной революционной России встречаются в ней, как напр., т.т. Троцкий, Чичерин, Иоффе, Раковский, Мих. Павлович. С другой стороны, и царское правительство сосредоточивает против «Моряка» град бешеных ударов, объявляет форменную, месяцы длящуюся, войну морской организации. Напрягая чрезвычайные усилия, чтобы разгромить ее, и не будучи в состоянии покончить с союзом моряков у себя дома, на своей территории, царское правительство делает вылазку за пределы России и со всемирным скандалом, принижаясь до согласия иметь чужеземного «наблюдателя» на готовящемся процессе, добивается ликвидации «Заграничного центра».

В чем разгадка такого несоответствия между умеренным с виду характером организации и острым напряжением усилий, с одной стороны, царского правительства, чтобы разгромить ее, а, с другой — революционных сил, чтобы ее поддержать и сохранить? Разгадка заключается в том, что за скром-

ным умеренным лицом морской организации и друзья и враги «Моряка» не только верно учли объективную революционную сущность работы, но и уловили также нигде словами невысказанную революционность замысла руководителей союза. Замысел же этот заключался в том, чтобы, закрепивши, хотя бы вчерне, остов нелегальной, внешне узко-профессиональной, но во всероссийском масштабе развернувшейся организации судовых команд, с подтянутыми к ней береговыми ответвлениями, вызвать на почве экономических требований всеобщую забастовку всего водного транспорта и тотчас же возглавить ее требованием легализации союза. Затем, разворачивая начавшуюся борьбу вовлечением в забастовку солидарности все более широкие рабочие массы, превратить движение водников в общепролетарское выступление под лозунгом «свободы союзов», внося в него политический смысл борьбы за свободу коалиций. Стержнем всей этой борьбы стало бы упорное, твердо усвоенное, выношенное и выстраданное требование моряков и речников – допустить открытое существование их профессиональной организации.

Такую задачу — сделать экономическую забастовку судовых команд исходным моментом общерабочего политического выступления — сознательно ставили мы, руководители центра, никогда не выговаривая словами этой своей мысли, но упорно работая над подготовкой ее осуществления. Однако, хотя мы и молчали, все же всякий революционер и всякий охранник отлично понимали, что произойдет в обстановке повысившейся после ленского расстрела активности рабочих масс, если моряки и речники «ахнут» всеобщую забастовку.

Отсюда и дружная поддержка революционеров, отсюда же и жандармский обух и усиленная провокация «охранки».

Как показали события, во всем нашем построении было одно слабое место: руки царского правительства оказались слишком длинны и Заграничный Центр оказался недостаточно забронирован от их посягательств. И в тот критический, переходный момент, когда вся организация повисла, как на гвозде, на одном человеке, гвоздь этот был вырван, и организация рухнула, не успев выявить в действии политической стороны своего бытия. Этим моментом был мой арест в Александрии в апреле 1913 года.

Недостаточно успела выявиться во время существования «Моряка» и другая руководящая идея работников центра: стремление влить движение пролетариев российского водного транспорта в интернациональное русло международной классовой борьбы. Лишь в самые последние моменты существования организации, когда идея общероссийского объединения достаточно окрепла и приняла осязательные формы, стало возможным сделать первые шаги к интернационализации нашего российского «моряцкого» сознания, сильно сдобренного в первых стадиях своего развития узко-цеховой, корпоративной и отчасти националистической подоплекой. В те времена русские моряки встречались с иностранными в портах разных стран, главным образом, на почве отстаивания в портовых кабачках своего национального достоинства и превосходства. Основными аргументами здесь являлись кулаки, зачастую бутылки и ножки стульев, а затем вопрос решала выносливость черепов и челюстей, а также устойчивость ног. Это питало психологию националистического обособления, и международные отношения воспринимались не с объединительно-пролетарской, а, по преимуществу, со скуловоротно-соревновательной стороны. Это могло и должно было быть преодолено лишь путем организационного включения моряков в морской интернационал — в его жизнь и интересы на почве принципа классовой борьбы в международном масштабе. Такая задача ставилась сознательно руководящим центром с самого начала существования организации, но дожить до ее действенного врастания в тело морского интернационала ему не довелось.

В своей работе т. Волков использовал в качестве материала преимущественно объемистый обвинительный акт по делу «Моряка» и небольшую часть воспоминаний сопроцессников. К сожалению, он не смог привлечь к рассмотрению в своем труде тот большой материал, который состоял из многочисленных писем от отдельных моряков и целых судовых команд, был бережно сохранен мною в архиве организации и достался одесской охранке, после того как ей удалось накинуть на меня аркан в Александрии (Египет). Вследствие этого т. Волков не мог осветить многие интересные стороны внутренней жизни организации и в осо-

бенности самой массы моряков, вошедших в ее состав в тот период. В своей законченной, но неизданной рукописи, в настоящее время мною разыскиваемой и посвященной той же теме, что и работа т. Волкова, я касаюсь как раз многих явлений, незатронутых т. Волковым. Одной из особенно существенных сторон внутренней, так сказать, интимной жизни нашей организации является, во-первых, взаимоотношение «вождей и масс», а во-вторых, отношение этих масс к различным идеологическим тенденциям внутри руководящей группы работников и к борьбе этих тенденций между собою. Интересным является прежде всего характеристика тогдашней массовой социальной психики того слоя российского пролетариата, который носил наименование «моряков». Важным это является прежде всего потому, что на фоне этой психики и под ее решающим воздействием и разыгрывались все большие и малые драмы нашей организационной жизни и работы.

Среда моряков представляла много своеобразных особенностей. На них я остановил внимание в свое время в очерках «Черноморская регистрация», относящихся к первому боевому периоду в жизни моряков, к 1905—1906 году. Тогда я отметил основные особенности массы моряков: с одной стороны — высокую квалифицированность труда и пожизненность профессии, делающую из моряка истинного пролетария со всеми его богатейшими революционными и организационно-творческими качествами; с другой стороны — неразрывную связь этой пролетарской массы с землей, с крестьянским трудом и укладом жизни; с деревней, куда ежегодно и периодически на известное время большая часть моряков возвращалась. К этой обрисовке теперь следует добавить, что каждый пароход, каждая судовая команда представляла собой воплощенную «смычку» города и деревни, пролетариата и крестьянства: машинная команда — кочегары и машинисты — чистый, выкристаллизовавшийся пролетарский элемент; палубная же — матросы — была деревня, для которой морская служба являлась постоянным, регулярно из года в год повторяющимся, но все же отхожим, промыслом. Каким словом можно характеризовать массовую психологию в 1912—1913 году этой своеобразной среды, вырванной первой

революцией из сферы всяческой патриархальности, из заскорузло-корпоративной обособленности и невозвратно катящейся к твердым формам классового самосознания и классовой пролетарской организации? В те времена, мучительно переживая толчки и ухабы нашей организационной жизни, столь обильно усугубляемые рукой провокации из охранного отделения, я никак не мог дать подходящего наименования тогдашнему мятущемуся настроению моряков. Они то следовали за провокационной проповедью бомбизма, то откликались на беспардонно-бесшабашные призывы анархистов, то отдавали свои симпатии «крестьянствующим» эс-эрам, чтобы в конце концов все-таки удержаться в русле организационного и идейного влияния меньшевиков-социал-демократов, которых среди моряков в буквальном смысле было — раз, два и обчелся. Теперь, оглядываясь назад и рассматривая это прошлое в свете событий семнадцатого года, я вижу ясно, что масса моряков была тогда б о л ь ш е в и с т с к о й. Она была большевистской не в партийно-фракционном смысле этого слова, а в «октябрьском» его смысле; в том его смысле, какой выявился, когда, по выражению корниловских текинцев, «вся Россия стал большевик»; когда большевизм сочетал в себе стихийную революционность многомиллионного российского крестьянства и сознательную, хребтом непреклонной идеологии подпертую, революционность российского пролетариата; когда в общерусском масштабе на платформе «власти советов» произошла смычка рабочих масс и крестьянства России — смычка, прообразом которой была в революционной жизни и действии «судовая команда» на пароходах и которая сама является прообразом такой же смычки революционных пролетарских масс Запада с безмерным крестьянским океаном аграрного Востока в мировом масштабе. Эта большевистская массовая психология моряков создавала своеобразный драматизм отношений, в частности со мной. Доверие ко мне персональное было — без риска хвастовства могу сказать — огромное; личный авторитет — неоспоримый. В моем лице масса видела руководителя, которому она готова была вручить в любую минуту и без колебаний руководство ее действиями, выступлениями и борьбой. И в то же время ей явственно претили мои меньшевистские идеологические оде-

жды. В них моряки, не разбираясь и не давая себе труда разбираться в тонкостях теоретических построений, инстинктивно чувствовали то «маловерие», тот дух «компромисса», который в процессе развертывающейся ныне революции нашел свое верное наименование в термине «соглашательство» и который сделал из меньшевизма, выросшего тоже до размеров явления международного, одно из сильнейших средств связывания революционной энергии пролетариата или рассеяния ее на бесплодных стезях социал-реформизма. А масса моряков как раз кипела этой пролетарской, революционной, сосредоточенной и алчущей действенности энергией. Отношения, поскольку дело касалось меня лично, можно было бы выразить так: моряки с удовольствием вышвырнули бы меня за меньшевистский дух моей социал-демократической теории, но ни за что не расстались бы со мною за те способности революционного действия и руководства, которые ими были испытаны на опыте и которые ничего общего с мягкотелостью меньшевистской не имели.

Я позволил себе остановиться так долго на этом «личном» казусе лишь потому, что он объясняет многое в той истории внутренних трений, которым уделено довольно много места как в обвинительном акте, так и в работе тов. Волкова о моряках...

В моем и без того слишком затянувшемся предисловии или, верное сказать, послесловии невозможно изложить все то, что я считал бы нужным сказать как ближайший участник работы, которой посвящен труд т. Волкова. Считаю необходимым добавить только, что те инстинктивные метания большевистски-настроенной массы моряков в поисках настоящего, безупречного во всех отношениях, удовлетворяющего их водительства, которые я наблюдал в эпоху «Моряка», отошли в безвозвратное прошлое: труженики моря, как и весь российский пролетариат, обрели с тех пор своего вождя, сочетавшего в себе все элементы, отвечающие запросам духа, сознания и воли нового класса, призванного историей сбросить капитал с его трона, взять на свои плечи бремя переустройства общества и утвердить на земле власть труда. Для пролетарских масс России этот признанный вождь — Российская Коммунистическая Партия. На-ряду с ней, перед

лицом приблизившихся и в то же время раздвинувшихся перспектив всемирной социальной революции, растет на глазах потрясенного мира другая сила, другой вождь. Это вождь мирового пролетариата, и имя ему — Коминтерн. Под его шагами содрогается земля, трещат вековые, тысячелетние цепи и бьются навстречу ему беззаветной любовью и преданностью сердца десятков миллионов людей. В бурном нарастании сил на двух полюсах современного мира — на полюсе революции и на полюсе контр-революции, — приближающихся к последней смертной схватке, блекнут и в клочки рвутся некогда пышные демократические одежды срединных мировоззрений и партий. Медью пустой и звенящей звучит скорлупа демократических слов и теорий, от стен которой отошла живая реальная жизнь. Она решает назревшие вопросы истории вне демократических опустелых форм — реальным соотношением сил и неприкрашенной классовой борьбой. И это все разгорающееся столкновение двух полярных сил современного человечества поставило в порядок дня целой исторической эпохи альтернативу: или диктатура пролетариата, или диктатура капитала; или освобождение труда, или железная пята эксплоатации: tertium non datur (третьего — нет). Это должны, наконец, понять самые тугие на ухо, самые оглохшие в громе империалистической войны социал-патриоты и национал-социалисты, если они еще способны слышать голос жизни, если в них есть еще чутье к живой действительности и нелицемерна преданность их интересам трудовых масс.

Пусть же работа т. Волкова, воскрешающая дни трогательного единения «правительства его величества свободнейшей, демократичнейшей» Англии с нашим царским правительством — единения в целях искоренения организации русских моряков-пролетариев — способствует решительному искоренению «демократических» иллюзий и предрассудков и укрепляет читателя в творческой революционной идее диктатуры пролетариата.

М. Адамович (К. Арл).

24 Мая 1923 года.
София (Болгария).

1. **Амир-Адания-Оглы** — беглый политический каторжанин, член Заграничного Центра Союза Черноморских Моряков, убит в 1913 г. в Турецкой Армении при усмирении правительством султана восстания армян.

2. **Околот, Василий Аникиевич** — крест. слободки Новомиргорода, Новомиргородской вол., Елисаветградского у., Херсонской губ., выборный парохода „Николай II", убит у себя на родине за активный большевизм петлюровскими бандитами в 1919 г.

3. **Сомов, Кирилл Игнатьевич** — крест. д. Запаточья, Городищенской вол., Быховского уезда, Могилевск. губ., выборный парохода „Одесса", зверски убит деникинцами на посту комиссара порта при захвате ими Очакова в 1919 г.

4. **Вернигора, Терентий Васильевич** — крест. с. М. Березаньки, Гребельской вол., Таращанского у., Киевской губ., выборный парохода „Иерусалим", убит у себя на родине поляками в 1920 г. за большевизм.

5. **Замша, Семен Сергеевич** — мещанин г. Чигирина, Киевской губ., выборный парохода „Чихачев", зверски убит врангелевцами на посту комиссара порта при налете их на Мариуполь в 1920 г.

174897 S90 309884

ЧАСТЬ I

Среди черноморских и каспийских моряков

(1906 — 1912 г.г.)

ГЛАВА I.

30 декабря 1905 года постановлением временного генерал-губернатора г. Одессы, в связи с подавлением правительством самодержавия прокатившейся по всей России волны революционных восстаний, была закрыта боевая профессиональная организация торговых моряков Черного моря, действовавшая в 1905 году в Одесском порту под именем «Регистрации».

Это наименование было ей присвоено как лозунг того движения, под знаменем которого с 1904 года черноморские торговые моряки проводили свою классовую борьбу против пароходных компаний и судовладельцев, требуя себе права контроля над их действиями в деле найма и увольнения судовых команд.

Во время борьбы с штрейкбрехерством, с наплывом в торговый флот сырых, неорганизованных и профессионально-неприспособленных к морской службе крестьянских масс, во имя организации и внутренней спайки тех из них, которые уже оказались во флоте со старыми моряками-профессионалами, был выдвинут лозунг обязательной регистрации всех моряков в их профессиональном союзе. Этой регистрацией моряки пытались достигнуть очищения своего союза от элементов, непригодных к морской службе, за которых союз не мог брать на себя никакой ответственности.

За «вредное» направление «Регистрация» была закрыта постановлением временного генерал-губернатора г. Одессы.

Ответом на это явилась единодушная всеобщая забастовка всех судовых команд в торговом флоте не только на Черном море, но и на Азовском.

Забастовка эта, целью которой, конечно, было возобновление деятельности «Регистрации», началась с весны 1906 года и закончилась в двадцатых числах июня месяца того же года полной победой моряков.

24 июня 1906 года воспоследовало «милостивое» разрешение того же самого временного генерал-губернатора г. Одессы на возобновление деятельности «Регистрации» на основании условий, выработанных на предварительных совещаниях судовладельцев и выборных от судовых команд и изложенных в особом уставе.

Согласно этому уставу во главе «Регистрации» ставилось правление, избираемое общим собранием выборных от судовых команд.

Основным пунктом ее устава было положение, согласно которому все зачисления моряков на коммерческие пароходы должны были проводиться в порядке строгой очереди, при чем ни один человек не мог быть зачислен ни в одну из судовых команд Черного или Азовского морей помимо «Регистрации».

В соответствии с этим в самом начале деятельность правления возобновленной «Регистрации» была, главным образом, направлена к выяснению наличного состава моряков, группировки их на началах строгой очереди и назначений их на открывающиеся должности.

Призванное поддерживать интересы моряков, правление, вместе с тем, старалось с самого начала соблюдать полную объективность при разрешении конфликтов между судовыми моряками и администрацией, но возможность проявлять эту объективность не замедлили в самый короткий срок сорвать сами судовладельцы, провоцировавшие свою судовую администрацию на столкновения с моряками, на противодействие «Регистрации» и на борьбу со все более и более углублявшимся классовым самосознанием сорганизованных моряков.

Росту этого самосознания способствовала энергичная работа среди моряков уже полулегальных к этому времени революционных социалистических партий, членами которых были и сами члены правления «Регистрации».

Большинством в его составе обладали социал-демократы в лице председателя правления — Михаила Адамовича, секретаря — Александра Яковлева и Николая Нагродского. Адамович проживал в это время в Одессе нелегально, принужденный в начале 1906 года скрыться из Екатеринодара,

где он разыскивался жандармским управлением по делу о всеобщей политической забастовке 1905 г. и вооруженном сопротивлении при аресте, и состоял членом Одесского Комитета социал-демократической рабочей партии. По паспорту он значился павлоградским мещанином Мироном Павловым Быковым. Николай Нагродский представлял из себя в то время довольно крупного работника. Александр Яковлев членом Комитета, повидимому, не состоял, но тоже являлся деятельным членом партии. Он проживал в Одессе по паспорту на имя бендерского мещанина Ивана Кузьмина Черненко и ведал сношениями сперва «Боевого Стачечного Комитета», а потом сношениями правления «Регистрации моряков» с местными организациями как российской социал-демократической рабочей партии, так и партии социалистов-революционеров. Кроме того близкое участие в движении моряков принимали и другие члены Одесского Комитета Р. С.-Д. Р. П.

15 сентября 1906 года состоялось преобразование «Регистрации» в «Профессиональное общество судовых команд Черноморского флота города Одессы», утвержденное официально Одесским Особым Присутствием по делам об обществах. Однако уже 20 ноября того же года и это новое общество и продолжавшая действовать при нем контора «Регистрации» распоряжением правительства были закрыты.

Возмущенные этим моряки ответили правительству новой энергичной всеобщей забастовкой, начатой 24 ноября 1906 года и принявшей затяжной упорный характер революционной борьбы.

Против забастовщиков были двинуты организованные графом Коновницыным банды черносотенных штрейкбрехеров. Забастовавшим был объявлен со стороны судовладельцев локаут. Увольняемых массами арестовывали и высылали на родину.

В связи с этим озлобление моряков достигло своего апогея. Среди них особую популярность приобретают в это время проповедники ярого террора — анархисты-коммунисты. При посредстве одного из деятельных членов Одесской группы последних — Александра Лаврушина, известного в порту под именем «Сашка-Лошадь», участника ограбления Одес-

ского Отделения Международного Банка, совершенного анархистами 29 ноября 1906 года, — происходит взрыв адской машины на пароходе Русского Общества Пароходства и Торговли «Император Николай II» и падают жертвами революционной мести наиболее яркие сподвижники графа Коновницына — капитаны Михаил Сенкевич и Николай Золотарев, убитые 15 января и 7 февраля 1907 года.

Эти акты позволили правительству развернуть всю силу репрессий.

Забастовка была сорвана.

Арестованный в самом начале ее—27 ноября 1906 года— Михаил Адамович, продолжавший ею руководить из тюрьмы, был в начале 1907 года препровожден в Екатеринодар на разбор дела о всеобщей забастовке 1905 г. и вооруженном сопротивлении при аресте, по которому, как было сказано выше, он разыскивался.

4 июня 1907 года в Одессе, в квартире Николая Нагродского, был арестован в полном составе Одесский Комитет Р. С.-Д. Р. П. Среди арестованных оказался и Александр Яковлев, высланный затем вместе с Нагродским на 2 года в Вологодскую губернию.

Еще раньше, в начале забастовки, «за сношение с лицами политически неблагонадежными» был выслан из Одессы с правом выезда за границу Николай Рабинович.

Александр Лаврушин был арестован 22 октября 1907 года, но за отсутствием улик отделался тоже легко — был выслан на три года в Туруханский край за принадлежность к группе анархистов-коммунистов.

Из других участников этой забастовки подверглись аресту члены стачечного комитета 1906 года: Семен Беляев, выборный от судовых команд, высланный из Одессы в Елисаветград 13 января 1907 года, и Онисим Элик — член портовой боевой дружины, организованной во время забастовки Одесской группой партии с.-р.; он был арестован при ликвидации этой группы 15 декабря 1907 года. По недоказанности обвинений Элик по суду был оправдан и выслан из Одессы 19 сентября 1908 года.

В Екатеринодаре Адамовичу удалось бежать из тюрьмы и снова перейти на нелегальное положение. Проживая опять

под фамилией мещанина Быкова, он выписал в Екатеринодар уже ушедшего в вологодскую ссылку Александра Яковлева и двух других одесских работников — моряка Александра Клочко (по прозвищу Жука) и Василия Усатова, вместе с которыми организовал при содействии принимавшей потом деятельное участие в движении моряков Веры Апостоловой и Сергея Песочинского особую группу, поставившую своей целью освобождение из Екатеринодарской тюрьмы содержавшихся в ней в ожидании суда участников Новороссийского восстания 1906 года.

По целому ряду причин Адамовичу пришлось в начале зимы 1908 года эмигрировать за границу, но группа продолжала существовать до весны того же года, когда после ряда провалов в Екатеринодаре, в связи с убийством полицейского пристава анархистами, ей пришлось ликвидироваться. Тогда же, весной 1908 года, Александр Яковлев, в целях легализации, вернулся в ссылку, но отбывал ее уж не в Вологодской губ., а в г. Кеми Архангельской губ,., Сергей же Песочинский выехал за границу, где в 1909—1911 годах жил вместе с Адамовичем в Мюнхене. После смерти Песочинского, погибшего от туберкулеза в Италии, Адамович возобновил свою деятельность среди моряков, очень часто фигурируя под именем Песочинского, заграничным паспортом которого он пользовался.

Под влиянием неудачи забастовки и арестов наиболее видных социал-демократов и анархистов с конца 1907 года преобладающее влияние среди моряков получают социалисты-революционеры.

В связи с этим заграничной делегацией Ц. К. партии С.-Р. был командирован в Александрийский порт (Египет), посещавшийся судами дальнего плавания русского Черноморского флота, некий «товарищ Николай», на которого было возложено через приходившие в Александрию суда установить связь с южно-русскими организациями п. С.-Р. и наладить транспорт эсеровской литературы.

Во исполнение этого поручения «товарищ Николай» приобрел связи среди моряков, которых стал приглашать на устраиваемые им собрания в помещении кружка оттоманских анархистов.

На этих собраниях, ведя не столько специально эсеровскую, сколько обще-политическую агитацию, «товарищ Николай» особенно сблизился с кочегарами пароходов дальнего плавания, Фролом Воротило и Владимиром Чернявским, из которых последний сыграл особенно крупную роль в Октябрьскую революцию и потом, в 1918—1919 годах, в Одессе в качестве председателя Одесского отдела Всероссийского союза моряков и речников торгового флота.

В том же 1908 году оба эти товарища были арестованы жандармами в Одесском порту и уличенные в провозе нелегальной литературы приговором Одесской судебной палаты были присуждены к лишению всех прав состояния и ссылке на поселение в Сибирь.

К 1909 году подавленное настроение среди моряков стало проходить. Постепенно среди них возрождается институт выборных, снова крепнет идея морской забастовки, собираются сборы в стачечный фонд, организуются «забастовочные кассы».

Среди выборных выделяются новые яркие лица. Из них особенно себя проявляют кочегары пароходов дальнего плавания Русского Общества Пароходства и Торговли: Никита Гордеенко—мещанин г. Таганрога; Антон Оврях—крестьянин с. Мелех, Вороньковской волости, Лохвицкого у., Полтавской губ.; Евгений Яблонский—крестьянин сел. Тодоровки, Дашевской волости, Липовецкого у., Киевской губ.; Александр Богдзевич—крестьянин д. Прудзяны, Дубичевской вол., Лидского у., Виленской губ.; Федор Назар—крестьянин д. Скрижинец, Пашковской вол., Проскуровского у., Подольской губ.; Василий Олейник—казак д. Шумела, Глинской вол., Роменского у., Полтавской губ.; Павел Скрипка—казак с. Мелех, Вороньковской вол., Лохвицкого у., Полтавской губ.; Алексей Чернышов—мещанин г. Алешки, Днепровского у., Таврич. губ.; Сергей Боженов—мещанин посада Лушков, Стародубского у., Черниговской губ.; Осип Ефимчик—крестьянин с. Паньковки, Веселогорской вол., Славяносербского у., Екатеринославск. г.; Терентий Вернигора—крестьянин с. Малой-Березиньки, Жидовно-Гребельской вол., Таращанского у., Киевской губ.—впоследствии видный работник Киевского Совета Р. и Кр. Депутатов, принимавший участие в восстаниях

против гетмана в борьбе с петлюровцами в рядах Украинской Красной Армии, убитый у себя на родине поляками в 1921 году; Емельян Юхновский—крестьянин с. Самородни, Ольховской вол., Киевского у., Киевской губ., и Петр Софийчук—последний был присужден приговором Одесской судебной палаты от 5 июня 1910 года на десять месяцев в крепость за хранение у себя на квартире нелегальной литературы.

В конце 1910 года возвращается из ссылки в Одессу Нагродский и возобновляет работу среди моряков. Сперва он поступает простым кочегаром на пароход, но вскоре бросает службу, не будучи в состоянии примириться с существовавшим во флоте режимом. Он поселяется в Одесском порту, где продолжает заниматься организацией моряков. Находясь под влиянием бывшей незадолго перед тем в Вене конференции социал-демократов (группы троцкистов), придававшей большое значение в деле организации кооперативам, Нагродский пытается заинтересовать моряков всякого рода кооперативными предприятиями легального характера: стремится он провести их в Одесское экономическое общество «Бережливость», старается организовать на широких началах потребительскую лавку с отделениями мастерских и мечтает о сооружении Морского Дома. Все эти предприятия, по его мнению, должны были, с одной стороны, приучить моряков к общественной жизни, заставляя их невольно встречаться и сближаться между собой, с другой же,—в случае забастовки, моряки могли бы в этих предприятиях иметь заметную материальную поддержку. С такой же энергией Нагродский принялся и за литературную деятельность: он собирался издать книгу «Сборник морских рассказов», предполагая сбор от продажи своего произведения употребить на постройку Морского Дома. Затем Нагродский вступает в соглашение с редакцией легальной газеты, издававшейся в Одессе, «Черноморский Портовый Вестник» по поводу совместного издательства газеты для обслуживания интересов моряков и, наконец, образовывает из своих единомышленников по партии редакционный комитет нелегального органа «Черноморец». Последний, однако, недолго просуществовал, так как вскоре после выхода первого номера, газета была ликвидирована, а сам Нагродский едва избежал ареста. Стоя близко к мо-

рякам, Нагродский был сначала против надвигавшейся в 1911 году забастовки, которую усиленно подготовляли местные, а также и заграничные организации (Александрия и Константинополь) социалистов-революционеров и анархистов. Точку зрения Нагродского разделял подпольный Одесский Комитет Р. С.-Д. Р. П.; однако настроение матросов было таково, что забастовка была начата в августе 1911 года. В образовавшийся Стачечный Комитет вошел и Нагродский. Увлеченный общим движением, он большого влияния в нем не имел, так как большинство членов комитета примыкало к эс-эрам и анархистам. В составе Комитета оказывается и бежавший уже к тому времени из Туруханского Края Александр Лаврушин, пользовавшийся среди моряков большой популярностью. Из выборных от судовых команд особую революционность при этом проявлял кочегар наиболее широко распропагандированного парохода «Чихачев»—Семен Замша, в 1919 году зверски убитый врангелевцами при захвате ими Мариуполя, где он являлся рев. комиссаром порта.

Под влиянием Александра Лаврушина, Семена Замши и заграничных эс-эров, среди которых в это время стал играть довольно значительную роль в Константинополе некий Александр Мгебров («Жорж», «Армянин»), бежавший из ссылки, бывший офицер запаса русской армии, осужденный Одесской судебной палатой за принадлежность к партии с.-р. на поселение в Сибирь, Стачечный Комитет, руководивший забастовкой моряков, принял решение, в случае нежелания пароходных обществ пойти на уступки, прибегнуть к терроду как в отношении отдельных лиц судовой администрации, так и в отношении самих судов.

Забастовка эта удалась только наполовину. Она была окончена при обещании судовладельцев следовать нормам соглашения 1906 года, но в то же время последовал провал всего Стачечного Комитета. Из всех членов Комитета успел избежать ареста и во-время скрыться за границу только Нагродский.

Организация была ликвидирована. Последовала новая волна массовых арестов среди моряков, и судовладельцы отказались от всех своих обещаний.

Нагродский бежал в Константинополь, где в это время уже функционировала группа Мгеброва, стремившегося занять среди моряков руководящее положение.

Значительную роль в этой группе играл еще не изобличенный в то время провокатор, кочегар парохода «Чихачев»— Георгий Дорошенко, известный под кличкой «Жак», явившийся, повидимому, виновником провала организации. Заметая следы своего предательства, он на собраниях группы Мгеброва бросил обвинение в ее провале Нагродскому. «Жак» утверждал, что благополучное бегство Нагродского за границу не случайно, что он не только повинен в предательстве по выдаче Комитета полиции, но и в присвоении каких-то комитетских сумм.

Это обвинение было поддержано Мгебровым. Состоялся импровизированный суд над Нагродским, на котором ему было предъявлено обвинение в провокации и объявлен смертный приговор.

Положение Нагродского было критическим. Часть старых моряков, знавших хорошо Нагродского еще по 1905 году, резко опротестовала необоснованный приговор и пригрозила Мгеброву полным разрывом с ним, если гнусные нападки на Нагродского не прекратятся. Со своей стороны, принимая меры к своей реабилитации, Нагродский письмом известил о своем положении уже жившего в то время за границей Адамовича.

Адамович решительно стал на сторону Нагродского и выступил в его защиту в ряде писем к наиболее ответственным морякам, в том числе и к Семену Замше, поддавшемуся доводам Мгеброва и Дорошенко. В этих письмах он осыпал их упреками за необоснованные обвинения против Нагродского и называл последнего безупречно честным человеком, не покладавшим рук в общем деле организации моряков.

Защита Нагродского Адамовичем и рядом старых моряков, которые потребовали отмены смертного приговора, вынесенного ему группой Мгеброва, на самого Мгеброва никакого действия не произвели. Наоборот, став во главе организовавшейся в Константинополе Инициативной Группы по восстановлению организации, Мгебров с новой яростью повел атаку против Нагродского, который в эту группу не вошел, но

продолжал жить в Константинополе и пользоваться большим уважением среди моряков.

Не желая являться яблоком раздора среди моряков, Нагродский сознательно отстранил себя от всякого активного участия в работе указанной выше Инициативной Группы и на просьбы старых моряков не отходить от их дела предложил им взамен себя вызвать в Константинополь старых руководителей Союза—живущего за границей Адамовича и Яковлева, который уже отбыл ссылку и временно проживал в это время в Петрограде.

Моряки с радостью приняли это предложение и поручили Нагродскому от их имени списаться с Адамовичем и Яковлевым и просить их приехать в Константинополь, чтобы спасти дело организации от развала. Адамович и Яковлев ответили на предложение согласием, и это вызвало ликование среди моряков. Нагродский в глубоко прочувствованном письме к Адамовичу, выражая настроение моряков, не смог воздержаться от оценки этого, по его словам, «самого крупного события в жизни организации моряков» после адского провала. «Фундамент заложен,—писал он.—Корабль смело двинется в путь. Он пойдет к намеченной цели под управлением столь опытного кормчего, как Адамович».

ГЛАВА II.

Адамович прибыл в Константинополь в январе 1912 года, а Яковлев еще раньше—в декабре 1911 года.

К этому времени в Инициативной Группе, возглавлявшейся Мгебровым, уже ясно проявились элементы нового распада. Вошедшие в эту группу по предложению моряков сотоварищи Мгеброва по партии с.-р., жившие в Константинополе, эмигранты—Шавла Натадзе, известный под кличками «Горцев» и «Гордон», и бежавший только что с каторги Давид Едыткин начали явно отходить от Мгеброва. Они были смущены его уклоном от правоверного эс-эрства в сторону весьма рискованного полуанархического максимализма, в который Мгебров под влиянием Дорошенка стал все больше и больше впадать. Шавла Натадзе, являвшийся в то время в Константинополе официальным представителем Ц. К. П. С.-Р., был особенно обеспокоен этим уклоном, увлекавшим всех примыкавших к партии с.-р. моряков на неприемлемый с партийной точки зрения путь экономического террора,—взрывов пароходов и частных экспроприаций.

Ни Натадзе, ни Давид Едыткин, продолжавшие слепо верить «искренности» Мгеброва, не подозревали в данном случае определенного растлевающего влияния Одесской охранки, действовавшего на Мгеброва через своего агента—Дорошенко. Тем не менее чутье революционеров заставило Натадзе и Едыткина насторожиться и отдалиться от Мгеброва и группы матросов, поддерживавших его во главе с Дорошенко. В связи с этим, уже к приезду в Константинополь Яковлева и Адамовича, Мгебров оказался изолированным в составе самой Инициативной Группы, которая тогда была преобразована ими в «Заграничный Центр Союза торговых моряков Черного моря». В состав этого Центра, кроме Натадзе, Едыткина, Мгеброва, его жены—Рахиль Чалык, Адамовича и Яко-

влева, вошел и я после того как, по указанию Парижской группы Р. С.-Д. Р. П., Адамович обратился ко мне в Варну с письменным предложением принять участие в делах Союза.

Это предложение я получил от него через ездившего в начале февраля 1912 года из Варны в Константинополь по своим делам Е. Д. Мягкова, бывшего издателя в 1905—1907 г.г. в Москве революционной библиотеки «Молодая Россия», который жил, как и я, в Болгарии на положении политического эмигранта.

Еще в феврале 1912 года в Константинополе вышел первый номер официального органа возрождавшейся морской организации «Моряк». Вышел он под редакцией Натадзе, будучи составлен еще до приезда в Константинополь Адамовича и Яковлева и выпущен как орган уже фактически переформированной «Инициативной Группы».

С шестого номера «Моряк», уже как орган Заграничного Центра, переносится в Варну, и, после личного посещения меня в этом городе Адамовичем, самое издательство его поручается мне и моей жене, Ольге Волковой-Кукнес.

Собственно говоря, с Адамовичем я был знаком гораздо раньше. Мы с ним встречались еще в 1910—1911 годах в Мюнхене, где он был секретарем Мюнх. группы Р. С.-Д. Р. П. Я только не знал, что Адамович и «тов. Михаил», возглавлявший организацию моряков в Константинополе,—одно и то же лицо.

Это был крепкий, вдумчивый, с сильной волей и интуицией революционер, умелый организатор и талантливый агитатор, точно созданый для того, чтобы вести за собой массы моряков.

Что касается меня, то я в Варне очутился осенью 1911 года, где по рекомендации бывшей ученицы Плеханова, а в то время жены болгарского премьер-министра Малинова, покровительствовавшего русской политической эмиграции,—Ю. Я. Малиновой, я получил место старшего техника в Варненском городском самоуправлении.

Еще до связи с Адамовичем как председателем Заграничного Центра Союза Черноморских моряков мне в Варне, при помощи местной группы болгарских С.-Д. Р. П. (тесняков), а также одного из законоположителей болгарской марксист-

ской школы—директора Варненского торгового училища—Ц. Каляндженева,—удалось войти в тесные сношения с болгарскими социал-демократами.

Используя их связи в Варненском порту с местными портовыми рабочими, имевшими сношения с моряками русских торговых пароходов, заходивших в Варну, я, при посредничестве этих рабочих, повел работу среди моряков.

Кроме набережной порта и приморского сада местами моих встреч и разговоров с русскими моряками были кубрики их пароходов, а также «Работнический Клуб» болг. Р. С.-Д. П. (тесняков), находившийся в центре г. Варны на площади Согласия.

Переданный мне упомянутым выше Ц. Каляндженевым остаток транспорта заграничной русской с.-д. литературы, сохранившейся у него с 1906 года, а также ряд новых эс-эровских и эс-дековских изданий, приходивших ко мне из Парижа и Вены, позволили мне широко поставить среди русских моряков приходивших в Варну пароходов распространение революционной летературы.

В этой работе, кроме портовых рабочих-болгар, мне помогали и жившие в Варне бывшие матросы с «Потемкина», осевшие в Болгарии после 1906 года, и еще несколько лиц.

Встреча моя с Адамовичем в Варне произошла в начале марта 1912 года, когда он лично приехал ко мне заключать соглашение об издании «Моряка», и сейчас же после его отъезда я передал печатанье оставленных им мне рукописей шестого номера в болгарскую типографию в Варне некоего Тодорова, которого рекомендовали мне болгарские социалисты. Незадолго перед тем мне удалось там провести печатание нескольких тысяч экземпляров революционной прокламации к морякам торгового и военного флота Черного моря.

С этого момента я стал не только представителем Заграничного Центра Союза моряков в Болгарии, но и членом редакции его руководящего органа «Моряка».

Что касается Константинопольского ядра этого Центра, то приблизительно в первых числах мая 1912 года его состав, сверх указанных в начале этой главы лиц, был еще усилен вызванной Адамовичем из Екатеринодара Верой Апостоло-

вой, которая была введена в состав Заграничного Центра с совещательным голосом. Нагродский же к этому времени покинул Константинополь, оставив совершенно работу среди моряков под гнетом продолжавших тяготеть над ним подозрений.

В этот период своего существования Заграничный Центр не был составлен на основе какого-либо писаного согласия между его участниками. Центр образовался как бы явочным порядком и не был даже утвержден собраниями моряков. Между его членами не было установлено никакого точного распределения работы, прав и обязанностей. Выписанные по требованию моряков «старые работники», в лице Адамовича и Яковлева, и «инициаторы», к числу которых были причислены все остальные члены Константинопольского ядра, согласились работать на равноправных началах, группируясь вокруг редакции «Моряка», решив по-товарищески распределить между собой все дела. Однако под «редакцией» не разумелось что-либо определенное в общепринятом значении этого слова. Это не было нечто территориально определенное. Редакция обнимала собой не только лиц, которые непосредственно руководили газетой, но и всех остальных участников ее. В делах редакции принимали участие и команды судов, заходивших в Константинопольский и Варненский порты, на собраниях которых обсуждались и направление газеты, и содержание статей, и необходимые к освещению темы, и технические вопросы. Редакция «Моряка» включила в свои ряды всех тех, кому было по пути в деле организации рабочей морской массы вплоть до свержения самодержавия, и она равно предоставляла страницы своего органа всем, кто по этому поводу мог сказать что-либо интересное. Это было в 1912 году, когда под влиянием настроений, рождавшихся в широких рабочих низах, в обоих лагерях революционных группировок—марксистском и народническом—с одинаковым жаром заговорили об едином революционном фронте против самодержавия и даже больше—об идеологическом синтезе обоих направлений социалистической мысли, о создании в России единой социалистической партии.

Стоя у самых масс, чуждые заграничной кружковщины, уполномоченные на руководство Союзом, представители За-

граничного Центра, а также редакция «Моряка», не торопились, учитывая общее настроение своих низов, связывать себя какими бы то ни было партийными директивами и организационной зависимостью от тех или иных революционных партий. Даже больше. В соответствии с этими настроениями Центру приходилось видоизменять привычные общепринятые формы внутреннего строя самого Союза и, в частности, отказаться от его построения на основе индивидуального членства в нем отдельных моряков. Членами Союза считались не отдельные моряки, а целиком команды пароходов, связанные попароходно-круговой порукой и ответственностью перед Союзом. Жизнь и условия пароходного быта выдвигали именно такую форму массовой организации моряков, а быстрый темп ее развития, ее устойчивость и внутренняя спаянность показывали, что организаторы ее правильно учли положение и стояли на правильном для того исторического момента пути в своем организационном опыте.

Уже к апрелю 1912 года число команд, входивших в Союз, достигало 50-ти. Этому быстрому росту организации во многом посодействовала успешная поездка на внутренние линии члена Заграничного Центра Александра Яковлева. Поездка эта была решена в результате предварительных переговоров Михаила Адамовича со мной в Варне, в заседаниях Загр. Центра, происходивших 2, 3 и 5 марта 1912 года в Константинополе, в помещении «Клуба славянских рабочих» при участии команд пароходов заграничного плавания—«Королева Ольга» и «Император Николай II».

Александру Яковлеву, как представителю Загр. Центра, было поручено установить, путем объезда портов Черного и Азовского морей и отчасти Каспийского моря, организационные связи не только с пароходами внутренних морских линий, но также и с организациями портовых береговых рабочих и с речными пароходными линиями главнейших водных артерий, впадающих в эти моря—Волги, Дона, Днепра, Буга, Днестра и Дуная.

Во исполнение этого поручения Александр Яковлев, приняв конспиративную кличку Фор-Стенги, посетил г. г. Батум, Баку, Николаев, Новороссийск, Керчь, Одессу, завязав во всех этих портах организационные связи, а в Одессе,

кроме того, вошел в крепкую связь с существовавшей уже в то время береговой организацией рабочих Одесского адмиралтейства.

В Сухуме Александр Яковлев посетил находившуюся в то время в санатории соучастницу Михаила Адамовича по организации побега «новороссийцев» из Екатеринодарской тюрьмы, Веру Апостолову, которую уговорил переехать в Константинополь и принять участие в работе Заграничного Центра.

Одновременно с выполнением организационных поручений Александр Яковлев путем устройства ряда собраний в портах и в кубриках пароходов внутренних линий, входивших в Союз, провел нечто вроде плебисцита между командами этих пароходов по вопросу разногласий, происходивших тогда между Мгебровым и остальными работниками Загр. Центра. В порядке обсуждения командами позиций, занятых Мгебровым и его сторонниками с пароходов заграничного плавания, выяснилось единодушное мнение всех этих команд о необходимости ликвидировать анархические настроения, поддерживавшиеся Мгебровым среди команд некоторых пароходов, самого Мгеброва призвать к порядку и связать его обязательством согласовать свою работу с мнением большинства Заграничного Центра.

Попутно команды пароходов внутренних линий высказались всецело за проведение в жизнь предложения Загр. Центра о видоизменении порядка сборов на пароходах в пользу организации, о замене прежних нерегулярных добровольных пожертвований в кассу Заграничного Центра регулярными ежемесячными отчислениями в эту кассу 2-х процентов с заработной платы.

В связи со всем этим перед Загр. Центром по возвращении Александра Яковлева в Константинополь стал вопрос о ряде преобразований как в организации вообще, так и в самом Заграничном Центре.

С этой целью, весной 1912 г., когда в связи с началом итало-турецкой войны были закрыты Дарданеллы, что вызвало сокращение заграничных рейсов пароходов дальнего плавания до пределов лишь Анатолийской и Румыно-Болгарской линий Черного моря, Загр. Центром было разослано командам всех входивших в Союз пароходов первое цир-

кулярное письмо с предложением приступить к выборам от команд уполномоченных на организационную связь с Загр. Центром—по одному от каждой палубной и каждой машинной команды соответствующих пароходов.

Вместе с этим циркулярным письмом командам была разослана инструкция из восьми пунктов, в которой разъяснялась роль выборных, их права и обязанности.

Согласно этой инструкции выборные от команд являлись официальными представителями организации перед командами и представителями команд перед Загр. Центром, который в дальнейшем все свои отношения к пароходам должен был проводить исключительно через этих выборных.

К обязанностям выборных относилось: поддерживать при стоянках пароходов в Одессе теснейшую связь с Одесским Уполномоченным Загр. Центра, должность которого была к тому времени утверждена, и посещать все, созываемые им в Одессе организационные собрания, на коих представлять свои команды и от их имени принимать участие в разрешении обсуждаемых вопросов; проводить на пароходах решения, принятые на этих собраниях; то же проводить при стоянках в Константинополе в отношении сношений с Загр. Центром и участия от имени команд в собраниях, устраиваемых на берегу по его инициативе; устраивать собрания с представителями Загр. Центра и без них на самих пароходах, ставить на обсуждение команд на этих собраниях и анкетным путем все вопросы, кои по инициативе других команд, по инициативе Загр. Центра или отдельных групп моряков будут выноситься на их разрешение; сообщать решения этих собраний и результаты анкетных опросов Загр. Центру и редакции «Моряка», заботиться о правильном получении на пароход—«Моряка», нелегальной литературы, циркуляров и распоряжений Загр. Центра, о своевременном распространении всего этого среди команд и на берегу, о сборе и сообщении в редакцию «Моряка» информации о жизни команд, писем и статей для их опубликования; заботиться также о правильном поступлении ежемесячных взносов в кассу Союза и проведении в жизнь всех решений Загр. Центра.

Выборные должны были в интересах дела принимать все меры, чтобы их деятельность оставалась достаточно законспирированной от судовой администрации и чтобы об их полномочиях, кроме команд и Загран. Центра, не было известно никому.

Наконец, выборные от команд пароходов, заходивших в Константинополь, должны были поддерживать организационную связь Загр. Центра с пароходами внутренних линий.

В середине мая 1912 г. число организованных пароходов достигало 80-ти, при чем выборные уже оказались на большинстве пароходов, примкнувших к организации.

В выборные, само собой разумеется, попадали наиболее энергичные, преданные делу, пользовавшиеся влиянием среди команд, моряки. Машинные команды состояли из наиболее развитых моряков, совершавших уже не в первый раз рейсы. Они являлись наиболее подходящим элементом для организации и в союз шли гораздо охотнее, нежели палубные команды, в состав которых входили лица более случайные, попадавшие в море из деревень впервые и совершавшие нередко единичные рейсы.

В то время, когда «выборные» уже существовали на большинстве пароходов, в Центре возник проект учредить в добавление к выборным кандидатов к ним.

Это решение было проведено 14 июля 1912 года в заседании Заграничного Центра с участием команды парохода «Одесса», носившего в организации конспиративную кличку «Боевой» [1]).

18 июля того же года в циркулярном письме № 6 было командам разослано предложение дополнить выборы двумя кандидатами.

Почти одновременно с учреждением выборных, а именно в средних числах мая 1912 г., в Одессе была утверждена

[1]) Такие клички были присвоены всем пароходам, входившим в организацию. Так, пароход «Император Николай II-й» носил кличку «Зевс», «Иерусалим»—кличку «Громобой»; «Лазарев»—кличку «Звезда» и т. д. Клички эти, по мере их разоблачения жандармами, менялись. Так, «Зевс» был обращен сперва в «Мазепу», а потом в «Очаков», «Громобой» переименовался в «Иностранца». Некоторые же пароходы имели сразу по три клички. Так, например, «Чихачев» назывался—«Матюшенко», «Итальянец» и «Несчастие». *Е. В.*

платная должность представителя Заграничного Центра. На эту должность был послан популярный в то время среди моряков, но оказавшийся в действительности агентом охранки, социал-демократ Иван Сергиенко, носивший в организации кличку «Василий». Ему было выдано на руки особое письменное полномочие, и он был снабжен соответствующими инструкциями, устанавливающими круг его деятельности.

В общем, обязанности этого представителя сводились к следующему: прежде всего он являлся как бы явочной квартирой Союза моряков в г. Одессе; он находился в постоянном общении с командами и выборными от них на всех, приходивших в Одесский порт, пароходах. Иногда он производил сбор среди команд внутренних линий и передавал собранные суммы через выборных заграничных пароходов в кассу «Моряка»; выдавал квитанции, распространял получавшуюся из Центра литературу и орган союза—«Моряк», а также письма и циркулярные распоряжения; собирал сведения Центру о всех событиях, происходивших в Одесском порту и на внутренних линиях, и, наконец, в случаях особой важности, при участии выборных от стоявших в порту пароходов, разрешал некоторые, не терпящие отлагательства, вопросы.

Летом 1912 года Заграничным Центром был поднят вопрос о дальнейшем существовании этой должности. Запрошенные по этому вопросу команды признали целесообразным дальнейшее существование одесского представительства, и Сергиенко продолжал оставаться на своем посту до сентября 1912 года. С его уходом в Центре возник вопрос о полном упразднении представительства в Одессе и о периодическом командировании взамен этого на внутренние линии члена Центра.

Приблизительно с апреля-мая 1912 года разрешается практически вопрос о другом представительстве союза — о Варненском.

Как упомянуто было выше, в Варну перенесено издание «Моряка», начиная с шестого номера. На почве технических условий печатания и личного участия в газете мне сразу же пришлось вступить с Заграничным Центром в оживленную переписку.

Одной из наиболее важных тем этой переписки был вопрос об установлении связи с Мариупольским и другими азовскими портами через грузовые—угольные и наливные—пароходы, которые приходили в Варну, а также с эмигрантскими группами русских моряков-потемкинцев, раскинувшихся по румынским морским и дунайским портам, и через них уже с командами русских коммерческих пароходов Черноморско-Дунайской линии.

Несколько собраний, устроенных мною отчасти на берегу в клубе болг. С.-Д. Р. П. (тесняков), отчасти в кубриках грузовых пароходов, приходивших в Варненский порт, показали всю возможность и необходимость тесной связи Заграничного Центра с Азовским морем и Дунаем.

При помощи этих пароходов к лету 1912 года удалось газету «Моряк» и другую литературу союза широко распространить не только в портах самого Азовского моря, но и в портах, к нему примыкающих—Керчи, Феодосии, Новороссийске.

Эта литература и агитация среди самих моряков вызывали заметный интерес к делу организации. Отдельные пароходы—«угольщики» и «землечерпательные машины»—через Варненское представительство стали засыпать Заграничный Центр настойчивыми требованиями, выраженными в резолюциях команд, о включении их в союз.

Столь заметный рост интереса к организации на Азовском море заставил меня выдвинуть перед Заграничным Центром вопрос о посылке в Мариуполь специального постоянного представителя Союза. Это мое предложение совпало с тождественным ходатайством отдельных команд. Заграничный Центр предложил своему одесскому представителю Ивану Сергеенко отправиться в Мариуполь, но тот, в связи с появившимися слухами об его отношениях к одесской охранке, отказался от этой командировки. Тем не менее Заграничный Центр на этом не остановился и продолжал энергично устанавливать связи с портами Азовского моря, не ограничиваясь уже одной Варненской линией, а ведя сношения и через Крымско-Кавказскую и через Болгаро-Анатолийскую линии.

Ввиду отказа Сергеенко выехать в Мариуполь, Азовское море и этот порт были намечены в программу второго объ-

езда внутренних портов и линий Александром Яковлевым,— вопрос об этой поездке возник в июне месяце 1912 года.

В дальнейшем, с провалом Одесской линии (в связи с разгромом 8 июля 1912 г. одесской организации Р. С.-Д. Р. П.), Мариупольский порт сыграл крупную роль в последующей жизни Союза Черноморских моряков, но уже в этот период связь с ним Заграничного Центра поддерживалась не по линии Варна-Мариуполь, а по линии Галац-Мариуполь.

Эта последняя связь была предусмотрена Варненским представительством в связи с учетом им исключительного положения Дуная, по которому плавали в то время в большом количестве русские коммерческие пароходы и который, по своему географическому положению, представляется чрезвычайно удобной базой для развития широкой пропаганды.

В связи с моим предложением использовать в этом смысле Дунай, Заграничным Центром в июле месяце 1912 года был принципиально разрешен вопрос о командировании на Дунай одного из членов Центра для постоянной с ним связи. До определения же подходящей для такого представительства кандидатуры, временное представительство было возложено на меня.

Однако окончательная попытка сорганизовать Дунай завершилась лишь 10 марта 1913 года, когда на Дунай был, наконец, командирован специальный представитель Заграничного Центра, в лице бывшего деятеля Регистрации Александра Клочко—по прозвищу «Жук»—ревностного помощника Адамовича в последний период существования Союза. На этот раз вопрос о присоединении Дуная к морскому союзу был поставлен совершенно планомерно, и решено было сделать его самостоятельным отделом последнего. Клочко, прибыв в Галац, занялся делом. На приходящих из России пароходах им была проведена агитация в пользу союза, распространялась газета «Моряк», делались сборы в пользу этой газеты и пр.

Несколько раньше приезда в Галац Клочко Заграничному Центру, при помощи связей с румынской с.-д. партией, через тов. Раковского, в результате свидания с ним в августе месяце 1912 года Адамовича, Яковлева и меня в Константинополе (на Принцевых островах), удалось установить

сношения с потемкинцами, проживавшими в румынских придунайских портах, и организовать из них подсобные группы людей (группы содействия).

В ноябре 1912 года этим группам была послана Заграничным Центром особая инструкция, в которой указывалась необходимость их связи с надежными лицами из судовых команд плававших по Дунаю и заходивших в Галац русских коммерческих пароходов и давались общие наставления по работе среди последних.

Потемкинцы по мере возможности старались оказывать Союзу и другие услуги: например, устраивали явки и содействовали переходу через румынскую границу тем работникам союза, которые сухим путем командировались из-за границы в Россию.

ГЛАВА III.

Рост организации, укрепление ее связей с портами Черного моря, Азовского моря и Дуная выдвинули перед Заграничным Центром целый ряд еще более широких проблем, которых мы коснемся ниже.

В то же самое время те же явления заставили Заграничный Центр задуматься над соответствующим упорядоченьем и своей структуры и своей работы.

В связи с этим, для более успешной деятельности союза, Заграничный Центр организовал при своей квартире в Константинополе канцелярию, ведавшую всю переписку и денежную отчетность. На работу для этого была приглашена упоминавшаяся выше старая сотрудница Адамовича по его работе в Екатеринодаре—Вера Апостолова. Она входила в Заграничный Центр, как было указано, с совещательным голосом и затем, находясь уже в России, до своего ареста в Москве 12 февраля 1913 года, продолжала не только поддерживать связь с Заграничным Центром, но и исполнять его поручения.

Одновременно с организацией канцелярии, Заграничным Центром на средства Союза была приобретена печать с надписью: «Моряк»—орган судовых команд Черноморского торгового флота; были заведены также пишущая машина, мемиограф, журнал входящих и исходящих бумаг, кассовые и чековые книги. Кроме того, при той же квартире Заграничного Центра, находились архив и библиотека, состоявшая, главным образом, из заграничных изданий Р. С.-Д. Р. П. и П. С.-Р.

Всеми денежными средствами союза ведала особая касса, которую еще 27 февраля 1912 г. принял от Инициативной Группы Адамович, получив наличными деньгами 28 р. 93 коп. Обязанности кассира и секретаря выполнял также и Яковлев.

Как сказано было выше, средства союза в период существования «Инициативной Группы» составлялись из случайных денежных пожертвований отдельных лиц из команд примыкавших к союзу пароходов. Взносы эти, производившиеся под влиянием агитации членов «Инициативной Группы», первоначально предназначались специально в забастовочный фонд на случай возможной забастовки.

Когда же «Инициативная Группа» сменилась «Заграничным Центром» и деятельность союза приняла более планомерный характер, когда явилась потребность оплачивать труд некоторых членов Центра и издавать свою газету, наступила необходимость в более устойчивых материальных источниках, и пожертвования, по решению команд, были заменены ежемесячными сборами со всех организованных пароходов.

Вопрос о производстве регулярных сборов был возбужден Адамовичем еще в феврале 1912 г., под видом сборов на издание газеты. С этой целью Заграничным Центром было принято, с согласия команд, решение обложить каждого моряка, состоявшего в примкнувшей к союзу команде, ежемесячным сбором в размере 2% с получаемого им содержания.

До введения института выборных по указанию Центра деньги эти собирались в каждой команде одним каким-либо доверенным лицом и передавались в кассу Союза, при этом для взаимного контроля другое лицо из той же команды передавало в Центр письмо с обозначением имени парохода, сдавшего взнос, а также количества денег, собранных особо машинной и палубной командами.

Впоследствии, как сказано выше, сборы производили выборные от команд, а также и одесский представитель Центра, и передавали обычно эти деньги Александру Яковлеву, который проводил их по кассовым книгам, отмечал на квитанции условную кличку парохода, сделавшего взнос, и возвращал ее команде, после чего квитанция уничтожалась.

Сумма взноса, поступавшая ежемесячно с одного лица, обыкновенно равнялась 50, 60 и 70 коп., что вполне совпадало с размерами обычно получавшегося моряками в то время месячного содержания в размере—25, 30 и 35 р.

Благодаря регулярному взносу этих отчислений, особенно после поездки Яковлева на внутренние линии, наличность

кассы увеличились за февраль и март втрое, и к 25 апреля 1912 года регулярные взносы уже поступали от команд 33 пароходов.

С улучшением материального положения Союза и вся его финансовая сторона приняла более планомерный характер.

Так, ежемесячно Центром составлялась приходо-расходная смета, которая рассматривалась и принималась командами не менее трех заграничных пароходов, при этом последние иногда проверяли наличность кассы путем ревизии всего делопроизводства.

Кроме того, о состоянии кассы составлялись отчеты, которые ежемесячно опубликовывались в «Моряке», а по истечении 1912 года в № 13 «Моряка» был дан и годовой отчет.

Помимо сборов на газету «Моряк» производились также сборы на литературу. Сборы эти были не обязательны, и размер их определенно не указывался, почему общая сумма значительно уступала сумме поступлений на газету «Моряк».

Кроме того, были установлены специальные сборы в пользу революционного «Красного Креста», из сумм которого оказывалась поддержка арестованным и осужденным морякам и их семьям, а также и депутатам II Государственной Думы социал-демократической фракции, сосланным в то время в Сибирь. Возник и литературный фонд, в целях снабжения моряков нелегальной литературой, к которой они с первых же дней существования организации проявляли самый живой интерес.

Касса «Красного Креста» возникла с тех пор, когда в г. Одессе начались аресты среди матросов, за принадлежность к союзу моряков. Когда весть об этих арестах достигла Константинополя, Заграничный Центр, 27 августа 1912 года, поставил в порядке срочного обсуждения, на совместном своем заседании с командами ряда пароходов, вопрос об организации материальной помощи арестованным и их семьям.

Получив согласие команд на производство сборов на эту цель, Заграничный Центр немедленно же издал и разослал по связям особое циркулярное письмо, извещая команды всех, входивших в союз судов, об учреждении при Заграничном Центре особой кассы Красного Креста.

Из одиннадцати пунктов устава этой кассы видно, что «Красный Крест» ставил своей целью помощь всем морякам, пострадавшим от преследований царского правительства по политическим и профессиональным делам, и их семьям. Касса «Красного Креста» должна была пополняться добровольными взносами команд и существовать отдельно от кассы «Моряка».

Согласно уставу, постановления о выдаче пособий делались собраниями заграничных пароходов, при чем в экстренных случаях, если сумма пособия не превышала 25 рублей, достаточно было решения одного парохода.

В циркулярном письме испрашивалось согласие на это постановление всех пароходных команд, так как необходимо было знать мнение команд пароходов внутренних линий, и предлагалось приступить к сборам сейчас же.

Фактически касса эта была утверждена в сентябре 1912 г., и в последующее время Заграничный Центр периодически рассылал подписные листы «Красного Креста» для сбора пожертвований не только морякам, но и другим организациям, как за границей, так и в России.

Время от времени Центр обращался к морякам с воззваниями об усилении пожертвований в «Красный Крест». Эти воззвания частью опубликовывались в «Моряке», частью выпускались отдельными листовками.

Как показывают отчеты «Красного Креста», начиная с осени 1912 года, вспомоществования были выданы целому ряду моряков, заключенных по делу Союза Черноморских Моряков, и их семьям, при чем сумма выдачи обычно колебалась от 5 до 15 рублей.

Что касается третьего фонда—в пользу депутатов II Государственной Думы социал-демократической фракции—сосланных по приговору Петроградской судебной палаты в Сибирь на поселение, то этот фонд образовался в мае 1912 года по предложению Венского Организационного Комитета Социал-Демократической Рабочей Партии (группы Троцкого).

Пожертвования эти были единовременными и должны были производиться каждое 1 мая в виде протеста против суда над депутатами.

Не будучи в состоянии, по условиям своей профессии, участвовать во всеобщем праздновании пролетариатом Первого Мая путем однодневной первомайской забастовки, моряки, по предложению Заграничного Центра, постановили в этот день отчислять свой однодневный заработок в пользу депутатов, пострадавших за рабочее дело.

В союзе моряков существовал еще один единовременный фонд «вспомоществования бастующим рабочим в депо Русского Общества Пароходства и Торговли в г. Одессе». Когда летом 1912 года среди этих рабочих вспыхнула забастовка и среди моряков возник вопрос о способах выражения сочувствия бастующим рабочим, было решено это сочувствие выразить в отчислении в пользу бастующих однодневного заработка. Такие отчисления были произведены в июне, июле и августе 1912 года.

Из годовой отчетности денежных сумм за 1912 год, опубликованной в № 13 «Моряка», видно, что за этот год в пользу газеты «Моряк» поступило 3.512 р. 10 коп. На нелегальную литературу—95 р. 19 коп., для депутатов 2 Гос. Думы—96 р. 54 к.; для бастующих рабочих адмиралтейства—25 р. 71 к. и в Кассу «Красного Креста»—78 р. 64 коп. Итого приход выразился в сумме 3.808 р. 18 к.

Наиболее крупные поступления в пользу «Моряка» падают на май—490 р. 32 коп.; на литературу—на август—17 р. 40 к.; в пользу депутатов—на май—51 р. 04 к.; для бастующих—на июнь—19 р. 96 к.; и в пользу «Красного Креста»—на декабрь—33 р. 48 коп.

Из этого же отчета видно, что за тот же 1912 год было произведено расходов на общую сумму 3.379 р. 02 к., так что 1913 год начинался с остатком в кассе в размере 133 р. 08 коп. В отдельные статьи расходов входит:

Содержание работников, издание газеты «Моряк», организационная квартира, командировки, пишущая машина и мемиограф, разъезды по пароходам, почтовые расходы, помощь арестованным, газеты для редакции, канцелярские расходы, сверхсметные расходы.

Кроме того, производится ряд расходов на приобретение нелегальной литературы и в помощь бастующим рабочим

Одесского порта, и выдаются известные суммы из кассы «Красного Креста» арестованным морякам и их семьям.

Конец весны и лето 1912 года были периодом расцвета деятельности союза моряков и его правящего органа—Заграничного Центра.

Преимущественное большинство судовых команд, вступивших в организацию к этому времени, как это явствует из списка пароходов, плативших взносы в кассу «Моряка» с февраля 1912 года, принадлежало к Русскому Обществу Пароходства и Торговли, к Российскому Страховому и Транспортному Обществу, к Северному Обществу, к наливным и частным пароходам, наконец, к Добровольному флоту, в котором, вследствие более суровой внутренней дисциплины и надзору, пропаганда союза прививалась в значительно меньших размерах.

В общем, к августу 1912 года таких пароходов по списку значится 90, и, кроме того, в организации состояло еще 11 пароходов, не успевших до августа переслать своих взносов в кассу союза. В числе этих последних пароходов были суда Русско-Дунайского Пароходства и линий, обслуживающих движение между Одессой—Херсоном и Одессой—Николаевым.

ГЛАВА IV.

Подозрительный уклон в сторону полуанархического максимализма члена Заграничного Центра Александра Мгеброва, его роль в «процессе Нагродского» и двусмысленное поведение его жены—Рахили Чалык—вызывали к себе крайне недоверчивое отношение со стороны остальных членов Заграничного Центра и, как говорилось выше, не встретили никакого одобрения даже со стороны товарищей Мгеброва по партии С.-Р.

Недоверие это еще больше обострилось после того, когда Мгебров, с приездом на Черное море Адамовича и Яковлева, стал терять свой авторитет среди моряков и, в стремлении сохранить свое влияние на них, вступил на путь самой наглой инсинуации не только против этих товарищей, но и против официального представителя своей собственной партии—Шавлы Натадзе.

При поддержке явно сомнительных элементов среди поддерживавших его команд ряда пароходов заграничного плавания («Королевы Ольги», «Чихачева», «Императора Николая II и др.»), Мгебров стал распространять среди моряков слухи о том, будто Адамович и Яковлев ведут в Заграничном Центре политику отстранения от дел союза эс-эров и, ведя борьбу лично против него, в сущности, стремятся обратить Заграничный Центр в филиал социал-демократической партии.

Эти явно ложные инсинуации, сопровождавшиеся к тому же распространением Мгебровым гнусных сплетень в целях личного ошельмования Адамовича и Яковлева в глазах моряков, заставили их обратиться к Натадзе, как официальному представителю в Константинополе партии С.-Р. входившему в Заграничный Центр Союза, высказаться на общих собраниях судовых команд в Константинополе по поводу всей

той бесчестной кампании, которая велась против них, и несоответствия действительности распускавшихся Мгебровым слухов о расколе в центре. Однако первая же попытка Натадзе выступить на собрании моряков с такого рода заявлением вызвала со стороны сторонников Мгеброва резкий отпор, и они заявили, что, не зная Натадзе, они ему не могут доверять. Масла в огонь подлил сам Мгебров, вступивший на том же собрании с Натадзе в личную полемику и, в конце концов, обозвавший Натадзе самозванцем, не имеющим никакого права выступать перед моряками от имени партии С.-Р.

Возмущенный такой наглостью Натадзе бросился на Мгеброва, и собрание чуть не закончилось пожовой расправой между ними.

Все это, конечно, крайне отрицательно влияло на дела организации и создавало для работы Заграничного Центра большие затруднения. И хотя, в конечном счете, сторонники Мгеброва решающего положения в Союзе не занимали, команды внутренних линий целиком стояли против них и далеко не все команды пароходов заграничного плавания поддавались их растлевающему влиянию,—все же положение в Центре изо дня в день становилось все тяжелее.

В своей агитации против Адамовича и Яковлева Мгебров не остановился даже перед тем, чтобы вступить в открытый блок с анархистами. Используя их работу среди наиболее темной части моряков, он, в противовес осторожной тактике Заграничного Центра, стал выдвигать на собраниях моряков и в отдельных собеседованиях с ними лозунги прямого действия, террористических актов против судовой администрации, взрывов пароходов и экспроприаций на судах.

Вызванное этой дикой агитацией среди моряков нарастание анархических настроений стало угрожать срывом всего дела организации. Чтобы выяснить в конце концов насколько эта агитация Мгеброва и анархистов проникла вглубь организованной массы моряков и дать ей соответствующий отпор, Заграничный Центр решил вопрос о программе и тактике Союза вынести на страницы «Моряка».

В № 9 «Моряка», в связи с этим, его редакцией дается место статье наиболее популярного среди моряков проповед-

ника анархических идей—Александра Лаврушина, в которой он, выступая под псевдонимом «Борей», дает обоснование своих взглядов и рекомендуемой его группой и группой Мгеброва тактики.

На эту статью в следующем № 10 «Моряка» опубликовываются редакцией два ответа. Первый по адресу анархистов и по существу их тактики дает Александр Яковлев в сильно написанной редакционной статье—«С бомбами и револьверами или без них». Второй—по адресу Мгеброва—дает Натадзе, выступая в особом «письме в редакцию» против его инсинуаций на Адамовича и Яковлева и против искажения им эс-эровской партийной линии в отношении задач и практики профессионального движения, в качестве официального представителя П. С.-Р.

Одну часть этого письма, как характерную по своему содержания для переживавшегося в то время момента, необходимо привести:

«...Пусть моряки знают,—писал Натадзе,—что между нами, эс-эрами, и социал-демократами на почве работ в союзе нет никаких разногласий. Ни мы ни они не стремимся союз сделать партийным. Мы стоим на той точке зрения, что союз должен обнять всех моряков не только социалистов, но и беспартийных, но мы вместе с тем убеждены, что профессиональный союз, загнанный полицейскими условиями русской жизни в подполье, может успешно бороться за свои профессиональные и общеклассовые нужды только идя руку об руку с социалистическими партиями. Поэтому профессиональный союз, оставаясь беспартийным, должен установить тесное общение с революционными социалистическими партиями... Мы, социалисты-революционеры, неоднократно заявляли, что мы стоим за непартийный профессиональный союз, мы всегда предлагали членам нашей партии войти в профессиональный союз, чтобы придать его деятельности планомерный и революционно-социалистический характер, но в то же время мы всегда отклоняем стремление некоторых союзов войти в партию С.-Р. в виду ее особых отделов».

Эти выступления Яковлева и Натадзе, как и следовало ожидать, вызвали бурю возмущения как со стороны Мгеброва и его сторонников, так и со стороны анархистов. В

редакцию «Моряка» посыпался ряд угрожающих писем. С пароходов, находившихся под их влиянием, стали поступать в Заграничный Центр требования об его отставке, о прекращении «за мелко-буржуазность» дальнейшего издания «Моряка», о ревизии всех дел Заграничного Центра и кассы редакции.

В это время «Моряк», вначале издававшийся в Вене, выходил уже в Варне, и его изданием непосредственно руководил я. В Варне агитация Мгеброва и анархистов против «Моряка» из словесной формы перешла в форму активного действия. Накануне выпуска № 10 «Моряка», в котором должны были появиться оба ответа на статью «Борея» и инсинуации Мгеброва, на болгарскую типографию, в которой набирался «Моряк», производится ночной налет. Налетчики рассыпают уже набранные гранки № 10 «Моряка» и похищают самый набор.

Возмущенные этим актом насилия наборщики типографии—болгаре выслеживают налетчиков и устанавливают, что одним из них оказывается живший тогда в Варне в качестве русского политического эмигранта анархист Павел Сумецкий, известный им под кличкой «Михаил».

Этот анархист, как мне было известно, вел агитационную работу среди моряков русских пароходов, заходивших в Варненский порт, и был связан с анархистами и даже Заграничным Центром Союза в Константинополе, но мне он всегда казался подозрительным, и в своих письмах в Центр я несколько раз требовал принятия решительных мер к устранению его связей с моряками.

Пойманный болгарами с поличным, Сумецкий, во избежание еще большого скандала, принужден был бежать в Константинополь, где, по получении Заграничным Центром сообщения от меня о его отношении к налету на болгарскую типографию, ему было предложено в интересах личной безопасности среди моряков больше не появляться.

В разгар этих печальных событий в жизни союза и я в Варне и Заграничный Центр в Константинополе стали явно ощущать вокруг себя следы и признаки большой работы охранки. Как-то почувствовалось, что появившимися в моряцкой среде «левыми» кто-то умело руководит за спиной

всех этих Мгебровых, Лаврушиных, Сумецких, явно провоцируя моряков на уголовщину.

«Экспроприация» в Варне странно совпала с неудавшейся попыткой одесской охранки ликвидировать издание «Моряка» в Болгарии иным путем и с прибытием для этого на поклон к болгарскому правительству помощника начальника одесского жандармского управления подполковника Марциновского. Как мне потом рассказал несочувствовавший видам русского правительства и его политике на Балканах варненский градоначальник, вопрос шел об аресте и выдаче меня, как издателя «Моряка», России, что, конечно, имело бы своим следствием, если не окончательное, то хотя бы временное прекращение его издания.

Этот подполковник, впоследствии руководивший всем следствием по делу Союза, при допросе арестованной по этому делу в России уже в 1913 г., Веры Апостоловой, проявил изумительную осведомленность не только в том, что делалось мною в Варне, но и во всей внутренней работе и даже в личном быту Константинопольского Центра. Как потом выяснилось источниками его осведомленности были в Одессе—Петр Сергеенко, на пароходах—пресловутый «Жак»—Георгий Дорошенко, кочегар с «Чихачева», в Константинополе же—появившаяся в это время около Заграничного Центра подозрительная личность Георгия Стааля. Был ли среди этих осведомителей и сам Мгебров—на этот счет твердых данных не удалось собрать, но вся обстановка его разлагающей работы среди моряков, вся лживость и беспринципиальность его поведения и целый ряд чрезвычайно странных совпадений впоследствии меня лично вполне убедили, что в лице Мгеброва мы также имели определенного провокатора.

Что же касается неудачи миссии подполковника Марциновского в Болгарии, то она, несомненно, стоит в связи с разыгравшейся незадолго до его приезда в Варну скандальной истории с арестом в Болгарии провокатора Островского-Ерофеева, пытавшегося втравить русских эмигрантов в Софии в подготовлявшееся им с помощью поддавшихся его агитации нескольких болгар—студентов Софийского Университета—покушение на болгарского короля Фердинанда.

В разоблачении этого молодчика мне пришлось принять личное участие, и мои статьи о нем в бурцевском «L'avenir», с описанием произведенного мною при содействии болгарской администрации в Варне допроса Ерофеева перед его посадкой в варненском порту на русский пароход для отправки в Россию, были перепечатаны чуть ли не всеми болгарскими газетами.

Все эти обстоятельства привели к тому, что для детального обсуждения создавшегося положения, я, в начале августа 1912 года, был вызван из Варны Адамовичем в Константинополь.

Прибыв туда, я застал такое положение в Заграничном Центре: Заграничный Центр в это время составляли Адамович, Яковлев, Едыткин, Натадзе и Мгебров, при чем Натадзе в это время непосредственного участия в повседневной работе центра не принимал. Делопроизводством Центра ведала жившая в одной квартире с Адамовичем и Яковлевым в Перо[1]) Вера Апостолова. Эта же квартира являлась одновременно и канцелярией Центра и редакционной конторой «Моряка». Что же касается Мгеброва, жившего со своей женой — Рахилью Чалык—в Галате[2]), поближе к порту, то он держал для моряков явку и, кроме того, у него на квартире был склад изданий как самого «Моряка», так и всякой иной нелегальной литературы. Заседания Заграничного Центра происходили, обычно, у Адамовича, а собрания команд, с участием Заграничного Центра—в Галате, в «Клубе турецких и славянских рабочих», при чем в это время Мгебров лично заседаний Центра почти совсем не посещал, и его обычно, «в целях информации» замещала на этих заседаниях Рахиль Чалык.

В Центре царила крайне натянутая атмосфера. 28 июля 1912 г. в Константинополе состоялось организационное собрание судовых команд «Иерусалима», «Лазарева» и «Ростова», стоявших на стороне Адамовича и Яковлева, и на этом собрании было вынесено постановление передать, во избежание дальнейших трений в редакции «Моряка», издание его в

---

[1]) Европейская нагорная часть Константинополя. *Е. В.*

[2]) Бер говая европейская часть Константинополя. *Е. В.*

руки одного Адамовича. Это решение сильно взвинтило Мгеброва, и в ответ на него находившиеся под влиянием Мгеброва и анархистов, а сказать прямо — под влиянием агентов охранки, команды пароходов «Чихачев», «Королева Ольга», «Вел. кн. Алексей» и «Принцесса Евгения Ольденбургская» вынесли обратную резолюцию о недоверии Адамовичу и Яковлеву, с обвинением их в разного рода некрасивых проступках.

Привезенный мною с собой из Варны только что вышедший с опозданием № 10 «Моряка» еще больше обозлил «левых».

Против статьи Яковлева, отвечавшей «Борею», и ее резко бичующего тона отдельно выступила команда «Чихачев», вдохновленная провокатором «Жаком», а на письмо в редакцию Натадзе прислала ответ-протест какая-то одесская «береговая группа» П. С.-Р., требуя опубликования его в следующем же номере «Моряка».

От опубликования этого протеста Заграничный Центр воздержался, заподозрив подложность присланного ему документа, и вынес решение весь инцидент между Мгебровым и Натадзе передать со всеми документами по делу на заключение Центрального Комитета П. С.-Р., ввиду внутрипартийного фракционного характера этого инцидента и программно-тактической полемики между ними.

В это время в заседаниях Заграничного Центра, в порядке кооптации, принимал участие уже и я, а также прибывший недавно в Константинополь из России, бежавший с каторги эс-эр, Адания-Оглы-Амир.

Как его, так и меня, Мгебров усиленно пытался склонить на свою сторону в своем конфликте с Адамовичем и Яковлевым, однако эти попытки ни к чему не привели, а, наоборот, наше недоверие вскоре же лишило Мгеброва дружбы еще одного члена Заграничного Центра — Давида Едыткина, до того времени бывшего под его полным влиянием.

Гнойный нарыв, назревавший уже несколько месяцев внутри Союза, готов был ежеминутно вскрыться, и наступление решительного момента несколько затормозилось только потому, что как раз ко времени прибытия меня и Адания-Оглы-Амира в Константинополь, Адамович должен был выехать в

Вену, куда его делегировали на конференцию Р. С.-Д. Р. П. социал-демократические элементы девяти входивших с Союз пароходов.

Конференция эта, созванная по инициативе «троцкистов», открылась в Вене 23 августа 1912 года. Приглашение принять участие в Венской конференции Р. С.-Д. Р. П. было получено редакцией «Моряка» еще 16 мая 1912 года в следующем письме тов. Троцкого, стоявшего в то время во главе «Заграничного Секретариата Организационного Комитета Российской С.-Д. Рабочей Партии» в Вене и вместе с Семковским издававшего в том же городе троцкистскую «Правду».

«Уважаемые товарищи,—писал тов. Троцкий в этом письме, в ближайшем будущем предстоит созыв конференции Р. С.-Д. Р. П., имеющей своей целью сплочение социал-демократических элементов, дабы обеспечить планомерное выступление партии при выборах в IV государственную думу. В связи с этим Организационный Комитет считает желательным участие в этой конференции представителей от социал-демократических элементов союза Черноморских моряков, надеясь, что более тесная связь этих элементов с партией благотворно отразится на их работе в Союзе. Исходя из этого, Организационный Комитет предлагает социал-демократическим элементам Союза оформить свою внутреннюю связь, определить свое отношение к стоящим перед партией политическим вопросам и делегировать своего представителя на общепартийную конференцию; если же это невозможно, то Организационный Комитет предлагает социал-демократическим членам редакции «Моряка» делегировать на конференцию из своей среды товарища, наиболее влиятельного в организации...»

Это письмо тов. Троцкого редакцией «Моряка» было внесено на обсуждение Заграничного Центра, который высказался за необходимость тесной связи Союза со всеми революционными социалистическими партиями России обоих направлений, как социал-демократического, так и социально-революционного, и представительства Союза на их съездах и конференциях, дабы иметь возможность «воздействовать на последние голосом пролетарской организации моряков к скорейшему объединению всех этих партий в интересах совместной борьбы с самодержавием».

Однако вопрос об оформлении внутри Союза организационной связи «как социал-демократических, так и социально-революционных элементов и партийных представительств в Заграничном Центре», оказался настолько сложным, что решить его без совещания с командами даже принципиально Центр не решился, постановив вынести его на обсуждение последних.

Первое решение Центра было одобрено рядом судовых команд, и, в связи с этим, на девяти пароходах, среди матросов которых имелись лица, примыкавшие к социал-демократической партии, были проведены выборы представителя на Венскую Конференцию и проведена следующая резолюция:

«Мы, нижеподписавшиеся члены Союза Черноморских моряков, примыкающие к Р. С.-Д. Р. П., ознакомившись с приглашением Организационного Комитета, стремящегося сплотить разрозненные ряды партии пролетариата, это сплочение считаем необходимым, дабы Р. С.-Д. Р. П. могла занять подобающее место в политической и экономической борьбе пролетариата. Мы спешим принять приглашение организационного комитета, призывающего нас участвовать в работах общепартийной конференции через своего представителя и постановили делегировать тов. Карла (Адамовича) от социал-демократических элементов Союза Черноморских Судовых Команд».

В резолюции же, врученной от расширенного организационного собрания судовых команд в Константинополе Адамовичу для доклада ее Венской Конференции, подчеркивалась та мысль, что моряки судовых команд Черноморского флота, организованные внепартийно в сплоченный революционный пролетарский Союз, приветствуют инициативу Организационного Комитета Р. С.-Д. Р. П. в Вене по объединению социал-демократической партии и полагают, что эта инициатива приведет в конечном счете к слиянию в единую социалистическую партию рабочих и крестьян оба революционных крыла российского социалистического лагеря и положит конец их партийному раздору, мешающему делу борьбы революционных народных масс с самодержавием. В копии эта резолюция была отправлена также и в Центральный Комитет П. С.-Р.

Интересно отметить, что эта связь с Венским Организационным Комитетом еще раньше, до образования Заграничного Центра, поддерживалась от имени Инициативной группы Союза Черноморских Моряков через Нагродского эс-эром Нататдзе, который, вступив в переписку с редакцией троцкистской «Правды» еще в ноябре 1911 года по вопросу помещения на ее страницах статьи о моряках, получил от нее предложение напечатать вместо статьи письмо с обращением за помощью Союзу ко всем революционным организациям.

В «Правде» же, в № 21 за 1912 г., помещена, рядом со статьей «Карла» — «Накануне возрождения», редакционная статья—«Среди моряков», в которой ярко обрисовывается сочувственное отношение «Правды» к их Союзу. И в следующих номерах «Правды» № 8—24 от 14 марта 1912 г. и № 25 от 23 апреля того же года помещается целый ряд статей, посвящаемых Черноморскому Союзу.

В первом из этих номеров в статье под заглавием «Вести с Черного Моря» в таких словах приветствуется выход первого номера «Моряка»:

«...раньше моряки бастовали, чтобы организовываться, теперь организуются, чтобы бастовать. Нужны были только исполнители. И, конечно, они нашлись—первый номер «Моряка» появился. Его ждали, как желанный призыв, как сигнал к объединению. И живо откликнулись с пароходов на этот сигнал... Великая тяга и большой напор к организации ясно чувствуется в этом новом деле. И не одних моряков... Не диво слышать от рабочих даже сахарного завода в Одессе, к морю и рекам никакого касания не имеющих, такие речи—«да дайте нам только увидеть, только подержать в руках вашу газету, то и мы вам поможем...» Орган Черноморских судовых команд «Моряк»—пионер новой эпохи творчества рабочих масс на юге».

Во втором номере помещается отчет Александра Яковлева о его поездке на внутренние линии. В статье «Вокруг Черного моря», подписанной его кличкой «Фор-Стенга», в которой он сообщает, что, совершив по поручению редакции «Моряка» свою поездку, он нашел на местах разное отношение к делу «Моряка». «В Одессе сразу заметны два слоя в рабочей среде—серые массы и интеллигенты: первые очень сочувственно отнеслись к «Моряку» и просили нелегальной

литературы, вторые—отнеслись скептически и с недоверием». В Николаеве автор остался недоволен своей поездкой, не найдя там никаких организаций; в Батуме, по его словам, царит оживление, хотя настроение не то, что во времена недавние, и там остановка не только за людьми. В Баку же Автор не имел возможности встретиться с низами, в верхах же серьезным тормозом партийной и профессиональной работы является фракционная рознь. В том же номере «Правды» помещена редакционная статья «Объединенные черноморцы и их «Моряк», в которой в таких словах редакция «Правды» характеризует свое отношение к ним:

«...Достаточно прочитать многочисленные письма с пароходов, достаточно поглядеть на денежный отчет «Моряка», чтобы сразу убедиться, что мы имеем перед собой предприятие, которое не на зыбучем песке строится и не на зыбкой морской волне, а на несокрушимом фундаменте моряцко-пролетарской организации.

«Моряк—орган профессионального союза, а не политическая газета; партийного знамени он не выкидывает, он решительно призывает всех моряков итти не особняком, а в качестве «одного из отрядов великого рабочего ополчения». Все надежды и упования «Моряка» не вверху, а внизу. И нет никакого сомнения, что вместе с ростом влияния, с подъемом политической жизни в рабочем классе все решительнее и громче будет становиться голос «Моряка». Уже и сейчас он призывает моряков—за невозможностью первомайской забастовки — отдать свой первомайский заработок в пользу осужденных социал-демократических делегатов II Думы. Статьи в «Моряке» пишутся просто и ярко, кратко, всегда по существу,—это подлинная рабочая печать. Братскому органу — братский привет!»

В конце статьи указан адрес для сношений с редакцией «Моряка».

Так же оценивает роль «Моряка», как «серьезное деловое предприятие, опирающееся на знание среды и связи с нею», в своих письмах к Адамовичу тов. Троцкий, правда не упускающий при этом указать на те или другие «принципиальные промахи» редакции. Так, в письме по поводу содержания № 7 «Моряка», тов. Троцкий пишет:

«...Очень хороши обе статьи Фор-Стенги. Ясно, просто, раздельно, принципиально. Хороша передовица, но мало популярна. В той же статье есть один серьезный принципиальный промах: о народовластии говорится, что оно предполагает нейтралитет (невмешательство) власти в борьбу труда с капиталом. Это неверно, ибо при всякой форме государства власть в буржуазном обществе всегда остается исполнительным комитетом капитала против труда и лишь формы его вмешательства в их борьбу видоизменяются. Поэтому формы демократической организации государства также не устраняют вмешательства буржуазной власти в борьбу капитала с трудом, они лишь дают возможность—и то не полную—рабочим организовываться и оказывать противодействие государственной власти в своих интересах».

В другом своем письме тов. Троцкий делает еще более суровый упрек: «В статье о «Конторах» неприятно режет глаза фраза, будто регистрация не преследовала политических задач. Во всем мире профессиональное движение тесно связано с политическим. Да и как иначе: вопросы рабочего законодательства, свободы коалиции и проч. А тем более в России. Политической нейтралитет проф. союзов есть фикция и вредная фикция. Проф. союзы не могут растворяться в партию или подчиняться партии, но и становиться в сторону от политики они не могут и не должны». № 6 «Моряка», носящий на себе ярко выраженное влияние мгебровской группы, тов. Троцкий обзывает просто «революционной дешевкой». Тов. Троцкий не ограничивается лишь инструктированием и критикой редакции «Моряка». В своем письме к ней от 19 июля 1912 г. он, отвечая редакции на ее сообщения об убивающей жизненность организации склоке, диктует ей ту линию, которая, по его мнению, должна спасти организацию от развала: «Судя по вашему письму,—пишет он,—испытания свалились на вас сразу. Однако было бы преступлением перед делом рабочего движения дать «Моряку» лопнуть, как пишет «Карл»...». Указывая далее в том же письме, что для того, чтобы уберечь организацию «необходима и змеиная мудрость и голубиная кротость: нужна осторожность к партийному патриотизму рабочих социалистов-революционеров и

необходима борьба с анархическими настроениями», тов. Троцкий продолжает: «Положение трудное, но выход есть—именно: создание штаба сознательных передовых моряков, социал-демократов, которые сорганизовали бы становой хребет Союза и таким образом отстаивали бы его единство. Нужно иметь надежный аппарат, который сдерживал бы и направлял команды, и в этих целях должно быть использовано участие социал-демократических элементов Союза моряков на конференции российской социал-демократической партии, с рабочими же социалистами-революционерами мы должны сплачиваться на деле».

Из писем же тов. Троцкого к Адамовичу видно, что деловые сношения с редакцией «Моряка» от имени Венской «Правды» и Венского же Организационного Комитета троцкистов относительно расходов и кредита по печатанью «Моряка» вел в это время А. А. Иоффе, тогда еще меньшевик, стоявший в 1912 г. во главе Одесского Комитета Р. С.-Д. Р. П. вплоть до ликвидации последнего жандармами 8 июля 1912 года, после чего он был выслан на три года в северные уезды Тобольской губернии под гласный надзор полиции. В письмах к редакции «Моряка» он подписывался—«за редактора «Правды» В. Крымский». В связи с обнаружением жандармами в архиве Заграничного Центра письма Троцкого с указанием на Крымского, Иоффе был 28 июля 1913 г. подвергнут обыску по месту его административной ссылки в с. Демьянском, Тобольской губ. и затем этапом доставлен для допроса и участия в процессе моряков в Одессу.

Тов. Иоффе, находясь в Вене, состоял в конспиративной переписке с Заграничным Центром Союза Моряков еще в начале 1912 г. и оказывал Заграничному Центру содействие в печатаньи, при помощи организационной типографии той же партии, газеты «Моряк» и, как говорится в обвинительном акте, «находился в деловых сношениях с деятелями Союза Моряков Львом Бронштейном (он же Троцкий) и Давидом Едыткиным».

Не менее живые и тесные общения происходили между редакцией «Моряка» и Центральным Бюро Заграничной Организации Р. С.-Д. Р. П. в Париже, секретарем которого состоял в то время т. Чичерин. Издававшееся в Париже под

редакцией тов. Лозовского «Новое Слово» внимательно следило за развитием черноморской организации и помещало сочувственные заметки по поводу «Моряка». Между тов. Чичериным и Адамовичем все время поддерживалась оживленная переписка, при чем связь между ними не ограничивалась только этим. Еще летом 1912 года тов. Чичерин рекомендовал Заграничному Центру Союза Черноморских Моряков связаться с моряками других рейсов через порты Средиземного моря и находившиеся в этих портах представительства Бюро. В дальнейшем, по рекомендации Чичерина, эта связь осуществилась через представителя Бюро в Марсели—Наума Гика, взявшего на себя предетавительство Союза и редакции «Моряка» во всех европейских портах Средиземного моря.

Через Гика же, Лозовского и Вельтмана (М. Павловича) была налажена связь Союза с Краковским Обществом помощи политическим каторжанам и ссыльным [1]), через секретаря которого Адамович вошел в связь с Украинской С.-Д. «Спілкой». Именно с этими лицами Адамович связывался по вопросу легализации «Моряка» и перенесении его издания, как органа Всероссийского объединения моряков русского торгового флота в Петроград. Особо важную роль сыграли т. т. Чичерин, Лозовский и Гик в организации за границей «группы содействия Моряку», в укреплении связей союза с Антверпенским «Союзом русских моряков за границей», о котором будет подробно рассказано ниже; с группой эстонских большевиков в Берне—в лице т. т. Киви и Кюскола, а также в Париже—в лице Августа Лютца; с брюссельским центром латышских большевиков—в лице секретаря Центр. Загр. Комитета С.-Д. Латышской Партии тов. Зауэра и члена редакции Латышского с.-д. органа—Адольфа Брауна, принимавшего деятельное участие в переводе воззваний «Моряка» на латышский язык. Латыши вообще принимали большое участие в распространении «Моряка» на Балтийском море, и, кроме упомянутых лиц, «Моряку» содействовали в английских портах: в Лондоне—секретарь Лондонской группы с.-д. Латышской партии Флерганс и в Гулле—Роберт Браун.

---

[1]) Одним из организаторов и видных руководителей этого общества был, между прочим, Пильсудский. *Е. В.*

Тов. Чичерин же, при содействии какой-то норвежки, и жившего в Швеции русского эмигранта—Александра Ивановича Костина, установил связь редакции «Моряка» с Белым морем и мурманскими моряками, издававшими свой орган «Моряк».

27 августа, по возвращению Адамовича из Вены, в Константинополе произошло большое заседание судовых команд, на котором имелось обсудить целый ряд вопросов в связи с пополнением Заграничного Центра новыми членами, кандидатами, в числе которых фигурировали я и Адания-Оглы-Амир, организацией новой редакционной коллегии «Моряка», определением дальнейшего направления организационной работы ввиду предстоящей повторной поездки Яковлева на внутренние линии, а также вопрос о представительстве политических партий в Центре Союза и ряд мелких вопросов.

Однако, эта обширная программа была скомкана на первых же двух пунктах новыми выходками Мгеброва.

Прежде всего он снова поднял вопрос о Натадзе, требуя лишения его в собрании решающего голоса, как человека выдающего себя, якобы, самозванно представителем парии С.-Р. Когда это абсурное обвинение было опровергнуто зачтением соответствующих документов, предъявленных Натадзе, произошел новый инцидент, на этот раз настолько серьезный, что весь вновь выбранный Заграничный Центр в полном составе отказался от дальнейшей совместной работы с Мгебровым.

Инцидент опять-таки был вызван Мгебровым, обидившимся на то, что он был забаллотирован собранием в члены редакционной коллегии «Моряка», куда вошли Адамович, Яковлев и я. Мгебров потребовал, под угрозой окончательного выхода своего из организации, перенесения вопроса о составе редакционной коллегии на общее обсуждение команд на самих пароходах.

Возмущенное такой постановкой вопроса собрание вынесло резолюцию о совершенном исключении Мгеброва из Союза и постановило свое решение перенести для окончательной санкции на пароходы.

Однако команды пароходов не согласились с решением собрания своих уполномоченных. Они отказались обсуждать

принятую им резолюцию, а три парохода, находившиеся под особенно сильным влиянием Мгеброва и анархистов—«Королева Ольга», «Одесса» и «Николай II»—выразили Центру и своим выборным открытое недоверие.

Учитывая все это, Заграничный Центр, 5 сентября 1912 года, счел необходимым сложить свои полномочия, указав командам пароходов в особом письме, оглашенном затем на ряде собраний, как на мотивы своей коллективной отставки, так и на те условия, при которых каждый из членов Заграничного Центра при новых выборах его смог бы согласиться на выставление своей кандидатуры в его новый состав.

Одним из условий этого было требование, чтобы в будущем Центре большинство принадлежало морякам с пароходов и чтобы они были поставлены организацией в такие условия, которые обеспечивали бы им возможность всецело отдавать свои силы делам Союза.

Огласить отставку на собраниях моряков было поручено Заграничным Центром представителю в Константинополе Партии С.-Р. Натадзе, которому до того или иного решения команд Центр постановил сдать все свои дела, поручив Адамовичу осуществить эту передачу и сдачу отчетов.

Моряки не ожидали такой резкой постановки вопроса, ясно показавшей им на грань какой пропасти поставила все дело организации безответственная оппозиция Центру Мгеброва и анархистов.

Между их сторонниками и моряками, связывавшими с работой в Центре Адамовича и Яковлева все свои надежды на успешность работы Союза, разгорелась ожесточенная борьба на самих пароходах.

Растерявшись под напором общего осуждения, сторонники Мгеброва стали бить отбой, и первые отказались поддерживать его анархисты, на которых к тому же сильное впечатление произвел происшедший как раз в это время в Одессе поголовный арест их одесской группы во главе с Лаврушиным-Борсем, попавшимся на удочку проникшего в эту группу провокатора—Георгия Стааля.

Первая взяла назад свою резолюцию о недоверии центру команда «Королевы Ольги», вслед за ней команда «Чихачева». За ними ряд других пароходов передал Натадзе письменные

резолюции с выражением сожаления о разыгравшемся инциденте и просьбой к Заграничному Центру вернуться к работе.

Положение Мгеброва тем самым стало весьма щекотливым. Последний удар, сломивший окончательно его вес в организации, нанесла ему его же партия, когда Натадзе было оглашено в собраниях моряков полученное им от Центрального Комитета Партии С.-Р. официальное осуждение всех позиций Мгеброва с предложением последнему оставить работу в Союзе.

Мгебров уходит из организации и вскоре, вместе со своей женой, Рахилью Чалык, совершенно покидает Константинополь.

Адамович же и Яковлев, идя навстречу желанию команд, возвращаются к активной работе в редакции «Моряка», беря на себя задачу организации нового Центра на представительных началах и подготовки заграничной конференции моряков как для выбора этого Центра, так и для определения дальнейшей программы, тактики и организационных форм Союза.

Между тем разгром в Одессе группы анархистов, сопровождавшийся почти поголовным арестом членов Стачечного Комитета, руководившего забастовкой береговых рабочих Одесского Адмиралтейства, стихийно разразившейся летом 1912 года в Одесском порту, а также вихрь провалов, обнаружившийся как раз к этому времени, на самых активных работников Союза на пароходах—странно совпадают с поражением в самом Союзе сторонников «активного действия», а быстрый отъезд из Константинополя Мгеброва и его жены, разоблачения со стороны Натадзе их злоупотреблений именем партии С.-Р., от лица которой Мгебров требовал от моряков перехода к анархическим выступлениям—бросают на него тяжелое подозрение в провокации.

В дальнейшем, при начале империалистической войны, Мгебров переходит с крайних левых позиций на крайние правые. Зачисление его, при помощи русского посла в Париже Извольского, офицером во французскую армию, сближение в Париже с женой Извольского жены Мгеброва—Рахили Чалык и, далее, после гибели Мгеброва на фронте, «высокое покровительство» его вдове со стороны русского посоль-

ства,—все это невольно связывается с их странным поведением в Союзе. Разоблачение же провокаторской роли ближайшего помощника Мгеброва и вернейшего его клеврета—кочегара парохода «Чихачева»—«Жака» Дорошенко—ставит последнюю точку над «і». Провокаторство Мгеброва становится очевидным для всех ответственных работников союза, работавших вместе с ним.

ГЛАВА V.

Прежде чем переходить к описанию дальнейших событий в жизни Союза необходимо осветить некоторые, не отмеченные нами в своем месте, обстоятельства и результаты мартовской поездки 1912 г. Александра Яковлева на внутренние линии.

Как сказано было выше, в маршрут поездки Яковлева входило посещение г. Баку, в котором в то время находилось нелегальное правление Каспийского союза моряков.

Еще в 1905 году, в период общего революционного движения, среди судовых команд на Каспийском море имелись сильные партийные группы социал-демократов и социалистов-революционеров. Деятельность их была довольно односторонней, нося чисто политическую революционную окраску, и организацией широких беспартийных моряков они в то время мало интересовались. Работа их носила либо агитационно-политический, либо кружковый характер, и в повседневную трудовую жизнь беспартийных моряков они не вмешивались.

И вот профессиональное движение охватило беспартийных моряков вне ясно выраженного в нем влиянии обеих революционных социалистических партий. Под влиянием определившегося к концу 1905 года повсеместного движения широких трудовых масс к профессиональному объединению, каспийские моряки самостоятельно создали беспартийную организацию судовых команд профессионального типа. Был выработан устав, и 2 февраля 1906 года союз открыл свои действия, несчитывая с первых дней своего существования несколько тысяч человек.

Поставив лозунгом своим улучшение условий службы и быта судовых команд коммерческого флота на Каспийском море, союз постепенно объединял под своим знаменем все большее и большее количество моряков и с осени 1906 года стал

готовиться к всеобщей забастовке. Пытаясь предотвратить эту забастовку, объединившиеся в свой союз судовладельцы обратились к правительственной власти с просьбой ликвидировать неугодную им профессиональную организацию моряков, и 21 февраля 1907 года союз был распоряжением властей официально закрыт. Однако это не дезорганизовало его рядов и работы. Перейдя на полулегальное положение, Правление Союза, поддерживаемое сочувствием широкой матросской массы, объявило всеобщую забастовку протеста, которая в продолжение двадцати дней охватила почти все побережье Каспийского моря. Дружно начатая забастовка упорно продолжалась целых полтора месяца (42 дня), вопреки всевозможным репрессиям как со стороны правительственных властей, так и со стороны судовладельцев по отношению к забастовщикам. Под влиянием энтузиазма, охватившего широкие массы моряков, вызванные находившимся под особым покровительством правительства О-вом «Кавказ и Меркурий» на замену бастующих команд военные моряки примкнули из чувства солидарности к своим товарищам и отказались вести пароходы, проводя хорошо организованный и трудно уловимый «саботаж» на тех пароходах, куда их назначали. Забастовка ширилась, и брожение начало уже захватывать и волжский бассейн, вызвав образование на Волге особой организации речников под именем «Волжской организации П. С.-Р.», стремившейся охватить своим влиянием все пароходы, плававшие как по Волге, так и ее притокам, включая и всю Мариинскую систему вплоть до Невы.

Эти обстоятельства заставили судовладельцев и правительство пойти на уступки, ликвидировать все репрессии по отношении к бастовавшим и согласиться на заключение между моряками и союзом судовладельцев компромиссного коллективного договора. Однако добиться легализации своего Союза моряки не смогли, и последний продолжал и после забастовки существовать нелегально.

В противоположность Черноморскому союзу, имевшему в своем правлении представителей обоих революционных течений, и социал-демократов и социалистов-революционеров, работавших в нем на равных правах,—Каспийский Союз, в лице своего правления, находился исключительно в руках

социалистов-революционеров. Социал-демократы вышли из правления Союза по партийным соображениям, оставляя за собой тем самым свободу действий в своих партийных ячейках, среди организованных в союз моряков.

Союз этот имел свою печать, свою газету—сперва «Морскую волну», а потом, до слияния с Черноморским союзом—«Морской Листок». Газеты эти печатались до провала Бакинской организации П. С.-Р. в ее типографии, во главе союза стояли видные социалисты-революционеры из среды самих моряков—Бастричев, Тимофей Попов, Степан Варлашев и Иван Суковцев.

Еще в феврале 1912 г. до поездки Яковлева на внутренние линии при посещении меня Адамовичем в Варне, я, как старый работник Приволжской Области Партии С.-Р. среди рабочих транспорта, информировал его об имевшихся в 1906—1907 годах на Волге и Каспии партийных эс-эровских организациях среди речников и моряков и о том, что эти организации, судя по корреспонденциям из тех мест, помещавшихся в издававшейся в Лондоне покойным Феликсом Вадимовичем Волховским популярной газете «За Народ», в которой сотрудничал и я, повидимому, продолжали нелегально существовать и дальше. Тогда же у нас возникла мысль использовать зарубежное положение Черноморского Союза в лице его Заграничного Центра для организации моряков и речников русского торгового флота во всероссийском масштабе, используя для этого все те партийные связи, которые смогут найтись как у социал-демократов, так и социалистов-революционеров и даже у анархистов. Мысль наша работала и дальше—было признано не только крайне желательным, но и необходимым, связать море и реки с берегом и включить в сферу влияния и организованной связи будущего всероссийского союза торговых моряков и речников портовых рабочих, речных грузчиков, рабочих адмиралтейств и доков. Не исключалась при этом и работа среди военных моряков, как элемента родственного по своей профессии морякам торговым, по окончании своей службы в военном флоте часто переходящих в торговый флот. При этом признавалось, что работа среди военных моряков должна вестись с особой осмотрительностью ввиду той опасности, которую про-

вал ее мог каждую минуту представлять для нашего основного дела — профессионально-революционной организации широких масс рабочих морского и речного транспорта России.

Предполагалось, что связи с Каспийским морем и Волгой Заграничный Центр получит непосредственно через эс-эров, связь же с Днепром, Бугом и Днестром—через Украинскую социал-демократическую «Спілку»; что же касается Дона и Кубани, то с ними Адамович полагал связаться через свои Краснодарские и Ростовские партийные связи.

В связи с этими нашими предположениями был намечен маршрут объезда одним из членов Заграничного Центра внутренних линий и портов, в порядке выполнения которого Александр Яковлев оказался и в Баку.

Положение дел в Каспийском союзе Яковлеву не понравилось. Узко-партийный уклон деятельности его руководящих кругов шел вразрез с той практикой профессиональной работы, которые вели в Заграничном Центре Черноморского Союза сообща эс-эры и эс-деки. И вот, в своей статье «На Каспии», за подписью «Фор-Стенга», Александр Яковлев в № 10 «Моряка» дает довольно отрицательную характеристику всему Каспийскому Союзу.

Тон и содержание этой статьи Правление Каспийского Союза опротестовало письмом в редакцию «Знамени Труда», найдя обвинение его Яковлевым в узкой партийности неправильным и не отвечающим действительному положению дел. Ф. В. Волховский, связанный тесно и со «Знаменем Труда» и в то время уже вполне введеный мною по поручению Заграничного Центра в курс всех дел Черноморского союза, немедленно же в письме своем от 19 августа 1912 г. редакции «Моряка» переслал заявление каспийцев Адамовичу, сопроводив его некоторыми дополнительными сведениями о Каспийском Союзе и высказав мысль о желательности скорейшего объединения Союзов Каспийских и Черноморских Моряков в интересах общего движения рабочих. Такое же пожелание высказал Волховский и в своем письме правлению Каспийского Союза, посоветовав ему, между прочим, вместо того чтобы издавать свою собственную газету, выписывать и распространять газету «Моряк», публикуя в ней все сведе-

ния, относящиеся к их Союзу и движению среди каспийских моряков и волжских речников.

Получив письмо от Волховского со сведениями о положении дел в Каспийском Союзе, редакция «Моряка» письмом от 21 сентября запросила редакцию «Знамени Труда» сообщить ей связи для непосредственных сношений с бакинским Правлением Каспийского Союза, и почти одновременно с этим Адамовичем было получено из Баку письмо от лично ему известного по прежней их совместной работе в Одесской Регистрации, перебравшегося в то время на Каспий, некоего, примыкавшего к социал-демократам, Николая Федорова. В этом письме Федоров сообщал Адамовичу о завязанных им связях с каспийскими моряками, об их интересе к черноморской организации и «Моряку», предлагая вместе с тем посылать корреспонденции о быте и организации каспийцев.

Начатые таким путем сношения Заграничного Центра Черноморского Союза с каспийцами окрепли в порядке последующей переписки Адамовича с бакинским правлением союза каспийских моряков и делегированием последним находившегося тогда в Париже Бастричева с особым поручением в Константинополь.

На почве выполнения этого поручения—поставить редакцию «Моряка» в действительный курс дела относительно положения каспийской организации—состоялось личное знакомство Бастричева с Адамовичем. В то время Адамович, после выхода в отставку Заграничного Центра и отъезда Александра Яковлева вместе со мной в Варну, единолично представлял собой редакцию «Моряка». Уже в Константинополе Бастричев получает от правления Каспийского Союза предложение расширить рамки своего особого поручения и «во избежание возможности дальнейших трений с черноморцами возбудить перед ними вопрос о съезде представителей обоих Союзов для выработки надлежащего соглашения между ними».

Местом для Съезда бакинское Правление намечало Вену, а уполномоченными предполагалось делегировать «организатора» Степана Варлашева и секретаря правления Тимофея Попова или его заместителя—Ивана Сукорцева, а также самого Бастричева.

Одновременно с этим Правление Каспийского Союза сообщало Заграничному Центру Черноморского Союза официальное предложение о совещании, наметив следующую его программу:

1) взаимное ознакомление и возможность сближения,
2) выяснение вопроса о совместных выступлениях,
3) издание общего органа,
4) прочие вопросы.

С своей стороны Адамович 21 сентября 1912 года отправил аналогичное предложение Каспийскому Союзу, подчеркнув в своем письме к нему, что «намерение объединиться с Каспийским Союзом жило в черноморской организации с первых дней ее существования и что намерение это находится в связи с конечной целью существования Черноморского Союза Моряков—превратиться со временем в организацию всего морского пролетарского движения в России».

Однако, еще до обмена этими предложениями, между редакцией «Моряка» и Бастричевым, как представителем Каспийского Союза, состоялось временное соглашение об объединении этих двух организаций, с целью сделать первые шаги в направлении создания общего органа, который бы стал идейным центром всего профессионального движения судовых команд во всероссийском масштабе.

В этих целях от имени Каспийского Союза Бастричев подписал обязательство поддерживать газету «Моряк» ежемесячной субсидией в сумме от 25 до 30 руб. в месяц, взамен чего Адамович от имени редакции «Моряка» обязался помещать на его страницах материалы, касающиеся Каспийского Союза.

Узкий характер этого первого соглашения был вызван следующими формальными причинами: у редакции «Моряка» не было надлежащего полномочия для заключения более полного соглашения; что же касается Бастричева, то он имел полномочие уладить дело только с редакцией «Моряка», а не со всей организацией Черноморского Союза. К тому же обоих представителей беспокоила мысль о том, что они, как представители Союзов, не только сами являются членами разных социалистических партий, но и представляют в себе Союзы, совершенно отличные один от другого по типу орга-

низации, ибо, в то время как Черноморский Союз был строго внепартийным, Каспийский представлял из себя, в своих верхах, филиал Партии С.-Р.

Лишь после получения ответа с мест на взаимные предложения о созыве согласительного совещания, Адамович и Бастричев нашли для себя возможным заключить более широкое соглашение о созыве и программе этого совещания, каковое ими и было подписано в Константинополе 12 октября 1912 года. Окончательно местом совещания была избрана Александрия (Египет).

Придавая этому последнему соглашению громадное значение, Адамович, еще не знавший ничего об аресте в Батуме Александра Яковлева, в письме на его имя, от 29 октября 1912 года, поручает ему поставить в известность об этом соглашении пароходные команды на внутренних линиях и получить от них полномочия на участие Заграничного Центра в конференции.

В свою очередь Бастричев сообщает в Баку правлению Каспийского Союза о вторичном своем соглашении с Адамовичем, в связи с чем Правление этого Союза рассылает на пароходы и во все порты Каспийского моря циркулярное извещение о предстоящем совещании в Александрии всех организаций русского торгового флота, обращаясь в этом извещении к морякам Каспийского флота с предложением голосовать за кандидатов предлагаемых Правлением Союза, именно за Степана Варлашева и Тимофея Попова.

В то время когда между Адамовичем и каспийцами происходили эти переговоры, Яковлев с Едыткиным уже были арестованы в России, между мной же и Константинополем всякая связь была порвана, вследствие открытия военных действий между Турцией и Болгарией.

Сношения мои с Адамовичем возобновляются лишь в конце ноября 1912 года, когда, уже находясь в Александрии, он в своем письме от 29 ноября 1912 года сообщает мне о трагической смерти в Константинополе Натадзе, погибшего от заражения крови после неудачного удаления зуба [1]), об

[1]) По поводу смерти Натадзе и его роли в Союзе мною была дана заметка в эмигрантскую печать, опубликованная в одном из номеров „Знамени Труда“, в конце 1912 года. *Е. В.*

аресто в Батуме Едыткина, об отъезде в Россию Веры Апостоловой, об исчезновении из Константинополя Мгеброва и его жены и о дальнейших событиях в жизни организации и его деятельности. В том же письме Адамович сообщал о соглашении с каспийцами, о предстоящем созыве в Александрии Всероссийской Конференции моряков и уведомлял, что соглашение с каспийцами открыло ему возможность возобновления издания «Моряка», который в дальнейшем будет печататься в Париже в типографии Центрального органа П. С.-Р. «Знамя Труда».

Связь с каспийцами, начатая Александром Яковлевым, завершилась, таким образом, конкретными взаимоотношениями Черноморской и Каспийской морских организаций и открыла дорогу вопросу о всероссийском объединении моряков русского торгового флота.

Вторым результатом мартовской поездки Александра Яковлева на внутренние линии, как было указано в своем месте, было расширение базы Союза торговых моряков за счет укреплений его связей с берегом—с рабочими портов и адмиралтейств Черного моря.

Впервые мысль об этой связи проявилась еще в период стачечного и революционного движения среди черноморского пролетариата в 1905—1907 годах. Еще тогда, в связи с работой «Регистрации», стал вопрос о том, чтобы объединить в наступлении против судовладельцев и пароходных обществ силы моряков с силами доковых рабочих. Это было тем более необходимо, что на рабочих верфях и судостроительных заводах Одессы, Николаева, Севастополя, Новороссийска и других портов движение могло найти квалифицированных пролетарских вождей среди представителей индустриально-заводского труда, которые в отношении портовых рабочих, в общем мало квалифицированных и не порвавших еще в большинстве случаев своих связей с деревней, смогли бы играть в портах ту же руководящую роль, которую на пароходах играли машинные команды в отношении палубных.

В 1911 году, когда Александр Яковлев, вызванный из России в Константинополь организаторами «Инициативной группы» по требованию моряков проезжал Одессу, — ме-

жду ним (остановившимся в Одессе под псевдонимом Шапошникова), Нагродским, стоявшим в то время во главе одесского рабочего кооперативного товарищества «Бережливость», и еще одним членом одесской организации Р. С.-Д. Р. П., ведшим партийную работу в Одесском порту,—Авивом Михненко, вопрос об организационной связи движения моряков с объединением портовых рабочих встал окончательно на практическую почву.

И вот, когда в марте месяце 1912 года Яковлев отправился в свой объезд внутренних линий, отношение Заграничного Центра к вопросу связи «берега» с «морем» было в таких словах формулировано в № 8 «Моряка» в статье М. Балтийского (Адамовича) под заглавием «Море и берег».

«Мы, моряки,—пишет он,—должны побудить порт связаться с нами братскими узами, а в трудном деле собирания им своих сил мы должны помочь ему сами всеми нашими средствами. А одно из мощных средств для этого у нас в руках—это наш «Моряк». Пусть станет он таким же желательным гостем на портовом берегу, как и на пароходе... И когда эта связь станет прочной, тогда понемногу берег и море сольются в одно и об их силу сломят себе зубы враги».

В соответствии с таким подходом к вопросу, в числе задач, возложенных на Александра Яковлева при его поездке, было задание—установить фактическую связь Черноморской организации с портовыми рабочими Черноморского побережья, войти в сношения с организациями, работавшими среди рабочих верфей и судостроительных заводов в Батуме, Новороссийске, Одессе и Николаеве, и выяснить возможные их взаимоотношения с Союзом моряков и редакцией их органа.

Конкретно стоял вопрос об организации среди портовых рабочих Черноморского побережья групп содействия «Моряку», о деятельности организации которых была вынесена резолюция общего собрания Заграничного Центра с командой парохода «Королева Ольга» в Константинополе от 2 марта 1912 года. В связи с этим, между Яковлевым, Авивом Михненко и Сергеенко в Одессе состоялось несколько организационных собраний и несколько нелегальных совещаний с рабочими адмиралтейства в порту. На этих совещаниях вы-

яснилось полное сочувствие рабочих порта делу объединения их с моряками по вопросу организации на осень 1912 года объединенной забастовки на пароходах и портах, и выяснилось, что между ними уже велась в это время интенсивная подготовка самостоятельной забастовки, о чем до того времени союз не знал.

Одновременно, через некоего рабочего порта—Александра Кускова, Яковлевым была восстановлена непосредственная связь редакции «Моряка» с портом, и в лице его последняя получила своего корреспондента и экспедитора своих изданий в Одесском порту.

Покончив с Одессой, Яковлев с той же целью посетил г. Николаев, где, в свою очередь, провел несколько совещаний с местной группой Р. С.-Д. Р. П., работавшей среди рабочих судостроительных заводов и верфей г. Николаева по вопросу организации группы содействия «Моряку» и организационной связи их с морским союзом.

Результатом этого было обращение в Заграничный Центр из Николаева группы береговых рабочих с просьбой присылать им для распространения на заводах Николаева «Моряк» и нелегальную литературу.

Поддерживая рост интереса портовых рабочих Черноморского побережья к движению моряков, Заграничный Центр выпускает на 1 мая специальное обращение к ним.

В тексте этого «первомайского листка «Моряка» за 1912 г. целый столбец посвящен «береговым рабочим»:

«...Годы промчались. Проходит уныние и страх в наших разбитых рядах. Закрылись кровавые раны рабочего класса, и павшие борцы сменились новыми силами.

«Вновь носятся в воздухе бодрые звуки призыва к старым знаменам.

«Мы, моряки, спешим на этот призыв, стремимся в боевые ряды, поднимаем наше былое и славное знамя борьбы.

«Мы подымаем его и вас призываем, товарищи.

«Вы, портовые товарищи, рабочие доков и все, кто живет и работает у берегов Черного моря... следуйте нашему примеру, вслушайтесь в наш призыв, в товарищеский призыв—организуйтесь!»

11, 12 и 14 мая 1912 года команды шести пароходов заграничного плавания выносят на заседании Заграничного Центра в Константинополе постановление об учреждении в Одессе, для более интенсивной работы по организации в Одессе и Николаеве портовых рабочих и укрепления их связи с Союзом, а также для установления точной информации Заграничного Центра о ходе рабочего движения во всех заводско-фабричных предприятиях Черноморского побережья, постоянного представительства Союза.

В начале июня 1912 года в Одесском доке, под влиянием анархистов, проведших в стачечный комитет Александра Лаврушина, стихийно и преждевременно разразилась забастовка в Одесском доке Русского Общества Пароходства и Торговли.

В связи с этим постановлением команд пароходов редакцией «Моряка» была организована касса помощи бастующим и 10 июня 1912 г. было распубликовано особое циркулярное письмо к морякам, в котором сообщалось следующее:

«Товарищи, рабочие адмиралтейства обращаются к нам, организованным морякам, за помощью. Наш долг оказать им поддержку. Только опираясь одни на других могут в наши дни рабочие отстаивать свои интересы без боя. Мы должны вспомнить, как щедро нас поддержали береговые рабочие в 1906 г., летом. Мы не должны забывать, что перед нами стоит еще борьба, когда мы будем нуждаться в их помощи с берега. Так не оставьте же в трудную минуту наших товарищей.»

После разгрома 8 июля 1912 г. в Одессе партийной организации Р. С.-Д. Р. П., ареста и высылки ее руководителей и краха забастовки рабочих адмиралтейства, председатель их Стачечного Комитета Авива Михненко бежит в Константинополь и здесь, в середине сентября 1912 года, входит в состав временного Заграничного Центра, в котором к этому времени кроме него оказываются—Адамович, Яковлев, Вера Апостолова и Бастричев.

ГЛАВА VI.

Подготовка выборов нового постоянного Заграничного Центра Союза Моряков, необходимость проведения на местах целого ряда вопросов по программе предположенной конференции, срыв работ по подготовке общей забастовки на Черном море на осень 1912 года, вызванный преждевременным выступлением одесских береговых рабочих и его разгромом, раздоры в центре организации и массовые провалы—поставили на очередь вопрос о новой поездке в Россию Александра Яковлева, которая была решена еще раньше—в заседании Заграничного Центра с командами пароходов «Королева Ольга» и «Афон», до его отставки 21 июля 1912 года.

После отставки Заграничного Центра, 5 сентября 1912 года, когда Александр Яковлев вместе со мной временно находился в Варне, вопрос о его поездке, в связи с разыгравшимся инцидентом с Мгебровым и кризисом в Центре, стал предметом оживленной переписки между нами и Адамовичем. Последний, фактически продолжая вести дело, предполагал поручить Яковлеву посетить при этой поездке и Баку для урегулирования и установления всех уже налаживавшихся, ввиду приезда в Константинополь Бастричева, взаимоотношений с бакинским правлением Каспийского Союза.

Помимо того, в связи с поездкой Яковлева и ввиду провала одесских связей, предполагалось центр внутренней организации перенести в Батум и обратить специальное внимание на организацию Азовского моря и укрепление связей на Дону и Днепре.

Связь с Батумом была устроена Яковлевым еще во время мартовской его поездки в Россию.

В это время в Батумском порту работала довольно сплоченная группа социалистов-революционеров во главе с Михраном Грегорианцем, известным под другой фамилией—Михаила Киркорианца, который был арестован при ликвида-

ции этой группы вместе с Давидом Едыткиным 12 октября 1912 года.

Через них Заграничный Центр осуществлял свою связь с Новороссийским портом, где его поручения выполнялись некими Викентием Угрюмовым и Павлом Доценко. Оба они сносились с пароходными командами судов, которые посещали Новороссийский порт, и оба работали в контакте с Михаилом Киркорианцем и Андреем Мандрыком в Батуме.

Получая из Батума, а также с пароходов, «Моряк» и нелегальную литературу, эти лица распространяли их по остальным портам Кавказского побережья, охватывая сферой своей революционной деятельности Сухум и Поти.

Что касается Азовского моря, то связь с Мариупольским портом поддерживалась через угольщиков, посещавших Варну. Они составляли ядро организации моряков на этом море вместе с землечерпалками. Однако связей чисто организационного характера на побережьи Азовского моря ни в Мариуполе, ни в Таганроге, ни в Ростове-на-Дону не было [1]). Была некоторая связь с Керченским портом, где среди грузчиков рабочий Михаил Рыжов вел агитационную работу, сносясь с пароходными командами, но эта связь оборвалась его арестом 28 августа 1912 года.

Что касается Дона, то, хотя литература туда через пароходы донской линии направлялась и из Константинополя и из Варны, до конца 1912 года у Центра с ним прочных связей не было. Все попытки сношений, как моих из Варны, так и Заграничного Центра из Константинополя, наладить регулярные сношения с Ростовом-на-Дону, никакого результата не давали.

Один только раз мне удалось отправить в Ростов крупную партию «Моряка» и изданий П. С.-Р. на адрес, данный мне из Парижа. С этой же партией пошла на Дон и моя брошюра—«Донское войско казачье», которая издана была в 1912 г. в Париже [2]).

---

[1]) Непосредственную, но очень слабую связь с Мариуполем, Загр Цент. имел через кочегара парохода „Провиданс“, старого работника Регистрации—Луку Беломестного. *Е. В.*

[2]) В издательстве Миролюбова, ныне издателя и редактора Петроградского „Красного журнала для всех“ *Е. В.*

Материал к этой брошюре мне дал архив втородумского депутата с.-д. Сидельникова, разрешение использовать который для своей работы я получил от его друзей.

Однако сведений о том, дошла ли эта литература по назначению, получено не было, так как угольщик, с которым я все это послал, переменил свой рейс и в Варну больше не возвращался. Судя же по тому, что в материалах жандармских дознаний по делу Черноморского Союза об этом транспорте не имеется никаких указаний, надо полагать, что литература дошла по своему назначению и была успешно распространена.

Еще более слабо реализовались попытки Яковлева связать с Союзом Днепр через Николаев, который он посетил при своей первой поездке в Россию. Правда, в результате сношений Одессы и Николаева с днепровской пароходной линией, с пароходов последней уже в июле 1912 года стали поступать в Центр довольно внушительные суммы членских взносов, письма и даже просьбы прислать им человека, который смог бы поставить дело организации. К сожалению, в это время прочных связей с Днепром у Центра почти не было, если не считать трех лиц—Иосифа Щербака, Баска и «Степана», которые принадлежали к Украинской группе Российской Социал-Демократической Партии—«Спілке». Они находились с лета 1912 года в деловой переписке с Адамовичем и обещались подыскать для Центра человека, подходящего для связей с ним и организационной работы на Днепре.

Был еще один порт на Черном море, который привлекал особое внимание Заграничного Центра — Севастополь. Там работа велась в двух направлениях: среди портовых рабочих и среди военных моряков. Связь поддерживалась, с одной стороны, через пароходы Анатолийской линии, заходившие в Севастополь, с другой—при посредстве военных моряков, стоявших в Константинополе русских стационеров «Донца» и «Кубанца». Поддерживалась также эта связь и через Одессу Николаем Никифоровым, бывшим учеником Севастопольской минной школы, который бежал с крейсера «Барсук». Он находился в переписке по делам Союза с Севастополем и был арестован 21 августа 1912 года

на квартире у Александра Кускова в Одессе. Эти связи вел от имени Заграничного Центра Давид Едыткин, используя эс-эровские партийные адреса; Никифоров же, примыкавший вместе с бывшим деятелем Регистрации 1906 г., матросом Онисимом Эликом, к организованной Александром Лаврушиным в Одессе группе анархистов-синдикалистов, выданной в конце августа провокатором Георгием Стаалем, сносился в Севастополе с некиим Леонидом Волковым, у которого, как говорится в следственном материале по делу «Моряка», при обыске ничего предосудительного найдено не было, кроме адресованного ему из Одессы от 21 августа 1912 года письма Никифорова. В этом письме Никифоров сообщал Волкову о своих связях с портовыми рабочими, матросами в Одессе и о том, что «вчера он послал в редакцию «Моряка» сатиру «Среди зверей и волк товарищ», исключительно о военном русском флоте».

Поддерживали связи с военными моряками черноморской эскадры и с войсковыми частями Севастопольского, Феодосийского и Одесского гарнизонов также проживавшие в Болгарии и Румынии бывшие «потемкинцы», между которыми вели работу русские эмигранты, жившие в Бухаресте и в черноморских и дунайских портах этих стран. Специально в Варне, весной 1912 года, во время посещения черноморской эскадрой варненского порта, мною, при содействии Варненского Комитета Болгарской С.-Д. Р. П. (тесняков), была среди военных моряков распространена революционная прокламация, призывавшая их вспомнить о подвигах «Потемкина» и «Очакова» и быть готовыми к поддержке пробуждающегося вновь революционного движения среди широких масс российского пролетарского и в частности торговых моряков Черноморского флота. Тогда же в Варну приезжал тов. Раковский, известный русским военным морякам по его участию в судьбе «Потемкина» в 1905 году при сдаче его Румынии. Тов. Раковскому удалось даже пробраться на стоявшую на рейде эскадру и посетить крейсер «Кагул», бывший «Очаков», на котором матросами благоговейно сохранялась в трюме часть старой обшивки крейсера с видневшейся на ней полуистертой надписью—«Очаков». В

эту эскадру под именем «Пантелеймона» входил и «Потемкин».

Выпущенные на берег военные моряки в течение двух дней стоянки эскадры в Варне были предметом горячего внимания не только местной колонии русских эмигрантов, но и обеих групп болгарских социал-демократов—тесняков и широких. Им было передано мною для распространения среди военных моряков значительное количество бывшей у меня русской заграничной литературы, как эс-эровской, так и социал-демократической, а также выпущенной мною в Варне прокламации.

Тогда же мною были взяты адреса для пересылки в Севастополь военной литературы от ряда моряков машинных команд с крейсеров «Иоанн Златоуст» и «Евстафий», среди которых было несколько бывших рабочих с харьковских и московских заводов, участников событий 1905—1906 годов. Эти адреса мною были переданы в Лондон, в редакцию военной газеты Волховского «За Народ» вместе с составленной мною со слов моряков корреспонденцией об их военном быте.

Посылать по этим адресам «Моряк» я, по конспиративным соображениям, не решался, и это оказалось актом большого благоразумия, так как при провале вскоре же после этого в Севастополе военной революционной организации среди черноморской эскадры, машинные команды стоявших во главе этой организации крейсеров «Иоанн Златоуст» и «Евстафий» были арестованы в полном своем составе и преданы военно-полевому суду.

В середине августа 1912 года, когда произошел их провал, я уже находился в Константинополе. Слухи о волнениях в Севастополе взбудоражили не только Заграничный Центр, но и моряков стоявших на Босфорском рейде русских стационеров «Кубанец» и «Донец».

Создавшуюся атмосферу живо характеризует опубликованная в петроградской «Правде» от 6 сентября 1912 года следующая заметка по этому поводу под заглавием «К введению военного положения в Севастополе»:

«Недели три тому назад в Петербурге и Москве из уст в уста передавали содержание тревожных телеграмм из Одессы, Николаева и других мест, сообщавших о восста-

нии матросов в Севастополе, о бомбардировке города взбунтовавшимися судами и пр. В официальных кругах все эти известия категорически опровергались. Между тем слухи эти достигли такой силы, что был момент, когда ими был смущен даже председатель совета министров — Коковцев, которому была показана телеграмма, полученная из Перы (Константинополя), с целым рядом подробностей о событиях в Севастополе.

«Коковцов немедленно позвонил по телефону военному министру Григоровичу и с тревогой спросил в чем дело. Григорович запросил Севастополь, откуда получился ответ, что все приведенное—выдумки. Выяснилось, что брожение среди моряков, и то в небольшой кучке, далеко не пошло».

Было несомненно, однако, что это «успокоительное» разъяснение Григоровича не совсем отвечало действительности. Арестовав «небольшую кучку» в количестве 113 моряков, из которых большинство по приговору военно-полевого суда было в дальнейшем расстреляно, севастопольские военные власти чувствовали себя настолько неустойчиво, что вслед за объявлением морским министерством военного положения в порту, всех арестованных перевели из крепостных казематов на борт военного транспорта «Прут», обратив его в пловучую тюрьму.

Отголоски подготовлявшегося черноморскими моряками в Севастополе вооруженного восстания, в ответ на расстрелы 67 военных моряков Балтийского флота с пароходов военной эскадры «Цесаревич», «Андрей Первозванный», «Двина» и «Слава», арестованных в Гельсингфорсе и Кронштадте 24 апреля 1912 года и расстрелянных в июле того же года, продолжали проникать в прессу и позднее.

Так, по сообщениям той же «Правды», вторая партия военных черноморских моряков в количестве 11 человек судилась по тому же делу в Севастополе военно-полевым судом 30 апреля 1913 года, а третья—в количестве 6 человек—5 июня 1913 года. Отдельно судился один из товарищей—моряк Рутковский за попытку побега из-под ареста и стрельбу в полицию. Приговорен он был к повешению с заменой каторгой на 12 лет.

Продолжались военно-полевые расправы и в Кронштадте, где вторая партия моряков, в количестве 6 человек, судилась за подготовку восстания в военном флоте 29 августа 1912 года.

Когда моя работа уже была написана и находилась в Истпарте, ожидая своего опубликования, мне было передано письмо от одного из участников этого движения, судившегося с группой товарищей в Севастополе 29—30 апреля 1913 года военно-морским судом. Этот участник—тов. Александр Радченко, ныне лишенный обеих ног ветеран революции,—в свое время сумел бежать из каторжной тюрьмы 2 января 1914 года, ловко симулировав путем автогипноза летаргию и тем добившись перевода своего в больницу, откуда им и был совершен побег.

Об этой мастерски проведенной симмуляции в газетах того времени писалось, как о «необыкновенном случае» в медицине, которым заинтересовались светилы всего медицинского мира.

В сообщенной в Истпарт тов. Радченко заверенной заведующим общежитием военных делегатов, в котором останавливался тов. Радченко, проезжая через Москву, тов. Сухоплеско копии газетного сообщения этот «необычайный случай», доставивший тов. Радченко свободу, описывается в таких словах:

«Содержащийся в каторжном отделении при Смоленских арестантских ротах каторжанин Радченко дней двадцать тому назад уснул и только три дня, как проснулся—точнее, стал приходить в себя. В первые дни сна он иногда ворочался, но потом лежал, словно труп, без малейшего движения. Все усилия врачей привести его в чувство были тщетны. Когда Радченко приподнимали, он открывал глаза и тупо, бессмысленно глядел в одну точку, ни на одно мгновение не переводя глаз и не моргая веками, но, как только его клали в постель, глаза его снова закрывались... Наблюдавшие за больным врачи сделали несколько фотографических в разных видах снимков и составляют подробный доклад об этом случае. Доклад и фотографические снимки будут помещены в одном из медицинских журна-

лов. В данный момент Радченко пытается что-то сказать, но смысл слов его уловить трудно. Временами он еще впадает в какое-то обморочное состояние».

Летаргический сон и обморочное состояние тов. Радченко, конечно, не были симуляцией в том смысле, какой он сам хочет им придать. Это было результатом истощения его от той голодовки, к которой он прибег, чтобы дойти сознательно до такого состояния, но, конечно, в этом не было никакого «необычного» с медицинской точки зрения случая, и Радченко великолепно следил за тем впечатлением, которое на тюремную администрацию и врачей производило его состояние. Следил и играл, выдерживая «тон» необычайной болезни, который своими разговорами у его постели ему подсказывали сами врачи.

Тов. Радченко вместе с описанием этого случая препроводил в Истпарт «копию с копии» протокола присутствия военно-морского суда и его приговора по делу, которыми приподнимается несколько завеса над происходившими в то время в самой толще низовых матросских масс Черноморской эскадры революционными процессами. По данным обвинительного акта, изложенным в протоколе присутствия военно-морского суда, обвиняемые «нижние чины» Черноморского флотского экипажа, матросы второго ст. разряда, штрафованные— Федор Киосев, Андрей Шапсков и матросы второй ст.—Александр Радченко, Григорий Поповкин, Федор Бальц, Иван Мазнев, Ефим Дворников и Тихон Бойченко, «были преданы Севастопольскому военно-морскому суду командующим морскими силами Черного моря по обвинению:

«а) первые трое в том, что, состоя в 1912 году на службе нижними чинами Черноморского флота, они вошли с другими чинами того же флота, уже осужденными, в предварительное соглашение возмутить команды кораблей против начальства и путем подговоров стремились возбудить их к тому, чтобы они, восстав, убили своих офицеров и всех, кто окажет им сопротивление, и захватили бы корабли...

«б) остальные же пять в том, что они... вошли в общение с другими нижними чинами, уже осужденными, стремившимися побудить команду к бунту, и, выражая желание принять в нем участие, вступили между собой в соглаше-

ние... с целью оказывать противодействие распоряжениям начальства...»

В частности, агитируя среди команд, они приурочивали начало восстания на судах на конец августа 1912 года, при чем Киосев показывал им план местности, прилегающей к Севастопольскому рейду с нанесенными на нем в целях восстания отметкам, и, вместе с другими обвинявшимися, уговаривал моряков примкнуть к восстанию, отдаться делу его подготовки, беречь деньги и не тратить их попусту. Радченко же, находясь на наиболее распропагандированном крейсере «Кагул» (б. «Очаков»), еще во время заграничного черноморского рейса военной эскадры к берегам Турции, Болгарии и Румынии ранней весной 1912 года, развивал его команде самый план восстания, говоря, что, для того чтобы стать «хозяевами моря», достаточно 50 человек самоотверженных хлопцев, которые, заняв в один прекрасный день караул, заперли бы все каюты с офицерами — и дело было бы «в шляпе». Матрос Бальц, на линейном корабле «Евстафий» во время похода этого корабля летом 1912 года в Новороссийск, на сходках нижних чинов у рефракторской машины по поводу убийства выдавшего руководителей восстания царским палачам матроса Кунци, намечал не только дату, но даже час восстания — 2 часа ночи на 25 июля 1912 года.

Матрос «Памяти Меркурия» Поповкин, изобличенный в своей революционной роли одним из главарей подготовлявшегося восстания, расстрелянным несмотря на свое предательство — матросом Долей, поддерживал связь линейного корабля «Память Меркурия» с «Пантелеймоном» и «Иоанном Златоустом», команды которых стояли во главе движения, ведал доставкой на эти корабли огнестрельного оружия (револьверов).

Из остальных участников предполагавшегося восстания обвинительный акт упоминает какого-то матроса «Жука» [1]), затем одного из организаторов восстания матроса Белоусова, от которого Киосев и Шацков получали все сведения о ходе подготовки восстания и о каких-то двух офицерах

---

[1]) Не провокатор ли „Жак“ - Дорошенко, с торгового флота? *Е. В.*

с «Иоанна Златоуста», стоявших будто бы во главе движения.

Упоминаются еще две фамилии моряков Сергутина и Махотина, без выяснения их отношения к делу.

Согласно приговору из этой группы трое были приговорены к смертной казни через расстреляние—Киосев, Шапсков и Радченко, остальные пятеро на каторгу, общим счетом на 20½ лет. Смертный приговор по отношению к Киосеву, Шапскову и Радченко в исполнение приведен не был, а вместо того они втроем получили 60 лет каторжных работ.

Характерна заключительная часть приговора, показывающая, как строго охраняло самодержавие тайну революционных настроений в военном флоте того времени от нескромных глаз:

«Вещественных по делу доказательств: два кинжала и три пакета с письмами по вступлении сего приговора в силу уничтожить».

Это делалось на основании ст. 830 Военно-морского судебного устава.

О восстании севастопольских моряков слухи распространялись в Константинополе из русского посольства, и, конечно, в первую очередь узнали о нем команды стоявших на рейде стационеров—«Донца» и «Кубанца».

Возбужденные сенсационным сообщением моряки немедленно же делегировали к Адамовичу своих представителей с предложением принять командование над их канонерками, с тем, чтобы с наступлением темноты переарестовать на пароходах весь командный состав и с потушенными фонарями выйти той же ночью из Босфора в Севастополь, в помощь восставшим.

В связи с этим Адамовичем тотчас же было созвано экстренное совещание Заграничного Центра в составе Александра Яковлева, меня, Давида Едыткина и Веры Апостоловой, при чем с Едыткина было взято слово не говорить ничего о предложении военных моряков ни Мгеброву ни его жене.

Было решено предложение военных моряков принять и, если до наступления вечера сообщения о восстании в Сева-

стополе не будут опровергнуты, явиться вооруженными на борты «Кубанца» и «Донца» четверым—Адамовичу и Едыткину на борт «Кубанца», Яковлеву и мне на борт «Донца» с тем, чтобы принять над ними команду и вывести канонерки в Севастополь.

Пережитые нами затем несколько часов до момента выяснения ложности сообщения о восстании не поддаются описанию, как и та горечь, которая охватила нас и моряков военных пароходов в связи с установлением факта происшедшего в Севастополе жесточайшего провала на военной эскадре.

Этот эпизод характеризует отношение военных моряков к нашей организации и ее Заграничному Центру, и, в связи с таким отношением их к нашему делу, вопрос о связи их с торговыми моряками, об их совместной организационной работе и проч., являлся одним из актуальных вопросов в работе Заграничного Центра.

Живо отозвались на призывы «Моряка» осуществить эту связь потемкинцы, жившие в Галаце. Они писали 28 октября 1912 г. в редакцию «Моряка» такое письмо: «Дорогие товарищи! Ваша газета «Моряк» разыскала и нас—потемкинцев. Горячо приветствуем начатое вами дело и напоминаем вам, что мы, потемкинцы, тоже моряки, но боролись мы не только за наши моряцкие нужды, а за освобождение всего рабочего класса. Мы рвем ту вековую цепь, которая сковывает весь русский народ. Газету «Моряк» просим направлять по указанному адресу». В Александрии неофициальный представитель Заграничного Центра Мирский, с ведома Адамовича, вел соответствующую пропаганду на крейсере «Олег». Секретарь Центрального Бюро заграничных групп содействия Р. С.-Д. Р. П. тов. Чичерин (Орнатский), получив связь со стоявшей в Пирее (Греция) русской канонерской лодкой «Уралец», пересылает эту связь Заграничному Центру и в письме к Адамовичу рекомендует ему снабжать экипаж этой лодки нелегальной литературой.

В № 48 эс-эровской военной газеты «За Народ» за июнь 1912 г. опубликовывается письмо в редакцию этого органа группы военных моряков социал-демократов, которые приветствуют газету «Моряк» и созданную ею организацию.

Отвечая на это письмо в том же номере, редакция «За Народ» пишет:

«Дорогие товарищи, матросы социал-демократы, вы нас обижаете, говоря, что у вас нет такой газеты, какая есть у моряков торгового флота. Ведь газета «Моряк» обслуживает торговых моряков всех партий, представляет интересы матросов, кочегаров и машинистов, как социал-демократов, так и социалистов-революционеров и даже беспартийных. «За Народ» также обслуживает всю армию, весь военный флот, стараясь по мере сил защитить интересы всех военных моряков, не делая в этом отношении различия между беспартийными, между социалистами-революционерами и социал-демократами. Пишите о ваших нуждах, о вашем житье-бытье, и мы с радостью напечатаем ваши заявления уже по одному тому, что вы моряки русского флота... Чем больше товарищества между социалистами всех толков, чем больше взаимной помощи между матросами, кочегарами и машинистами всех флотов,—тем скорее и полнее скинет русский народ ярмо самодержавия и капитализма со своей шеи».

Феликс Вадимович Волховской, старый народоволец, издатель и редактор «За Народ», не был социалистом-революционером-политиканом, а был революционером-практиком. По духу он был родствен народовольцу Натансону-Боброву, который братски подал руку еще до октябрьской революции партии социального переворота—партии русских большевиков-коммунистов—и умер верный ее лозунгам.

Если бы Феликс Вадимович дожил до Великого Октября, он был бы в одном лагере с покойным Натансоном-Бобровым и не испугался бы, подобно «лидерам» эс-эрства—Чернову и К°, справедливой жестокости трудящихся к своим вековым врагам и угнетателям.

Недаром в том же номере «За Народ» он дает место статье «Кошмар современной жизни в нашем военном флоте», которую неизвестный автор-моряк кончает такой «заповедью»:

«Товарищи, если Вам придется дожить до светлого будущего, если Вам удастся совершить государственный пере-

ворот в пользу свободы и справедливости, спросите команду военных судов о вампирах, пьющих ее кровь, и не жалейте тех, на кого Вам укажет команда, ни одного не оставляйте в живых. И незабвенна будет в памяти матросов та минута, когда все эти морские пауки и скорпионы, питающиеся морской кровью, погибнут».

Связавшись через меня с Адамовичем, Ф. В. Волховской вошел с ним в оживленную переписку относительно установления взаимодействий между редакциями, далеко не ограничиваясь в своих письмах чисто техническими вопросами. В определенном направлении давила на Заграничный Центр и революционно-настроенная масса торговых моряков, среди которых орган Волховского широко распространялся и пользовался любовью. Вместе с тем и военные моряки все чаще и чаще стали обращаться в редакцию «Моряка» с письмами о своем тяжелом быте и, предлагая свои услуги к распространению в военном флоте «Моряка», называли его в своих обращениях к редакции «нашей газетой».

Учитывая эти тяготения и настроения, редакция «Моряка» открыла на своих страницах место корреспонденциям из военного флота и указателю литературы о движении в войсках. Заграничный же Центр обратился к целому ряду видных деятелей как эс-эровской, так и эс-дековской партий с просьбой присылать в редакцию «Моряка» материал по этому вопросу.

В связи с этим Адамович подготовляет к опубликованию на страницах «Моряка» статью под заглавием «Снова, как прежде», в которой, приветствуя пробуждение деятельности революционных партий в войсках, он доказывает необходимость создания такого беспартийного революционного органа, который собрал бы вокруг себя все партийные и внепартийные силы, желающие посвятить себя делу создания общей военной революционной организации в армии и флоте, подобно тому как «Моряк» собрал вокруг себя силы, служащие вне различия партий делу объединения торговых моряков и портовых рабочих.

Эта же идея—организация военных сил Революции—захватывает и меня.

В своей большой работе, отсылаемой мною в Александрию, для издания отдельной брошюрой, под заглавием «Задачи дня и перспективы грядущего», я, путем анализа ошибок революционных партий в 1905—1907 г.г., приведших к провалу восстаний этих лет, пришел к выяснению основных моментов большого революционно-стратегического плана, в порядке осуществления которого должны были быть использованы организуемые в текущей подготовительной работе революционных партий военные силы Революции. Основной идеей этого плана было «не восстание, а гражданская война, не захват власти, а завоевание и организация власти». Восстание, как начальная фаза гражданской войны, должно охватить лишь опорные пункты революции. Этими пунктами—базами ее должны явиться Кронштадт-Петроград, Севастополь, Архангельск и Владивосток, а на Каспийском море — Баку. Здесь, в этих пунктах, на смычке революционных сил военного и торгового флотов, должен произойти «захват власти» и организация первых кадров Красной армии, которая, при поддержке военного флота и обслуживании ее торговыми судами, сперва расширит плацдармы своей базы за счет внутренних морских побережий, используя речные флотилии и железнодорожную связь, и затем приступит к охвату со всех сторон самого континента страны, отрезая связи императорских армий с границами. По мере продвижения регулярных революционных армий в ширь и в глубь страны, они, с одной стороны, комплектуются за счет переходящих на их сторону правительственных войск и кадров примыкающих к Революции партизан, с другой—навстречу им ширятся подрывающие тылы противника партизанские выступления широких масс крестьян и рабочих, организуемые подпольными организациями революционных партий и подымаемые ими в порядке осуществления общего плана использования этих выступлений с наименьшим риском их провала, вырабатываемого в главном штабе революционной армии. Революционные кадры вооружаются за счет противника, обмундировываются и снабжаются из захватываемых военных складов и за счет местного обложения буржуазных элементов насе-

ления в освобождаемых от императорской власти территориях. В этих территориях, до освобождения всей страны, организуются временные органы гражданской власти путем назначения облеченных всеми полномочиями окружных комиссаров и революционных комитетов, действующих на основе временных положений, выработанных заблаговременно в штабе Революции объявляющим себя Временным Революционным Правительством. Состав этого правительства определяется на основе паритетного представительства всех партий и рабочих, а также военных организаций и союзов, принимающих участие во всей подготовительной работе и организации гражданской войны, и на время последней передоверяет свои полномочия специально уполномоченному Верховному Комитету, избранному из его членов, в количестве пяти душ.

Далее, в той же брошюре подробно рассматривались основы временного революционного военного и гражданского управления, способы организации их исполнительных органов для освобождаемых территорий, с особой организацией их в прифронтовых зонах, а также и вопросы финансов, продовольствия и проч. И так как в то время идея Учредительного Собрания, как переходного этапа к установлению нового гражданского строя в стране, равно признавалась всеми революционными партиями и позволяла, в интересах достижения ближайшей цели—свержения самодержавия, предполагать возможность коалиции на этом первом этапе революции с революционно-демократическими и радикальными частями даже некоторых правосоциалистических и буржуазных партий, то в этой брошюре содержался призыв к объединению на почве подготовки гражданской войны против самодержавия «всех тех, кому по пути до Учредительного Собрания».

Учитывая тот, уже достаточно высокий удельный вес, который к тому времени получил Союз торговых моряков в глазах всех социалистических партий России, а также и в руководящих кругах Международного Профессионального Движения (в это время Союз уже вошел в Интернациональный Союз Транспортных Рабочих), я предлагал Адамовичу выступить от имени Заграничного Центра Союза с соответ-

ствующим предложением к подлежащим политическим партиям и наиболее сильным профессиональным организациям России и начать работу по созыву за границей специальной конференции их для заключения политического блока.

Адамович, увлеченный моей идеей, с горячностью отозвался на эти предложения и писал мне, что примет все меры к опубликованию моей статьи и ознакомлению с ее основными положениями видных партийных работников обоих социалистических лагерей того времени.

Но этому осуществиться не удалось. В воздухе уже пахло грозой. Первая балканская война окончилась междоусобием между вчерашними союзниками. Кольцом блокады, в которой очутилась Болгария, я оказался отрезанным от всего внешнего мира, и связь моя с Союзом обрывается.

ГЛАВА VI.

Еще находясь у меня в Варне, после 5-го сентября 1912 г., Александр Яковлев решил окончательно свою поездку в Россию. Вопрос стоял лишь в том, ехать ли ему под своим именем, используя свой легальный заграничный паспорт, пароходом из Константинополя на Батум, или, как я советовал, дождаться обещанного тов. Раковским паспорта — его для этой цели посетили я и Адамович на Принцевых островах[1]) — и ехать с ним нелегально в Россию через Бухарест — Яссы — Кишенев по железной дороге. Я убеждал Яковлева не рисковать собой, ибо, будучи вполне убежден в существовании где-то около Центра провокации, я не сомневался, что Яковлев со своим паспортом прямо попадет в тюрьму.

Но Яковлев тосковал и метался, обещанный же тов. Раковским паспорт так и не приходил, и вот, получив от Веры Апостоловой письмо с описанием того перелома в настроении команд, который произошел под впечатлением демонстративного выхода Заграничного Центра в отставку, Яковлев в письме от 11-го сентября сообщает Адамовичу, что он возвращается в Константинополь и оттуда, как только выяснится положение в Центре организации, легально выедет пароходом на Батум.

Небольшая, но довольно острая простуда, схваченная Яковлевым во время нашего с ним морского переезда из Константинополя в Варну, еще удерживает его некоторое время у меня, но к концу сентября он все же возвращается в Константинополь.

Мне осталось неизвестной точная дата выезда из Константинополя Яковлева, но, со слов Веры Апостоловой, он выехал в Россию в начале октября, на несколько дней раньше

---

[1]) Принцевы острова расположены в Мраморном море против входа в Босфор, в часе езды пароходом от Константинополя. *Е. В.*

се. Вера же выехала на Одессу, где она должна была передать целый ряд поручений известному в нашей организации под кличкой «Виконта»—Николаю Семеновичу Рабиновичу, уже вернувшемуся в это время из своей высылки за границу в Одессу 10-го октября 1912 года. Из Одессы Вера предполагала проехать в Краснодар к своим родным, там дождаться письма от Яковлева уже из России и дальнейших инструкций от Адамовича.

Судя по обнаруженной при аресте в Батуме в кармане Яковлева почтовой квитанции на заказное письмо в Краснодар к Вере из турецкого города Ризы (на Малоазиатском берегу Черного моря) от 10-го октября, надо полагать, что уже 5—8 октября Яковлев оставил Константинополь.

Как я и предполагал, еще на борту парохода Яковлев понял, что он провален и что высадка его в Батуме благополучно не сойдет. Это заставило его, не доезжая Батума, сойти в турецком городке Ризе и там некоторое время переждать с тем, чтобы въехать в Батум не на русском, а на каком-нибудь иностранном пароходе.

Высадка в захолустном городишке турецкого побережья в совершенно неподходящее время года русского произвела в нем понятную сенсацию, и не успел Яковлев как следует расположиться в каких-то несчастных, содержавшихся каким-то греком номерах, как ему передают визитную карточку русского консула, явившегося приветствовать «знатного иностранца» и соотечественника.

Завязался разговор. Узнав, что перед ним путешествующий корреспондент крупных столичных газет, за каковой выдал себя Яковлев, консул рассыпался в любезностях и убедил Яковлева воспользоваться его гостеприимством, переехать к нему в его виллу и вообще чувствовать себя «как дома».

Ясно, что от этого отказываться не приходилось, и чуть ли не целую неделю Яковлев был желанным гостем у консула, обрадованного случаем, заславшим в его глушь такого интеллигентного и интересного собеседника. Консул оказался любителем геологии, и, когда Яковлеву настало время уезжать на зашедшем в Ризу английском пароходе, он нагрузил его целой коллекцией образцов местных пород с

просьбой передать их его приятелю—начальнику таможни в Батуме, который, по его телеграмме, должен был лично встретить Яковлева на пристани и даже, если нужно, в свою очередь, оказать Яковлеву, как личному приятелю консула, самое широкое гостеприимство.

Эта телеграмма, встреча Яковлева в Батуме начальником таможни и та готовность, с которой последний бросился устраивать для Яковлева скорейшее прохождение всяких формальностей с визой его паспорта и досмотром вещей, позволило Яковлеву беспрепятственно высадиться в Батуме.

Однако долго продержаться ему в Батуме не удалось. Он попал в этот город как раз в те дни, когда в связи с арестом 12-го октября Давида Едыткина и Михаила Киркорианца происходила ликвидация всех морских связей в порту и за всеми прибывающими и стоящими на рейде и в гавани пароходами была установлена свирепая слежка.

Получив,—как говорится в следственном материале по делу «Моряка»,—сведения «о преступной деятельности» Яковлева среди команд прибывающих в порт пароходов, местные жандармские власти установили за ним наблюдение, и 19-го октября Яковлев был арестован на пароходе «Черномор» в то время как в кубрике вел о чем-то беседу с тремя матросами. При производстве у него личного обыска Яковлев сам отдал бывшие при нем документы, свидетельствовавшие о прикосновенности его к Союзу моряков. Среди этих документов оказались 4 квитанции от 5-го октября 1912 г. за №№ 483—486 о взносе денег в кассу «Моряка» командами пароходов «Сокол»—13 р. 60 коп., «Восток», «Рогдай» и «Илья Муромец»—по 6 руб.; две почтовые расписки о сдаче заказных писем на имя Сергея Посочинского (Адамовича) и Веры Апостоловой; блокнот с разного рода заметками, имеющими непосредственное отношение к делам Союза моряков, два экземпляра его рукописей—«Что и как делать» и фотографическая карточка Веры Апостоловой.

После ареста Яковлева и отправки его этапом в Одессу, в Батумской почтовой конторе было получено на его имя два письма, которые были досланы Яковлеву по месту заключения в Одесскую тюрьму и там были вскрыты жандармами.

Первое из этих писем, датированное 5-ым ноября 1912 г., из Александрии, представляло собой короткую записку Адамовича к Яковлеву с просьбой немедленно выслать квитанцию на 60 руб. за ноябрь, при чем Адамович сообщал, что в тот же день им высылается заказное письмо со вложением в него требуемых Яковлевым квитанций. В заключение Адамович сообщал о получении им от Яковлева письма его из Ризы.

Во втором письме, помеченном 9-го ноября 1912 г., Адамович, сообщая Яковлеву еще раз о получении от него письма из Ризы, предлагал для дальнейшей переписки условиться шифром и прибегать к химизированию писем, а также просил дать какой-нибудь конспиративный адрес для посылки деловой корреспонденции.

В том же письме Адамович сообщал, что фельетона Яковлева, адресованного последним еще на Константинополь, он, из-за своего отъезда оттуда в Александрию, еще не получил, и затем просил Яковлева в своей очередной работе в Батуме подобрать на пароходах надежных людей, связаться с ними и предложить каждому из них взять на себя ответственную работу, не боясь последствий, и завести связь с портовыми рабочими.

Далее Адамович спрашивал, получено ли Яковлевым письмо, переданное «через руки», и рекомендовал ему проводить на месте мысль об усилении фонда, а также передать Едыткину, что все письма его получены.

В заключение Адамович в своем письме предлагает Яковлеву вступить в активную переписку с Верой Апостоловой—«Пичужкой», которая, по его словам, собиралась в то время поселиться в одном из подходящих для работы мест.

«При письме,—как повествует дальше обвинительный акт по делу,—был приложен адрес обвиняемой Екатерины Триппе и пять квитанций кассы «Моряка»—№ 464 от 23 сентября пароходу «Скиталец» на 1 р. 3 коп. и на литературу—30 коп.; № 465 от того же числа пароходу «Беспокойный»—на 3 руб. 50 коп.; № 466 от того же числа пароходу «Эрис»—на 4 р. 60 коп.: № 505 от того же числа пароходу «Гоголь»—бывш. «Лихач»—на 5 р. 50 коп. и № 506 от 9 ноября 1912 г. пароходу «Лебедь»—на 6 р. 60 к.

При сличении жандармами этих квитанций, отобранных при обыске у Яковлева в Батуме с квитанционными книгами «Заграничного Центра» ими было установлено, что сборы эти действительно поступили в кассу «Моряка», и что «Восток» является псевдонимом парохода «Марии» Российского Общества; «Рогдай»—«Руслана»; «Илья Муромец»—«Святогора»; «Эрос»—«Марса»; «Беспокойный»—«Лихого»; «Скиталец»—«Румянцева»; «Лебедь»—«Батума» и «Гоголь»—В. кн. Константина».

Сверх этих документов в руки следствия попало перехваченное жандармами во время содержания Яковлева в Одесской тюрьме его письмо, адресованное Сергею Песочинскому (кличка Адамович) в Александрию, в котором Яковлев, между прочим, сообщал, что «102 ст. к нему предъявлена основательно».

Далее, обвинительным актом изобличались все, обнаруженные следствием, революционные псевдонимы Яковлева—«Черненков», «тов. Александр», «Дермидонтыч», «Шапошников», «Петров» и «Фор-Стенга»—и сообщались следующие данные о его прежней судимости: «Александр Яковлев, проживая в 1907 г. в г. Одессе нелегально по паспорту на имя Бендерского мещанина Ивана Кузьмича Черненкова, состоял в Одессе членом Боевого Стачечного Комитета Моряков, объединившегося в целях проведения всеобщей забастовки в Одесском порту с местными организациями Российской Социал-Демократической Рабочей Партии и Партии Социалистов-Революционеров, и во время ликвидации этого комитета, 4-го июля 1907 года, в числе других лиц был арестован на квартире члена того же комитета Николая Нагродского и привлечен при Одесском жандармском управлении к охранной переписке, в разрешение которой, по постановлению бывшего временного Одесского генерал-губернатора от 8 августа того же года, был выслан под гласный надзор полиции, сроком на два года.»

Кроме того, свидетельскими показаниями, проходящими в следственном материале об Александре Яковлеве, было выяснено:

1. Свидетель Петр Вовченко, кочегар парохода «Император Николай II» и матрос того же парохода Ефим Голо-

бородько показали, что Александр Яковлев, как член «Заграничного Центра», принимал от их выборных в Константинополе членские взносы в кассу «Моряка» и выдавал в том им квитанции.

2. Тот же свидетель — Петр Вовченко — рассказал, как во время поездки в Россию в марте 1912 года «руководителя Заграничного Центра» Александра Яковлева выборные парохода—Сергей Баженов, Василий Уханов и Игнатий Мерва, а также кочегары—Никифор Костыркин, Антон Оврях, Павел Скрипка, Трофим Шаповалов и Емельян Юхновский—тайно перевезли его на пароходе, скрыли в угольной яме и кормили его по очереди во время переезда, снося ему пищу и питье.

3. Свидетель Петр Гречаный, кочегар парохода «Иерусалим», показал о происходивших в Константинополе собраниях моряков, устраивавшихся руководителями Союза, произносившими на них зажигательные речи, сперва на квартире Александра Мгеброва, а потом в помещении комитета болгарских рабочих, назвав среди этих руководителей и Александра Яковлева.

Давая целый ряд показаний, этот предатель удостоверил, что «убедившись во вреде, приносимой этой организацией морякам, которые под видом улучшения экономического быта, втягивали их в политику, оставил службу в торговом флоте».

4. Свидетель, жандармский вахмистр Недоруев, устанавливает близость Александра Яковлева, как члена организованного в Константинополе «Комитета», к агитировавшему в Одессе за забастовку кочегару парохода «Лазарев» Павлу Лебедеву.

5. Показания свидетелей Дорошенко «Жака» и Петра Сергеенко, оказавшихся провокаторами, из следственного материала исключены.

6. Свидетелей—Петра Вовченко и Ефима Голобородько, выдавших многих членов организации, Антон Оврях в своих показаниях обрисовал—первого, как профессионального вора, а второго как непробудного пьяницу.

Показания о самом себе «мещанина г. Смоленска, Александра Дермидонова Яковлева, 27 лет» обвинительный акт рисует так:

«Не отрицая приписываемой ему руководящей роли в деятельности «Союза Черноморских Моряков», Яковлев объяснил, что этот союз, являясь исключительно профессиональным, преступных целей не преследовал и, добиваясь улучшения экономического быта моряков, имел в виду подготовить и провести морскую забастовку. В Константинополь он, Яковлев, прибыл по приглашению моряков, предложивших ему взять на себя работу по подготовке и проведению экономической забастовки черноморских судовых команд. Там он застал сорганизовавшуюся до его прибытия «Инициативную группу» черноморских моряков, каковую он, в целях успешности работы и ее правильной постановки, уничтожил и принял ряд мер к организации Союза Черноморских Команд.

«В Союзе этом он был кассиром, принимал от команд пароходов 2% отчисления с получаемого жалованья и выдавал на них соответствующие квитанции. Кроме того он еще был секретарем Союза и вел протоколы всех организационных собраний членов Союза, а также, в целях развития и укрепления деятельности Союза, совершал организационные поездки в Россию, при чем отчет о первой поездке им был дан на страницах «Моряка» и в «Правде» за подписью «Фор-Стенга».

«Неся на себе исполнение всякой ответственной работы Союза, он, Яковлев, посещал русские пароходы заграничного плавания и вел на них агитацию за вступление в Союз, а также пропагандировал его цель—подготовку забастовки. Посещая пароходы, он передавал для отправки и распространения на внутренних линиях только газету «Моряк», в редактировании и составлении которой он участия не принимал, так как членом редакционной коллегии не состоял. Дать объяснения относительно других руководителей Центра Яковлев отказался, а относительно «выборных» от судовых команд пароходов заявил, что таковых не было, так как завести таковых не удалось. Что же касается материала, обнаруженного у него обыском в г. Батуме, Яковлев показал, что четыре квитанции на денежные взносы, полученные им с различных пароходов, он должен был передать на соответствующие пароходы. Что же касается обнаружен-

ной у него при аресте рукописи со статьей под заглавием «Наши требования», то относительно ее Яковлев показал, что она должна была выяснить вопросы о том, какие требования нужно предъявить во время забастовки, как их надо защищать во время переговоров с судовладельцами и как нужно проводить забастовку...»

Эта рукопись заканчивалась установлением тесной связи частичных выступлений моряков с общим рабочим движением, «цель которого—социализм, т.-е. уничтожение частной собственности на землю и на орудия производства и замена капиталистического производства социалистическим».

Далее, относительно почтовых квитанций на отправленные им из Ризы (Турция) заказные письма в Константинополь — Песочинскому и в Екатеринодар — Апостоловой, Яковлев дать объяснения отказался как о личностях адресатов, так и по поводу содержания этих писем.

«При предъявлении обнаруженных обыском у Адамовича писанных им рукописей, писем и других документов, Яковлев, признав все это написаным им, отказался затем дать какие-либо объяснения по содержанию предъявленного ему письменного материала».

Уже будучи арестован, Александр Яковлев до своей отправки из Батума в Одессу успевает 23-го октября 1912 г. отправить Вере Апостоловой в Краснодар еще одно письмо, в котором, сообщая о своем аресте, пишет—«случилось то, что должно было случиться».

Оба письма Яковлева к Апостоловой — из Ризы и из Батума—были отобраны у нее жандармами при обыске, произведенном ими в Краснодаре в доме ее отца, «статского советника» Антона Апостолова, у которого она тогда проживала.

Опрошенная при этом обыске в качестве свидетельницы «с соблюдением 722 ст. Положения об Уголовном Судопроизводстве», Вера Апостолова объяснила, что с Яковлевым она познакомились по письмам, благодаря их общей знакомой, еще в то время, когда он находился в ссылке в Кеми, Вологодской губ. Впервые же она увидела его в Турции, где она жила в мае 1912 г. на Принцевых Островах в одной квар-

тиро с Яковлевым и другим своим знакомым, личность которого она открыть отказалась. Что касается Союза моряков и отношения к нему Яковлева, то на этот вопрос она отозвалась полным незнанием.

Между тем уже в это время «по негласным сведениям начальника Кубанского областного жандармского управления и начальника жандармского управления г. Одессы, жандармами было твердо установлено, что еще в 1908 г., проживая в Краснодаре, Вера Апостолова принадлежала к Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, а затем находилась в конспиративных сношениях с руководителями Союза Черноморских моряков Александром Яковлевым и Михаилом Адамовичем. Летом же 1912 г. жила с ними в Константинополе, при чем Адамович называл ее «Пичужкой», а она его «Михой». Поэтому данные Верой Апостоловой о себе сведения жандармов не удовлетворили, и 25-го ноября того же года, т.-е. через четыре дня, у нее в Краснодаре был произведен вторичный обыск, во время которого жандармами было отобрано у нее еще одно письмо—письмо из Константинополя от Адамовича, адресованное им через Веру Апостолову к жившим в том же городе его родителям.

Третий раз обыску подверглась Вера Апостолова уже в Москве, 12-го февраля 1913 года, во время которого у ней была найдена такая же ее фотографическая карточка, какая была отобрана при обыске в Батуме у Яковлева и адреса: «Константинополь до востребования № 81» и Семковского в Вене.

В связи с этим Вера Апостолова в конце концов была арестована и доставлена в Одессу, где ее лично допрашивал тот самый жандармский полковник Марциновский, который вел негласное наблюдение за Союзом в течение всего 1912 года в Константинополе и пытался добиться у болгарского правительства ликвидации издания в Варне «Моряка» и моего ареста.

Во время этого допроса Апостолова показала, что Михаил Адамович ее жених, с которым она давно знакома, повторив при этом, что с Александром Яковлевым она познакомилась заочно, когда он находился в ссылке, вступив с ним в частную переписку при посредстве одной дамы.

которую назвать не пожелала. Впервые она встретилась с Яковлевым, будто бы, лишь осенью 1912 г. на острове Халки, вблизи г. Константинополя, где она поселилась, будучи больна туберкулезом легких. Там она жила на одной квартире со своим женихом Адамовичем и Яковлевым, о деятельности коих по Союзу Черноморских Моряков ей ничего неизвестно. Адамович познакомил ее с одной молодой дамой, называемой Рахилью Соломоновной, а эта последняя познакомила ее со своим мужем—Жоржем. С острова Халки она, Апостолова, выехала 10 октября, а дней на десять раньше ее выехал Яковлев, от которого она получила письмо из г. Ризы и открытку из Батума с сообщением об его аресте. Относительно старых писем к ней Яковлева, относящихся к 1911 году, обнаруженных у ней во время первого обыска в Краснодаре, в одном из которых Яковлев сообщал ей из Петрограда, что хочет ехать через Одессу в Константинополь, где Михаил затевает интересное дело—организацию профессионального союза моряков и писал о письмах к нему из Константинополя Нагродского и его жалобах на незаслуженные обвинения в провокации и спрашивал у Веры совета, ехать ли ему или нет,—Апостолова признала эти письма принадлежащими ей, но дать по ним какие-либо объяснения отказалась. Что же касается обнаруженных у ней в Москве иностранных адресов, то она показала, что по одному из них—она и Адамович, живя вместе, получали письма в Константинополе, а по другому—она переписывалась с ним из Москвы.

После ареста Адамовича и разборки архива Заграничного Центра жандармами были обнаружены в нем письма за подписью «Веры». Из содержания одного письма, на имя «Миши» было установлено, что «Вера», она же «Пичужка», действительно приехала из России в Константинополь в мае месяце 1912 года; далее в протоколах заседания Заграничного Центра, состоявшегося 27 августа, было указано участие в этом заседании «Веры» с правом совещательного голоса, и кроме того экспертизой было установлено, что как протокол этого заседания, так и весь кассовый отчет «Моряка» с 1 августа по 1 октября были написаны рукой «Веры»; затем та же «Вера» написала по поручению Адамовича два

письма в Варну, одно от 15 сентября, а другое без даты, на имя «милых меланхоликов», в каковых письмах, как свидетельствует жандармское следствие, «она ведет речь по различным делам организации, проявляя полное знакомство со всеми их подробностями».

В одном из этих писем она просит Яковлева дать статью для № 12 «Моряка». Далее, в письме без даты, она сообщает «Михе», что она в Константинополе исполнила сделанное ей поручение и просит предупредить «Виконта» о ее приезде в Одессу. В письме же из России от 10 октября она уведомляет Адамовича, что виделась с «Виконтом» в Одессе и просит прислать ей комплект «Моряка», завернув его в паломнический или модный журнал. Наконец, в том же архиве было обнаружено письмо «Веры» Адамовичу в Александрию в котором она, намекая ему, повидимому, на идущие в организации аресты, пишет, что, видно, недолго ему остается быть в Александрии в одиночестве, так как события разгораются.

Среди документов было также обнаружено письмо на имя Адамовича из Варны от 9 сентября 1912 г., за подписью Евгения Волкова, по делам Союза, в котором он посылает привет «Вере» и Амиру.

Прижатая к стенке предъявленным ей при новом допросе материалом, опровергать который не было никакой возможности, Вера Апостолова дополнительно показала, что, действительно, она по поручению Адамовича и Яковлева, о признании которыми их руководящей роли в Союзе она уже знала, вела записи в кассовой книге и перепечатывала на пишущей машинке статьи, предназначенные к печатанию в «Моряке», а существовавший в Константинополе во время ее пребывания в этом городе «Заграничный Центр», по ее словам, был лишь кружком лиц, руководивших изданием газеты «Моряк».

Две подписи «Вера» на постановлении и протоколе собрания Заграничного Центра от 27 августа 1912 года Вера Апостолова признала своими и объяснила, что она подписала эти документы, так как принимала участие, по приглашению членов Центра, в обсуждении изложенных в них вопросов.

Письма, начинающиеся словами: «Здравствуйте, беглые меланхолики», она также признала своими, указав, что она писала их в Варну Александру Яковлеву; «меланхоликами» же она назвала в этих письмах Яковлева и другого, проживавшего в одном из иностранных портов на Черном море русского юношу, неизвестного ей по фамилии.

Письмо с обращением «Мишка милый» она также признала написанными ею Михаилу Адамовичу, как ее жениху. Она не могла отрицать установленной уже дознанием идентичности «Виконта» с жившим в Одессе д-ром Рабиновичем и призналась, что была в Одессе в октябре 1912 г., где посетила Рабиновича, как старого университетского товарища Адамовича, имея к нему поручение от последнего личного характера. Что же касается ее просьбы к Адамовичу выслать комплект номеров «Моряка», то она вообще высказала сожаление, что не взяла с собой, когда ехала в Россию, ни одного номера «Моряка», хотя, как оказалось потом, возможно было провести их хоть целую сотню.

К этому дополнительно, по негласным сведениям, жандармами было установлено, что Вера Апостолова, «находясь в конспиративных сношениях с известным по преступной деятельности в организации черноморских моряков Михаилом Адамовичем—в организации «Миша» и «Михаил»—и Александром Яковлевым—в организации «Александр»,—проживавшим в г. Одессе в 1911 г. под фамилией Шапошникова, адресовала ему, как член Р. С.-Д. Р. П., корреспонденцию до востребования на имя «Ивана Петрова» и не только ему, но и другим, проживавшим в Одессе, партийным лицам».

На этом основании «потомственная дворянка Вера Антоновна Апостолова, 26 лет, оказалась привлеченной по делу «Моряка» в первой группе обвиняемых по 102 ст. Уложения по обвинению в распространении нелегальной литературы, принадлежности к Р. С.-Д. Р. П. и в заведывании деловой перепиской и канцелярской работой при заграничном Центре Союза Черноморских моряков».

Что касается Рабиновича, о котором речь будет ниже, то в отношении Веры Апостоловой он на следствии признал, что упоминаемая им в письмах к Адамовичу «Пи-

чужка», называемая им «маленькой женщиной и большим философом», его хорошая знакомая—Вера Апостолова, которая, по совету Адамовича, действительно заходила к нему в Одессе.

Как было сказано выше, Давид Едыткин был арестован в Батуме неделей раньше Яковлева. На этой трагической фигуре бывшего ссыльно-поселенца, по делу «Моряков» и за побег с поселения вторично осужденного на каторгу, необходимо остановиться подробнее, тем более, что впоследствии, во время гражданских войн в 1918—1920 г.г. на юге России он играл активную роль в борьбе с контр-революцией на стороне советской власти.

Маленький, щупленький, с ярко рыжими волосами и лицом, покрытым постоянно темными пятнами веснушек, он своей безграничной преданностью революции производил трогательное впечатление. Происходя из семьи бедного ремесленника г. Керчи, Давид самоучкой обучился русской грамоте и с самых юных лет ушел с головой в революционную работу, беря на себя исполнение самых рискованных поручений, не останавливаясь ни перед какими опасностями.

Когда он был впервые арестован 10 апреля 1909 г. на ст. Баку с транспортом нелегальной литературы и документом, удостоверяющим его принадлежность к партии с.-р. ему было всего 18 лет. Молодость избавила его от каторги и он, приговором Тифлисской Судебной Палаты, по I ч. 102 ст. Уг. Уложения, был осужден, по лишении всех прав состояния, к бессрочной ссылке на поселение. Приговор был вынесен 10 марта 1910 г., приведен в исполнение 31 марта того же года. Но уже весной 1911 года Давид оказывается снова на Кавказе, бежав из ссылки, откуда входит в связь с его прежним соратником по партии, уже находившимся в Константинополе — Александром Мгебровым, который, при посредстве сочувствовавшей партии с.-р. группе матросов с парохода «Николай II», устраивает Давиду нелегальный проезд из Батума на этом пароходе в Константинополь.

С образованием «Инициативной группы» Черноморского Союза Едыткин вступает в число ее членов, затем вместе с Мгебровым входит в состав Заграничного Центра и

остается в нем до его коллективной отставки 5 сентября 1912 г., не переставая на-ряду со своей деятельностью в Союзе вести партийную работу среди военных моряков, руководя транспортом революционной литературы в Севастопольский порт.

Раздоры в организации моряков, его личное разочарование Мгебровым, руководившим его работой, начавшиеся провалы на пароходах, страшно удручали Едыткина, и он предложил Заграничному Центру отправить его на нелегальную работу в Россию.

Давиду в это время шел 22 год. Напрасно мы его убеждали, как говорил Адамович, «не соваться в пекло», напрасно указывали на его характерную, легко запоминавшуюся внешность, на ярко выраженный еврейский тип, совершенно не отвечавший его паспорту, на имя крестьянина Тамбовской губернии Василия Петровича Журавлева, на неизбежный провал его, лишь только он вступит на берег. — —все было напрасно. Чуть не со слезами на своих добрых глубоких глазах он убеждал нас, что все это пустяки, что он умеет хорошо конспирироваться и заметать свои следы, указывая на свой благополучный побег из ссылки и продолжительное проживание после него, до выезда в Константинополь, в родном городе и в местах, где его знали по революционной работе, и, наконец, когда все это нас не убеждало, он просто заявил, что больше так жить, как он живет—находиться за границей, в то время как сотни и тысячи товарищей работают и гибнут в России, он не может, что если мы его не пустим, то он либо уйдет на свой риск и страх, и тогда его провал будет действительно неизбежен, либо пустит себе пулю в лоб.

И вот, когда в центре разразился кризис, удержать Давида уже было не в силах. Не успели я с Яковлевым уехать в Варну, как он определенно заявил Адамовичу о своем окончательном решении ехать в Россию.

В таких же настроениях был и другой наш сотоварищ, только что введенный нами в Центр,—Адания-Оглу-Амир, который, бежав из России, никак не мог примириться с тусклой жизнью эмигранта, и лишь только Центр вышел в отставку, уехал в турецкую Армению, где и погиб в

1913 году во время восстания в г. Ване вместе с поддерживавшим связь с нашим Союзом и оказывавшим ему большие услуги депутатом турецкого парламента и редактором центрального органа дашнаков в Константинополе «Азатамарт»—покойным Врамиано.

Невольно воспоминания об Амире и Врамиано отвлекают меня еще в сторону и заставляют вспомнить о жившем тогда в Константинополе, на Принцевых островах, Парвусе Гельфмане, к которому мне раз, вместе с Адамовичем и Яковлевым пришлось съездить по делам союза. Лично на меня он произвел своей обрюзглой внешностью, почему-то мне напоминавшей Азефа, отвратительное впечатление, и оно оправдалось, так как не более как через полгода Парвус определенно выступил в турецкой печати ренегатом революции и социализма, дав целый ряд своих статей одной из шовинистических турецких газет (к сожалению, не помню ее названия), в которых, по поводу очередной армянской резни, произведенной курдами в Варнском округе при ликвидации восстания, и лишения армянских депутатов полномочий в парламенте, он пытался с точки зрения исторического материализма оправдать «естественность» такого рода эксцессов, как одного из этапов борьбы укрепляющегося османского капитализма с своим конкурентом — капитализмом христианской Европы.

Последний раз я встретился с Парвусом в Бухаресте—у второго ренегата революции, бывшего «друга Бакунина», З. Арборе-Ралли, в 1915 г., когда Парвус по уполномочию Зедекума и К° приезжал в Румынию убеждать местную социал-демократическую партию оставить борьбу за нейтралитет Румынии и агитировать за ее союз с державами Центральной Европы «во имя освобождения европейского пролетариата от русского жандарма и французского банкира». С докладом на эту тему на русском языке Парвус выступил тогда в цирке Сидони, и я помню искреннее смущение переводчиков его речи—румын и, в частности, тов. Раковского,—не решившихся передать рабочим Бухареста смысла его «доклада».

Итак, в первой половине сентября 1912 г. Давид Едыткин вернулся в Россию, поселившись в Батуме, в д. № 63 по Тифлисской улице.

Далее, о его злоключениях содержится такой рассказ в следственном материале по делу «Моряка»:

«Поддерживая письменные сношения с Заграничным Центром, Едыткин продолжал свою преступную деятельность среди моряков прибывавших в Батумский порт пароходов. Получив об этом сведения, помощник начальника Кутаисского губернского жандармского управления в Батумской области установил за ним негласное наблюдение, путем которого было выяснено, что Едыткин, начиная с сентября месяца, находился в частных сношениях с проживавшим в д. № 53 по той же улице социалистом-революционером Михраном Киркорьянцем (он же Киркор), а также с прибывшим незадолго перед тем из Новороссийска крестьянином Павлом Доценко. Их свидания носили очень конспиративный характер и происходили обычно в ночное время, при чем Доценко, заходя на квартиру Едыткина, переодевался в другой костюм и уже в таком виде возвращался обратно. Все эти лица имели какие-то разговоры в порту с моряками, куда они являлись к приходу пароходов, главным образом Русского Общества Пароходства и Торговли. Там, по имевшимся сведениям, Киркорьянц получал от моряков литературу и передавал ее Едыткину. Действительно наблюдение установило, что Киркорьянц получал от моряков прибывавших пароходов какие-то свертки и передавал их Едыткину, а тот уносил их к себе домой.

«Наконец, когда тем же пом. нач. жандармского управления были получены негласные сведения, что Едыткин собирается из Батума уехать, им было сделано распоряжение о задержании Едыткина и производстве у него обыска. Согласно этому распоряжению чины полиции в ночь на 12 октября 1912 г. явились в дом Саробскова, где жил Едыткин, и потребовали, чтобы он отворил дверь.

Однако дверь им была открыта лишь минут через пять, при чем Едыткин отказался дать огня и в разговоре с чинами полиции заложил руку в карман, откуда жандармским унтер-офицером Хромовым тотчас же был извлечен заряженный револьвер системы «Браунинг». В квартире Едыткина оказался ночевавший у него Михран Киркорьянц. При производстве обыска, у Едыткина, помимо револьвера

с тремя обоймами, были найдены два одиннадцатых номера газеты «Моряк», № 2 газеты «Черноморец», два письма от Адамовича, заготовленное самим Едыткиным письмо в редакцию «Моряка», его же письмо к команде какого-то парохода, адрес газеты «Азатамарт» в Константинополе, клочок бумаги с названиями каких-то книг и изданий, а также записная книжка с названиями пароходов, адресами и шифрованными записями. Задержанный Едыткин назвал себя крестьянином Тамбовской губ. Василием Петровым Журавлевым и под таким именем был доставлен в распоряжение начальника жандармского управления г. Одессы. При наведении, согласно заявлению Едыткина, справок о личности его в Горельском волостном управлении были получены сведения, что личность Василия Петрова Журавлева там никому неизвестна. Между тем, при предъявлении 28 ноября 1912 г. Давида Едыткина родному брату—Зальману Хаимову Едыткину, последний его опознал.

На допросе в Одессе Едыткин признать отобранный у него при аресте в Батуме материал своим отказался и подписать протокол допроса не пожелал, уклонившись от дачи каких-либо показаний по делу».

ЧАСТЬ II

На путях к Всероссийскому объединению торговых моряков русского флота

(1912 — 1914 г.г.)

нию-доблестных моряков Черноморского флота
на Малых и Великороссийских водах.

НИКОЛАЙ II

ГЛАВА VIII.

С отъездом в Россию Яковлева, Апостоловой и Едыткина, Мгеброва с женой—во Францию, Амира—в Армению, а меня—в Варну, а также со смертью Натадзе, временный Центр в Константинополе функционировал до конца октября 1912 года в составе всего трех лиц—Адамовича, Авива Михненко и Бастричева.

В связи с этим заботы об усилении личного состава Центра особо занимают в этот период Адамовича, и он поручает Апостоловой и Яковлеву вызвать к нему из России старую его знакомую по партии, уже раз приезжавшую из Брюсселя в Константинополь, а в то время проживавшую в Киеве, Екатерину Триппе.

В это же время в Александрии жил старый соратник Адамовича и Яковлева—Николай Нагродский, возобновивший с ними переписку по делам организациии моряков, и по его представлению уполномоченным центра в Александрии был утвержден Мирский.

Интересно, что, несмотря на резко отрицательное отношение к деятельности в Союзе анархистов, как таковых, и непримиримую критику их позиции со стороны «Моряка», к отдельным лицам из их среды, согласившимся работать солидарно с мнением «большинства» моряцкой массы и в соответствии с директивами Центра, у Адамовича и Яковлева сохранялись хорошие отношения, которые позволяли им в интересах дела использовать революционность и организационные способности и известную авторитетность среди части матросов этих лиц.

Этим объясняется почему, несмотря на все трения с анархистами и даже прямые угрозы об исключении их из организации, никто из них, за исключением одного лишь Павла Сумяцкого, остракизму подвергнут не был.

Наиболее крупными из анархистов в Союзе были: из числа моряков—неоднократно упоминавшийся нами Александр Лагрунин, из не-моряков Владимир (Казимир) Мирский, он же Терский.

В следственном материале по делу «Моряка» о нем приводятся следующие данные:

«Владимир (Казимир) Мирский, он же Терский. Носил клички «Владимир», «товарищ Владимир», «Володя», «Заленкин», «Жан Захаров», «Свободин», «Либеро» и «Альпенрози»... был замечен в связях с военными матросами стоявших в Александрийском порту русских стандионеров... Ввиду вредной деятельности его среди команды крейсера «Олег», по распоряжению императорского консула в г. Александрии—Петрова, 17 декабря 1912 г. был арестован.

«Произведенный в его квартире обыск дал в руки властей обильный материал, свидетельствующий о преступной деятельности Мирского, как члена группы анархистов вообще, так и в среде моряков—в частности.

«Этим обыском у него было обнаружено большое количество письменного и печатного материала в виде домашнего архива и библиотеки.

«Ввиду обыкновения Мирского оставлять у себя копии от всех посылаемых им писем, на формальном дознании представилась возможность обнаружить среди письменного материала документы... служащие доказательством непосредственных и совершенно планомерных сношений Мирского с Заграничным Центром по делам организации моряков.

«Помимо документов, имеющих непосредственное отношение к настоящему делу, в том же архиве Мирского имеется достаточное количество документов из сферы его преступной деятельности в пределах и против правительств других государств, как-то Италии и Франции, благодаря чему, по словам самого же Мирского в письме к Адамовичу, он, в течение последних восьми лет, три четвери этого срока провел в тюрьмах как русских, так и заграничных, а в заключение «варварски был выброшен из Европы и загнан в Африку».

«...За год до своего ареста Мирский, явившись 16 декабря 1911 г. к названному консулу Петрову и отрекомендо-

вавшись дворянином Рязанской губ. Владимиром Николаевичем Терским, просил о вспомоществовании, каковое и получил. При аресте же его консулом он заявил протест, утверждая, что он гражданин Аргентинской Республики Казимир Мирский-Мириниоло, почему задержанию со стороны русских властей не подлежит.

«Документы, написанные рукой Мирского, свидетельствуют, что он совершенно свободно владеет русской литературной речью, на некоторых же, написанных его рукой, рукописях он именуется «народным русским поэтом Терским»; в ряде же других документов он называет себя русским революционером.

«При сопоставлении писем и документов, отобранных у него и Адамовича, устанавливается последовательный ход их взаимоотношений в таком виде:

«Узнав во время случайных встреч с командами заходивших в Александрийский порт пароходов, а также от поселившегося в июне 1912 года в Александрии Николая Нагродского о деятельности моряков и познакомившись с газетой «Моряк», Мирский отнесся сочувственно к этому делу и занялся сам, по его словам, осуществлением идеи организации моряков коммерческого флота.

«С этой целью он в середине лета 1912 г. обратился с письмом в редакцию «Моряка» с предложением открыть в этой газете отдел революционной поэзии, что, по его мнению, способствовало бы увеличению к газете интереса, расширило бы круг читателей и увеличило бы фонд на печатание нелегальной литературы.

«При этом Мирский сообщил редакции свой конспиративный адрес—Александрия, Залепукину для Владимира.

«Однако редакция «Моряка» это его предложение отвергла, предложив ему содействовать союзу обычным путем—агитацией идеи объединения моряков в союз на приходящих в Александрию пароходах и установлением через них связей для Заграничного Центра, среди судов, не заходящих в Черное море. Вместе с тем, в письме от 17 августа 1912 г., редакция «Моряка» просила Мирского дать ей точные сведения о количестве пароходов, не заходящих в Черное море, но посещающих Александрийский порт, а также о

том—«возможно ли печатать газету «Моряк» в Александрии и каковы там полицейские условия для устройства иностранцев».

«Среди отобранных у Мирского документов оказались пять квитанций кассы «Моряка» за №№ 435, 467, 513, 519 и 520.

«По сличении этих квитанций с соответствующими корешками в квитанционных книгах Заграничного Центра, оказалось, что по первой квитанции в кассу «Моряка» поступило 8 р. 40 коп., высланных 4 сентября 1912 г. из гор. Александрии через Вену от парохода—«граф Строганов»—кличка «Зора»; по второй квитанции—26-го сентября того же года, с того же парохода,—11 р. 40 коп.; по третьей—с парохода «барон Дризен»—кличка «Сахалинец»—2-го декабря поступило 20 р. 50 коп.; по четвертой квитанции, от 5-го декабря, с парохода «Комета», кличка «Бородино»,—9 р. 80 коп. и 20 коп. в «Красный Крест», наконец, по пятой квитанции, от того же числа, в кассу «Красного Креста» поступило еще 50 коп. от «Револьвера».

«Кроме того у Мирского оказалась еще одна временная квитанция для «Сахалинца» на 18 руб.

«Посылая первый сбор с парохода «граф Строганов» за июль-август 1912 г., Мирский на переводном бланке от 4 сентября 1912 г. просит редакцию «Моряка» уведомить его о получении денег по адресу Залепукина и при этом сообщает, что требуемые сведения отправляет на другой день; действительно в архиве редакции оказалось письмо, в котором Мирский, отвечая на запрос редакции от 17 августа, перечисляет все пароходы, прибывающие в Александрию, и уведомляет, что хотя русской типографии в этом городе нет, но печатать русскую газету можно, дополнив латинский алфавит русским шрифтом.

«Что же касается собраний, то хотя они и не воспрещены, Мирский рекомендует соблюдать конспиративность, дабы не обращать внимания местного русского консула, при чем указывает, что вследствие излишней откровенности моряков известно, кто, когда и где везет литературу, а от этого получаются нежелательные последствия, как-то—аресты и обыски по прибытии пароходов в русские порты...»

Все эти сношения Мирского с редакцией «Моряка», довольно верно изложенные в следственном материале по делу, происходили во время моего пребывания в Константинополе в августе и сентябре 1912 года и поддерживались лично Адамовичем, при чем как я, так и Яковлев эти отношения не очень одобряли, относясь к Мирскому, как к анархисту, с некоторым недружелюбием. Я был возмущен налетом анархистов на варненскую типографию, а Яковлев как раз вел в это время с ними ожесточенную борьбу на собраниях моряков в связи с их попытками втравить моряков на путь экспроприаций и взрывов пароходов.

В своей, не опубликованной Центром статье, написанной для «Моряка» под заглавием «Анархисты», Яковлев прямо рекомендует матросам «вышибать» анархистов из организации, ибо «они пользуются нашей организацией для создания собственной. Они обещают активнее других бороться. Они разрушают нашу организацию изнутри. Они вызывают усиленные полицейские гонения. Вывод: пусть остаются анархистами, но перестают быть в организации. Кто не принимает—вышибать вон. Это особенно по отношению к неморякам. Этих не пускать ни на собрания, ни на пароходы».

Последние две фразы относились непосредственно к Мирскому, только что приславшему из Александрии протест на ответ Яковлева «Борею» и от имени команды «Чихачева» потребовавшему закрытия «Моряка», как «буржуазной и узко-партийной газеты».

В связи с этим временно сношения Заграничного Центра с Мирским прекращаются, и редакция «Моряка» не отвечает на его письма.

И только после того, как, узнав об отставке Центра, Мирский выступил в Александрии на пароходах с протестом против этой отставки и этим расколол сторонников Мгеброва, между Адамовичем, оставшимся к тому времени к Константинополе в одиночестве, и Мирским переписка возобновляется.

В письме от 29 сентября редакция «Моряка» благодарит Мирского за присланную им статью «Из бесед» и за оказываемое им союзу содействие и в то же время предлагает ему быть официальным представителем организации моряков

в Александрии, а также просит, с одной стороны, указать ей связи с Порт-Саидом, с другой—подыскать в Александрии русского наборщика для постановки в этом порту типографии «Моряка».

В ответ на это письмо Мирский выражает готовность помогать организации моряков по мере возможности, но по принципиальным соображениям официальное представительство ее от себя отклоняет.

В письме же от 20 октября, горюя по поводу того, что «газета своим содержанием навевает меланхолию и убивает последнюю энергию моряков», Мирский констатирует, что несмотря на это, он вынес из бесед с командами впечатление, что их направление газеты «Моряк» вполне удовлетворяет.

Интерес к Александрии и пароходам, не заходящим в Черное море, пробудился в Заграничном Центре гораздо раньше его связей с Мирским. Почин в этом направлении, как было указано в первой главе нашего изложения, сделан был еще 1907—1911 г.г. партией с.-р. использовавшей этот мировой узел водного транспорта для связи со всеми берегами бывшей Российской империи в своих партийных целях.

Существовавший в этом городе «Клуб оттоманских анархистов», еще с того времени был излюбленным местом встречи друг с другом русских матросов с разных морей, где к их услугам были и нелегальные газеты всех направлений и товарищеское слово местного, закинутого судьбой в этот порт, русского эмигранта.

Еще в 1910—1911 годах в этом клубе вели агитацию за забастовку состоявшие сперва в Регистрации, а потом в Союзе Черноморских моряков их «выборные», находившиеся в близких отношениях с пребывавшим тогда еще нелегально в Одессе «Центром» Союза, в котором, помимо эс-эров и анархистов, состояли и социал-демократы — Николай Нагродский, Авив Михненко, Яковлев, он же Шапошников, и Рабинович.

Начавшие с весны 1912 года поступать в Заграничный Центр, к тому времени обосновавшийся прочно в Константинополе, запросы на «Моряк» с других морей, заставил Ада-

мовича подумать о месте, из которого было бы наиболее легко перебрасывать на эти моря «Моряк».

Идея поставить печатание «Моряка» в Александрии, перенеся его издание в этот порт из Вены, где были выпущены в типографии троцкистской «Правды» №№ 2—5 этого органа, явилась у Адамовича еще раньше — в феврале 1912 г., и если бы им из Парижской группы Р. С.-Д. Р. П. не было получено тогда указания на Варну, возможно, что и редакция «Моряка» и сам Заграничный Центр перебрались бы из Константинополя в Александрию еще тогда.

Идея же о том, чтобы именно Александрию сделать центром грядущего объединения в одном союзе всех моряков русского торгового флота от Белого до Черного моря и от Балтики до Великого океана, начала муссироваться в Заграничном Центре с момента первой попытки связать Союз Черноморских моряков с балтийскими матросами, сделанной Организационным Комитетом Р. С.-Д. Р. П. в Вене, отославшим 25 мая 1912 г. большую пачку номеров «Моряка» на Балтийское море.

Дальнейшая переписка по тому же поводу Адамовича с поселившимся, было, летом 1912 г.. в Александрии Нагродским приводит Заграничный Центр к идее послать в Александрию для организационной работы Александра Яковлева и Екатерину Триппе, что закрепляется постановлением собрания судовых команд в Константинополе от 14 июля 1912 г.

Через Нагродского, приблизительно к этому времени, Адамович получает сведения об образовавшимся еще в конце марта 1912 г. в Антверпене, в Бельгии, небольшом, но очень жизнедеятельном «Союзе русских моряков за границей», руководители которого—социал-демократы—Давид Каганович и Дмитрий Аничков,—по инициативе того же Нагродского, делают, в начале июня 1912 г. попытку ознакомиться с характером Черноморского Союза.

Первоначально цели этих двух союзов сильно расходились, так как Антверпенский Союз по существу не интересовался постановкой революционной или профессиональной работы среди моряков в России, а преследовал задачу исключительно гуманитарную—«оказание всяческого содействия русским морякам, плавающим на иностранных

судах или вынужденным по каким-либо причинам искать себе убежища за границей», т.-е. морякам-эмигрантам, при этом не только торговым, но и военным и, пожалуй, в значительной степени более военным, чем торговым, так как под «каким-либо причинам», разумелось, главным образом, дезертирство с военных судов.

Антверпенский Союз, согласно своей программе, брался рекомендовать их на иностранные суда, оказывать им, до приискания работы, материальную поддержку, оказывать им юридическую помощь в случае надобности, снабжать их необходимыми личными бумагами, помогать им в их сношениях со своими родными в России и проч.

Далее, по той же программе предполагалось устройство для моряков-эмигрантов рабочих домов и общежитий в местах их скопления, организация кассы взаимопомощи, издание своей газеты, культурно-просветительная работа.

Успех «Моряка» и широкая реклама его в эмигрантской прессе обоих лагерей—как социал-демократического, так и социал-революционного — заставили правление Антверпенского Союза пересмотреть свою программу, и потому, мало-по-малу, под влиянием переписки с Адамовичем и указаний из Организационного Комитета Р. С.-Д. Р. П., Антверпенский Союз берет на себя агитацию и пропаганду идей, развивавшихся в «Моряке», и его распространение по всем своим связям на иностранных судах между плавающими по заграничным морям русским пароходам и даже водворение «Моряка» через эти связи в Россию.

Однако на большее Антверпенский Союз долгое время не шел и не проявлял особого стремления так или иначе организационно оформить свою связь с Черноморским Союзом, пока в этот вопрос не вмешался, с одной стороны, тов. Троцкий, уведомивший Адамовича о соответствующих своих шагах, сделанных по этому поводу перед правлением Антверпенского Союза, письмом от 24 октября 1912 г., а с другой—пока сам Адамович, базируясь на уже заключенном им соглашении с каспийцами о созыве Всероссийской Конференции моряков русского торгового флота в Александрии, не предъявил правлению Антверпенского Союза категорического тре-

бования оформить свои отношения к Черноморскому Союзу, а также высказаться по вопросу о всеобщем объединении моряков и транспортных рабочих России в один профессионально-политический союз.

В связи с этим, секретарем правления Антверпенского Союза—тов. Аничкиным, был устроен в Антверпене ряд собраний членов Союза, вынесших в двух заседаниях—29 октября и 21 ноября 1912 г. ряд резолюций, сущность которых сводилась к следующему:

«Признавая за собой автономию своей организации, Антверпенский Союз в то же время считает себя частью Всероссийского Союза, соединяющего в себе Черноморский и Каспийский Союз, как его составные части...» Далее, «признавая необходимость существования для всех этих частей единого идейного центра в лице «Моряка», Антверпенский Союз берет на себя оказывать ему всевозможную поддержку, как сборами, так и иными предприятиями...» И, наконец,—ввиду намерения Заграничного Центра Черноморских моряков присоединить к союзу и моряков Балтийского флота, где много инородцев, Анверпенский союз «считает желательным издавать «Моряк» на трех языках—русском, латышском и эстонском».

Ввиду того, что в этих резолюциях ни слова не говорилось по существу запроса Заграничного Центра об отношении Антверпенского союза к работе на русских судах и не выяснялось отношение его к намеченной на начало 1913 года конференции, Адамович, уже из Александрии, письмом от 6 декабря, повторно просит Аничкина поставить на обсуждение членов Союза категорический вопрос об участии самого Антверпенского Союза как в работах конференции, так и в работах Заграничного Центра, а в письме к нему же от 16 декабря предлагает Аничкову установить через членов Антверпенского Союза, служащих матросами на иностранных судах, транспортировку на этих судах в Россию «Моряка» и нелегальной литературы.

Пока шли все эти переговоры, а Заграничный Центр, в лице уже буквально одного Адамовича, в последних числах октября 1912 года перебрался из Константинополя в Александрию, оставив своим представителем в Константинополе

Бастричева[1]). Черноморская организация переживала жесточайший кризис, и дело трещало по всем швам.

Все связи с внутренними линиями, после описанных выше провалов в Одессе, Батуме, Керчи, Севастополе и Новороссийске, бесчисленных арестов и обысков на пароходах, арестов Яковлева, Едыткина и Апостоловой, о которых долгое время не знал еще Адамович, продолжавший как ни в чем не бывало слать им в Россию письма, оказываются разорванными. Заграничный Центр повис в воздухе. Война на Балканах изолировала Константинополь от всего мира. В редакцию «Моряка» прекратился приток средств. В самом Константинополе турецкие власти во всех русских стали подозревать шпионов Болгарии и Сербии, что было на руку ожидавшему под тем или другим соусом ареста и высылки в Россию руководителей морского движения русскому посольству. В Константинополе стало «душно».

Достукаться снова до связей с внутренними линиями оказывалось для Заграничного Центра возможным только далеким обходным путем—через другие моря. И тем же путем оказывалось единственно возможным парировать наносившиеся царскими жандармами удары делу морской организации.

Связь с каспийцами, горячая поддержка, с одной стороны тов. Троцкого, а с другой—покойного Ф. В. Волховского, который одновременно со связью на Каспийском море взял на себя устроить связь «Моряку» и на Белом море—связь эта уже к двадцатым числам сентября 1912 г. реализуется—подымают снова дух Адамовича. В этот тягчайший период жизни организации он проявляет такую стойкость, такую энергию и такой энтузиазм в своей деятельности, что перед ними в изумлении останавливается даже составитель обвинительного акта по делу «Моряка», не будучи в силах скрыть своего восхищения.

Адамович работает в десяти направлениях. Через Секретариат Организационного Комитета Р. С.-Д. Р. П. он давит на антверпенцев, заключает соглашение с каспийцами, выраба-

[1]) Что касается Авива Михненко, то он в это время пробрался нелегально в Россию, где, до лета 1913 года, жил в г. Бериславле Херсонской губернии, а после, до ареста в 1913 году, в Петрограде. *Е. В.*

тывает программу предстоящей конференции; через Парижское Центральное бюро заграничных групп Р. С.-Д. Р. П., при помощи его секретаря—тов. Чичерина, Адамович входит в сношения с Заграничным Комитетом с.-д. Латышского края в Брюсселе, с Эстонской с.-д. организацией в Берне, нащупывая связи с Балтийским морем; через Лондон, с помощью Волховского, связывается с Белым морем и заручается согласием заграничной делегации Ц. К. П. С.-Р. в Париже на издание дальнейших номеров и летучих листков «Моряка» в типографии «Знамени Труда», ведет оживленную переписку с отдельными организациями и лицами социал-демократической и социал-революционной партий о необходимости с их стороны материально поддержать дело морской организации. При посредстве известного деятеля латышской социал-демократической партии Роберта Брувера, проживавшего в английском порту Гулле, Адамович устанавливает связь с Роттердамом в Голландии и через эти два порта—Гулль и Лондон—входит в сношения, при посредстве команд пароходов русской океанской линии Балтийского моря, с Ригой, Ревелем, Либавой и Кронштадтом. Далее, через кочегаров ряда пароходов, а именно: парохода О-ва «Мазут» «Комета», ходившего между Петербургом и портами Черного и Азовского моря, с заходом в Роттердам, Марсель, Александрию, Константинополь и Констанцу; парохода О-ва «Океан», «Дмитрий Моисеенко»; парохода «Свет» частного судовладельца Степана Козловского; парохода «Павел Шполянский» купца Михаила Абасьева, а также парохода «Боржом», принадлежавшего купцу Манташеву»,—Адамович снова связывается с Рабиновичем в Одессе, обращаясь к нему с просьбой указать в Одессе такое лицо, которое взяло бы на себя поддержание постоянной связи Черного моря с Заграничным Центром в Александрии. В этих сношениях особую помощь Адамовичу оказывают матросы последнего парохода—«Боржом»—кочегар Павел Мельников и плотник Алексей Яновский. Именно при посредстве, главным образом, этих лиц восстанавливаются вновь связи Заграничного Центра с Батумом и Мариуполем, при чем на этот раз местами смычки Заграничного Центра с внутренними линиями кроме Александрии делаются также и европейские порты—

Роттердам, Антверпен, Гулль, Марсель, Константинополь, Констанца и Галац.

Пауму Гику в Марселе, Роберту Бруверу в Гулле, Дмитрию Аничкину в Антверпене, рабочему Чернидину в Констанце, Василию Шаповалову в Галаце и Зауэру в Брюсселе поручаются официальные представительства Союза в этих местах. Через кочегара парохода «Черномор», ходившего рейсом Николаев — Феодосия, Назарова, получавшего литературу с пароходов Анатолийской линии в Батуме, восстанавливаются связи Заграничного Центра с Николаевским портом и рабочими николаевских судостроительных заводов.

В самом конце 1912 года, в связи с переходом кочегара парохода Р. О. П. Т. «Палада», состоявшего в Союзе под кличкой «Спиридонова», — Александра Ткаченко на пароход добровольного флота «Могилев», где он служил под вымышленным именем Степана Кравченко, у Заграничного Центра завязываются также прочные связи с пароходами Добровольного флота дальнего плавания, перекидывающими воззвания и номера «Моряка» в порты Южной Америки, в Филадельфию и Владивосток.

Между прочим, первоначально связь с пароходами Добровольного флота в Заграничном Центре возникла чуть ли не с самого начала 1912 года.

Еще 7 марта 1912 года кочегар парохода Российского Общества «Царь»—Павел Бенько, по поручению Заграничного Центра, пишет пламенное обращение к морякам Добровольного флота с призывом к борьбе против 10% вычета из содержания служащих в существующий в Добровольном флоте вспомогательный фонд, призывая их готовиться к забастовке вместе со всеми остальными моряками торгового флота.

Далее сношения Заграничного Центра с Добровольным флотом поддерживались через некоего матроса с парохода «Чихачев»—Андрея Токмакова, поступившего, как утверждает обвинительный акт на основе «негласных» сведений, на пароход Добровольного флота (какой — не указывается) «специально для ознакомления команд этого флота с деятельностью Союза Черноморских моряков».

Этот Токмаков 23 октября 1912 г. был арестован русским консулом в Константинополе за участие в избиении на пароходе «Королева Ольга», во время его стоянки в Константинопольском порту, совместно с другими матросами, двух моряков этого парохода—Бурвина и Вигутинского за их штрейкбрехерство во время забастовки 1911 года.

По этому делу, в связи с арестом Токмакова, препровожденного потом в Одессу, между Адамовичем и Рабиновичем возникла переписка, в связи с которой Рабинович обратился к известному адвокату Одессы, члену Р. С.-Д. Р. П., Якову Либерману с просьбой взять на себя защиту Токмакова во время судебного разбирательства его дела.

Что касается роли Николая Семеновича Рабиновича и его сношений с Заграничным Центром, то в данных обвинительного акта, на основании писем Адамовича в Киев к Екатерине Триппе от 9 и 14 января 1913 г. и его же письма от 11 ноября 1912 г. к секретарю заграничного организационного комитета Р. С.-Д. Р. П. и ответа Рабиновича Адамовичу, по этому поводу устанавливается следующее:

«В письмах к Триппе, Адамович, называя ее «Копчужкой» и «Кудри», предлагает ей ехать на Александрию через Одессу, где обязательно просит ее разыскать «Виконта», по адресу «Пушкинская, 45, Николай Семенович Рабинович», при этом Адамович обещает ей прислать по этому адресу «окончательные сведения» и рекомендует ей приехать в Александрию на пароходе «Николай II», для чего указывает ей о необходимости обратиться на этом пароходе к горничной 2-го класса—«Эмме».

Далее из переписки Адамовича с «Виконтом» видно, что последний в свое время изъявил согласие ему приехать в Александрию, однако приезд этот не состоялся, так как Рабиновичу не удалось попасть, как он рассчитывал, врачом на соответствующий пароход.

Судя по дальнейшим письмам, Рабинович в Одессе выполнил ряд поручений Адамовича, поддерживая сношение по делам союза с лицами, на которых ему указывал Адамович, давая о них отзывы, принимая на себя организацию юридической защиты арестованных моряков при помощи одесских

адвокатов—упомянутого выше Якова Либермана, а также Исаака и Александра (отца и сына) Хмельницких.

В письме от 11 ноября 1912 года в Организационный Комитет Адамович просит указать ему в Одессе человека, который бы, в порядке партийной дисциплины, исполнял поручения для «Моряка». При этом он просил уполномочить на это Н. Рабиновича, который как врач, посещаемый пациентами, мог бы лучше всего организовать при своем кабинете явочную квартиру по делам Союза. Судя по дальнейшей его переписке уже непосредственно с Рабиновичем, последний такого рода полномочие от Орг. Комитета получил и принял на себя обязанности уполномоченного Заграничного Центра в Одессе. В связи с этим, в письме от 10 декабря 1912 г., Адамович уже дает Рабиновичу определенные инструкции в его новой обязанности, по которым он, между прочим, должен изучить «персональный круг моряков, посещающих его», имена их сообщать Адамовичу, а их снабжать псевдонимами. Напоминая, что для некоторых посетителей Рабинович должен оставаться только доктором, Адамович в том же письме требует его соблюдать большую осторожность—деловые письма сдавать на пароходы, получаемую переписку уничтожать, а все важные имена, адреса и прочее химизировать и зашифровывать по указанному им способу шифровки. Кроме того в том же письме, Адамович просит Рабиновича «пристроить к этой работе» выпущенную из-под ареста под залог по болезни Веру Апостолову и, кроме того, для получения деловой переписки прямо на Союз «подыскать подходящего человека из числа служащих в конторе РОПТ'а, совершенно «чистого» с точки зрения внешней благонадежности».

Впоследствии, при обыске у Рабиновича, произведенного жандармами в Одессе 25 июня 1913 г., у него обнаружено письмо, адресованное ему Верой Апостоловой уже из Франции, куда она уехала.

При вторичном обыске у него же, 18 июля 1913 г., жандармами было обнаружено еще одно письмо к Рабиновичу из Александрии Екатерины Триппе, в котором она интересовалась судьбой «ее знакомого—политического заключенного М. Адамовича».

Между прочим, тогда же, в конце 1912 года, у Адамовича, помимо Рабиновича, через кочегара парохода «Чихачев» Ивана Гидулянова, налаживается еще одна связь с Одессой, в лице «неустановленного дознанием Александра Иванова», высланного в Одессу из Киева, после трехмесячного заключения в киевской тюрьме за организацию несостоявшейся в Киеве забастовки днепровских речников.

В своих письмах к Адамовичу, от 9 декабря 1912 г. и во втором письме без даты, полученном Адамовичем в Александрии 20 февраля 1913 г., Александр Иванов сообщает ему, что, «прибыв из Киева в Одессу 29 октября 1912 г., он желает участвовать в идейной работе и ждет детальных распоряжений и полномочий через товарища с парохода «Чихачев» Гидулянова, который уже дал ему несколько экземпляров «Моряка». Из второго письма явствует, что требуемые полномочия Александром Ивановым были получены, во исполнение чего им были предприняты обходы прибывавших в Одесский порт пароходов, раздача морским и портовым рабочим «Моряка» и его воззваний, сбор пожертвований в «Красный Крест» и проч.

В этом же письме Иванов сообщает, что под гнетом репрессий палубные команды сильно упали духом, а машинные настроены более решительно.

Повидимому, через этого же Александра Иванова снова завязываются отношения Адамовича с днепровскими речниками и с Украинской с.-д. «Спілкой».

Одновременно Адамович не прекращает хлопот по возобновлению выпусков номеров «Моряка», подготовляет к печати его № 12 и опубликовывает в декабре 1912 г. два воззвания к морякам Черноморского и Балтийского флотов, под именем № 1 и 2 летучих листков «Моряка».

В первом из этих листков, выпущенном 1 декабря 1912 г. за подписью «Михаил», Адамович пытается ободрить упавших духом из-за многочисленных арестов моряков. Он предлагает им вспомнить хотя бы только о Ленских событиях, о погибших на Лене товарищах и говорит: «Не тюрьма нам страшна, товарищи, а страшен позор. А разве не позор то издевательство над человеком, которое царит сейчас в России, царит и у нас на пароходах. Бодрей же, товарищи, не

смущайтесь обысками и арестами, не верьте слухам о прекращении дела».

Призывая, затем, моряков подумать о семьях арестованных товарищей и немедленно усилить сборы на «Красный Крест», Адамович заканчивает листок словами: «Смелее, дружнее, товарищи! Через все труды и опасности бодро вперед к намеченной цели. Да здравствует союз и борьба моряков! Да здравствует солидарность рабочего класса!».

Второй летучий листок «Моряка», выпущенный 19 декабря 1912 г., представляет собой обращение «по поручению Заграничного Центра» редакции «Моряка»—«к балтийцам».

Подчеркивая уже достигнутое соглашение Заграничного Центра с обеими партиями—с.-д. и с.-р.,—листок этот в своем подзаголовке имеет два девиза: «пролетарии всех стран, объединяйтесь» и под ним—«в борьбе обретешь ты право свое».

Обращаясь с братским приветом ко всем балтийским морякам—эстонцам, русским и латышам, Адамович указывает в этом листке балтийцам на то, что черноморцы уже шесть раз боролись с общим врагом—угнетателями рабочих—и готовятся к борьбе в седьмой раз. Однако враг силен и сплочен, и потому немногого смогут добиться моряки отдельного моря. «В единении—сила»—и негде им искать защиты, как только у самих себя. В нашем сплочении, в общей борьбе, слившись воедино, мы можем с успехом постоять за себя... Согласно и общей борьбой можем и мы облегчить наше бремя... Для этого все моря и реки должны слиться в единую могучую силу. Тогда, о, тогда, мы иначе рванем наше ярмо ненавистное!.. Знамя борьбы поднято «Моряком», им же поднято дело объединения. На призыв «Моряка откликнулось уже Каспийское море. Очередь за балтийцами. Без различия национальностей они должны также откликнуться на этот призыв и сорганизоваться прежде всего у себя, чтобы потом слиться воедино с остальными моряками».

Листок заканчивается словами, указывающими новый путь, на который с этого времени становится редакция «Моряка»:

«Да здравствует объединение всех моряков!.. Всероссийский союз морских и речных команд, борьба и солидарность рабочего класса!..

«Долой гнет эксплоатации; долой унижение человеческой личности, да процветает свободный труд на свободной земле!»

Кроме этих двух «летучих листков» Адамовичем, тотчас же после переезда из Константинополя в Александрию, в первых числах ноября 1912 г., взамен очередного номера «Моряка» выпускается краткий «информационный листок», уведомляющий черноморских моряков о перемещении редакции «Моряка» в Александрию и задержке выпуска № 12 «Моряка» из-за происшедших многочисленных арестов, о переговорах Заграничного Центра с прибывшим с Каспия представителем каспийской организации моряков, а также о завязанных уже связях с Балтийским морем. В этом же листке объявляется об учреждении кассы «Красного Креста» в помощь арестованным и их семьям и о решении команд, ввиду намечающейся на весну 1913 года всеобщей морской забастовки, приступить к организации специального забастовочного фонда.

Что касается упоминающихся в этом листке связей с Балтийским морем, а также истории второго летучего листка с обращением к балтийцам, то в следственном материале по делу «Моряка» об этом приводятся следующие сообщения:

Как сказано было выше, впервые «Моряк» попадает на Балтийское море не раньше июня месяца 1912 года, так как первая партия его номеров отправляется туда из Вены всего лишь 25 мая; деловые же сношения с Балтийским морем редакции «Моряка» начались с письма к ней из Риги от 29 сентября 1912 года некоего ученика 2-го класса рижского мореходного училища Бориса Николаевича Гораина, в котором последний просит редакцию выслать ему № 9 «Моряка», так как он хотя и не принадлежит в настоящее время к морякам, но интересуется событиями на близком его сердцу Черном море и «нашего матросского движения».

Отвечая на это обращение, редакция «Моряка» письмом на имя Гораина от 25 октября того же года ответила ему обещанием выслать «Моряк» окольным путем, через Антверпенский Союз, чтобы не провалить в лице его, Гораина, «единственную пока зацепку для связи с Балтийским морем», при чем просила Гораина принять на себя распространение ее газеты среди балтийских моряков.

В письме от 7 ноября Гораин благодарит редакцию за оказанное ему доверие и с энтузиазмом пишет, что «считает для себя за счастье послужить тому делу, за которое взялся Моряк», сообщая одновременно, что он давал читать газету «Моряк» морякам эстонцам и латышам, которые отнеслись к ней сочувственно, однако, по его мнению, для успешности сближения с Балтийским флотом, было бы желательно дополнительно к «Моряку» выпускать листовки с воззваниями на русском, латышском и эстонском языках, специально для балтийских моряков. Соответствующее пожелание, как мы видели выше, было высказано редакции «Моряка» еще раньше со стороны Антверпенского Союза. На эти пожелания редакция «Моряка» отвечает отправкой Гораину для перевода на латышский и эстонский языки составленный ею текст летучего листка и два подписных листа для сбора пожертвований в пользу газеты «Моряка» и в кассу «Красного Креста.»

Письмо это отправляется из Александрии 22 ноября 1912 года, а уже 3-го декабря того же года Гораин сообщает о необходимости некоторых изменений в тексте листка, указывая при этом наиболее подходящее время для его распространения среди Балтийских моряков. 13 декабря 1912 года в Александрии состоялось первое заседание восстановленного временного Заграничного Центра в пополненном его составе из трех лиц—вернувшегося из Константинополя Бастричева и Адамовича, при участии с совещательными голосом Владимира Мирского, совместно с судовой командой парохода «Чалдон». На этом заседании было постановлено усилить организационную работу по укреплению связей с Балтийским морем, одобрить окончательный текст обращения к балтийским морякам и поручить жившей в это время в Брюсселе Екатерине Трише войти в личные сношения по поводу его перевода на латышский и эстонский языки с Брюссельским Центральным Заграничным Комитетом с.-д. Латышского края, которым это воззвание и было выпущено затем 19 декабря 1912 года на трех языках в количестве 7.000 экземпляров.

Кроме связей с Балтийским морем через Гораина и Антверпен, связи с ним, как было указано выше, поддержива-

лись Заграничным Центром, в лице Адамовича и Мирского, также через Роберта Брувера в Гулле и Наума Гика в Марселе.

Непосредственно эти связи осуществлялись через выборных команд с пароходов, совершавших океанские переходы между Балтийским и Черным морями. Наиболее энергичным среди них был упоминавшийся уже выше кочегар парохода «Комета»—Дмитрий Моисеенко, сносившийся при своих рейсах с Адамовичем в Александрии, с Наумом Гиком в Марселе, с Дмитрием Аничкиным в Антверпене и с Константином Черницыным в Констанце. Кроме того, связь с Балтийским морем также хорошо обслуживали команды пароходов «Надежда» и «Инженер Авдаков».

По поводу участия этих команд в работе Союза обвинительный акт по делу сообщает следующее:

«Пароход общества «Мазут»—«Комета» носил в организации псевдоним «Бородино», и судовая команда его являлась в 1912 г. плательщиком 2% денежных взносов в кассу «Моряка»... В письме Адамовичу от 13 ноября 1912 г. из Марселя Наума Гика, последний уведомляет Заграничный Центр, что им на пароходе «Комета», псевдоним «Бородино», произведен денежный сбор в сумме 12 фр., на каковую сумму он просит выслать на этот пароход газету «Моряк», с № 10, по адресу «Румыния, Кюстенджи (Констанца), пароход «Комета» для Дмитрия Моисеенко». В письме от 21 ноября 1912 г. «активный деятель Союза Черноморских Моряков»—Дмитрий Аничкин сообщает Заграничному Центру, что им, в свою очередь, отправлено в Румынию, по тому же адресу, для парохода «Комета» несколько экземпляров № 11 «Моряка». Далее тот же Аничкин, в письме из Антверпена от 9 декабря 1912 г., с оттиском на нем мастичной печати «Союза русских моряков за границей в г. Антверпене», сообщает Заграничному Центру о получении им от Наума Гика собранных в Марселе сборов с парохода «Комета» и просит квитанцию в получении этих денег направить в Констанцу по тому же адресу—Дмитрию Моисеенко. В письме от 13 января 1913 года из Констанцы, на имя Адамовича в Александрию, Дмитрий Моисеенко сообщает ему, что пароход «Комета», возвращаясь обратно, идет на Роттердам и оттуда пройдет в Петроград

и просит газету и квитанцию для «Кометы» выслать на его имя в Роттердам».

Что касается парохода «Инженер Авдаков», то, судя по приводимому в обвинительном акте тексту обращения команды его в Заграничный Центр с просьбой зачисления парохода в Союз, это зачисление состоялось в конце сентября 1912 г., при чем текст обращения, датированный 12 сентября 1912 г., подписанный боцманом Иваном Иващенко и кочегаром Николаем Сичкоренко от лица всей команды, гласил следующее:

«Дорогие товарищи, мы, товарищи, моряки частных пароходов, с радостью, дружно откликаемся на ваш призыв стать под общее знамя и бороться против нашего общего врага—капитала... Мы согласны стать с моряками Русского и Российского Пароходных Обществ, а потому посылаем вам свои требования». Среди этих требований включались требования 8-часового рабочего дня и открытия Регистрации.

Главным деятелем на пароходе «Инженер Авдаков» являлся боцман Иван Федорович Иващенко, состоявший членом Р. С.-Д. Р. П.

4 ноября 1912 г., во время стоянки парохода в Кронштадтском порту, на нем в кают-компании был изодран портрет Николая II. В результате произведенного в связи с этим на пароходе обыска, жандармами было захвачено у Иващенко значительное количество социал-демократических брошюр и периодических изданий и обнаружены связи его и кочегара Сичкаренко с Заграничным Центром через Роберта Брувера в Гулле.

Эти связи поддерживались командой парохода «Инженер Авдаков» с Гуллем не только непосредственно, но и через пароход О-ва» «Зворино и Диполини»—«Надежда» плававший по Балтийскому и Северному морям и заходивший в Англию.

Выборный этого парохода Никифор Андреенко, находясь в непосредственной переписке с Адамовичем, указывает в своих письмах к нему от 5 и 15 декабря 1912 г., что в его организационной работе сильно помогли ему Александр Иванович Костин, сообщивший ему связи с Либавой, где у них налаживается агитация среди эстонцев и латышей, которая,

«несмотря на неимение на их языке газеты, в скором будущем пойдет очень успешно», а также Петр Михайлович Пильщиков, который помог команде парохода «Надежда» разрешить трудную задачу связи с Союзом.

Судя по ответу Адамовича на эти сообщения, Андриенко, и Костин и Пильщиков были лично известны Адамовичу и в дальнейшем самостоятельно поддерживали с ним связь через Гулль при посредстве Роберта Брувера и того же Андриенко.

Интересно содержание первого письма Андриенки Адамовичу от 5 декабря 1912 г. из Гулля.

В этом письме, посылая от имени команды парохода «Надежды» привет Адамовичу, как «труженику нашей сердечно любимой газеты», Андриенко пишет, что, получив от жившего в Швеции Александра Костина газету «Моряк» и адрес Адамовича, команда парохода так была обрадована получением сведений о «товарище Карле» и номеров «нашей любимой газеты, которая борется за нас», что тут же решила присоединиться к Союзу и сделать между собой сбор в кассу «Моряка», согласившись «пожертвовать даже жизнью за дорогое дело».

На это письмо Адамович ответил, по указанному Андриенко рижскому адресу, письмом от 26 декабря 1912 года, в котором извещал его о получении им из Гулля денежных взносов от команды их парохода и о выходе из печати № 12 «Моряка», выражая в то же время глубокую радость и благодарность Заграничного Центра команде «Надежды» за ее отзывчивое отношение к делу «Моряка».

ГЛАВА IX.

Заканчивая концом 1912 года описание жизни Черноморской организации, которая с начала 1913 года, вместе со своим органом «Моряк», обращается уже в широкое всероссийское объединение моряков и речников русского торгового флота, необходимо остановиться на рассмотрении и характеристике их литературы, опубликованной ею в период деятельности «Инициативной Группы» и Заграничного Константинопольского Центра, т.-е. за год с октября 1911 г. по октябрь 1912 года, а также изданий Каспийского Союза за все время его деятельности с конца 1907 года по 1912 год.

За это время издания «Моряка» по типу раздѣлялись на периодические издания, в виде номеров самого «Моряка» и «циркулярных писем» Заграничного Центра, и на непериодические издания, в виде воззваний и брошюр.

Изданию «Моряка» предшествует выпуск образовавшейся в ноябре 1911 г. в Константинополе «Инициативной группой» воззвания к «Морякам», в котором, объявляя им о своей попытке восстановить их «Регистрацию», разрушенную царскими репрессиями, она пишет:

«Товарищи, серо и тоскливо проходят в кубрике дни моряка. Нет ни светлого облачка на российском небе, ни яркой надежды на завтрашний день. В стране царит рабство—в труде рабство и в людях рабство — и кажется, будто нескончаемая зима российской реакции заморозит все живое, благородное и честное, и настанет скоро ледяной век русской истории, когда будут царить одни палачи... Увы, так мыслят те, кто в тяжелой борьбе покинул поле битвы, в ком светильник в душе давно погас, кто в темную ночь на небе ярких звезд не приметил.

«Но есть и другие, в ком вера ярким факелом еще горит, кто верит, что близок час, когда на хмуром российском небе

взойдет солнце правды и справедливости, и вздохнет свободно замученный в рабстве народ...

«Современные российские условия абсолютно лишают нас возможности легально выступить на защиту своих профессиональных интересов... Разгром нашей Регистрации в Одессе как нельзя лучше доказал нам, что не наступили в России еще те условия, когда бы мы могли легально вести борьбу с угнетателями труда. Само правительство своими полицейскими мерами толкает нас в подполье.

«Помните, товарищи, что ничто не дается без борьбы, и нет у нас иного выхода, нет иного пути, как путь свободной борьбы. Не нам, товарищи, довольствоваться объедками с буржуазного стола и не нам у них милости просить... Борьбой и лишь только борьбой завоюем мы наши права... и к ней, товарищи, мы вас зовем.

«Отсутствие свободы слова в России, необходимость выяснения целого ряда наших профессиональных вопросов и, наконец, необходимость поднять уровень сознательности наших товарищей для будущих выступлений, — все это как нельзя лучше доказывает необходимость нелегальной морской газеты.

«Товарищи, если каждый пароход, на котором еще не заглох свободный дух моряка, где еще есть люди мыслящие, откликнется на наш призыв и ежемесячно будет уделять этому делу маленькую сумму денег, то мы надеемся, что с создавшейся суммой мы сможем осуществить то, что необходимо нам.

«Итак, товарищи, мы верим, что наш призыв найдет свой отклик среди моряков и нам удастся к новой жизни всех разбудить.

«Смело и дружно, товарищи, вперед!»

Этот призыв оказывает свое действие, и в конце января 1912 года, в Константинополе, после долгих мытарств, Инициативной Группе удается в какой-то монастырской типографии выпустить свой первый и последний номер «Моряка».

Наиболее яркой в этом номере «Моряка» является передовица, трактующая на те же темы, что и предыдущее воззвание:

«Товарищи моряки! реакция достигла наивысшего развития. Царское правительство шаг за шагом отбирает все, что было завоевано рабочим классом в годы революции и правовой борьбы. Правительство и те классы, интересы которых оно выражает, идут на уступки народу лишь тогда, когда он обладает силой для упорной борьбы. Добровольно нам ничего не дадут. Только борьбой организованной и планомерной мы можем вернуть нашу Регистрацию, все отнятые у нас права и завоевать новые. Условия русской жизни нам не дают возможности бороться за свои профессиональные нужды открыто, мы принуждены организоваться в нелегальный союз моряков, органом которого намерены сделать газету, которая выяснит профессиональные нужды моряков и постарается руководить их профессиональной борьбой. Однако профессиональная борьба не достигнет своей цели, если она будет вестись изолированно и без связи с общепролетарской борьбой.

«Мы—члены великой армии труда, и как таковые должны принять участие в экономической и социальной борьбе всего рабочего класса.

«Мы—граждане многострадальной России, и потому мы должны бороться за ее политическое раскрепощение и свободу.

«Эта борьба, товарищи, не за чужие интересы.

«Ни одно наше профессиональное завоевание не будет прочным, если рабочий класс не будет обладать возможностью влиять на государственную жизнь. Вот почему профессиональный союз должен явиться не отдельной армией, а одним из отрядов великого рабочего ополчения, которое движется вперед для завоеваний лучших условий труда и осуществления народовластия...

«Итак, нелегальная организация моряков и ее газета ставят своей задачей борьбу за профессиональные нужды моряков, которую считает необходимым согласовать с общероссийским движением рабочего класса.

«Пусть нас не страшат страдания и лишения, неизбежные в такой борьбе,—справедливость и любовь народных масс на нашей стороне, а вдали нас ждет радость победы».

Эта статья, как и другая статья в том же номере «Моряка» — за подписью «Инициативная Группа черноморских моряков» — на тему «Как организоваться», принадлежали перу уже приехавшего в Константинополь Александра Яковлева.

С приездом Адамовича, с февраля 1912 года, издание «Моряка» переносится в Вену, где выходят в типографии Венской группы Р. С.-Д. Р. П. его №№ 2, 3, 4 и 5. (№ 2 выходит 20 февраля 1912 г., № 3 — 9 марта, № 4 — 5 апреля и № 5 — 25 апреля того же года.)

Уже во втором номере появляется статья Адамовича, под псевдонимом «М. Балтийский», на тему «Социалисты в немецком рейхстаге», в которой, рассказывая о победе на выборах в рейхстаг германской социал-демократической рабочей партии, он заканчивает ее возгласом: «Пошлем же и мы, товарищи, привет рабочим Германии и пожелаем им новых успехов до полного одоления нашего общего врага — капитала».

В том же номере «Моряка», в отделе «Указатель литературы», редакция «Моряка» доводит до сведения его читателей, что ввиду появившихся разногласий среди социал-демократов по вопросу о том, должны ли рабочие обращаться с петициями в Государственную Думу, интересующимся этим вопросом важно прочесть № 23 заграничной газеты «Правды». Тех же, кто принадлежит к партии эс-эров редакция информирует, что «ввиду приближающихся выборов в IV Гос. Думу Центр. К-т Партии С.-Р. решил устроить анкету в своих организациях по вопросу о том, принимать ли партии участие в этих выборах или нет, текст каковой анкеты опубликован в № 39 центрального органа этой партии «Знамя Труда».

В следующем номере интересна по своему содержанию редакционная статья «Рушатся троны», в которой автор, перечисляя монархов, потерявших троны после русской революции 1905 года, и говоря о том, что эта революция «дала новый толчек жизни народов», и что с тех пор «красный призрак носится по миру из края в край», высказывает надежду на то, что «скоро и немецкое консульство выкинет новый флаг, чему залогом является победа германской социал-демократии на выборах в рейхстаг».

«...Непрочно стоят престолы на потрясаемой мощно земле. Дух революции носится над миром, и падают одряхлевшие кумиры... и есть еще кандидаты...»

В отделе «Указатель литературы», в том же номере читателям рекомендуются выходящие в Петрограде легальные социал-демократические газеты: «Живое дело» и «Новая Звезда», каковые газеты,—как говорит редакция,—после закрытия «Звезды», являются в настоящее время в России единственными органами рабочего класса».

Для тех же, кто интересуется движением среди солдат, военных моряков и крестьян, редакция рекомендует газеты «За народ» и «Землю и Волю», издающиеся за границей партией с.-р.

В № 4 «Моряка», в передовице «Мы совещаемся», говорится, что страх судового начальства, почуявшего, что в воздухе запахло 1906 годом, не безоснователен:

«Мы, моряки, думаем, как нам, разрозненным, прочнее связаться, как соединить наши силы, да посбить немного вам гонору. Мы вспоминаем прежние дни и чувствуем, как крепнет снова наша бодрая сила. Мы помним также, что не одни моряки существуют на свете, что всюду рабочий свой тяжелый труд отдает за бесценок, и думаем, как бы борьбой, полной лишений, отстоять свою жизнь и свою долю. Знаем мы это и совещаемся, как бы нам слиться, всем рабочим, в одну могучую рать и тряхнуть жизнью так, чтобы свет затрещал и лопнула железная цепь капитала».

В № 5 «Моряка» передовица, под заглавием «Свежая кровь», говорит о ленских расстрелах и сообщает о протесте рабочих и моряков Черного моря против совершенного царскими палачами нового зверства. Статья заканчивается призывом:

«Пусть же ширится и растет активный протест против ужасов русской жизни, сильнее разгораются жаждой борьбы сердца угнетенных, запуганных масс, и Каинова печать да ляжет на лоб убийц, опозоривших солдатский мундир веселым расстрелом голодных рабочих».

С шестого номера по одиннадцатый «Моряк» издается в Варне, при чем об обстоятельствах изменения места его

издания следственный материал по делу «Моряка» повествует так:

«...Редакция газеты и венские социал-демократы не поладили между собой по поводу деталей технического характера, и Заграничный Центр решил перенести печатание «Моряка» куда-либо поближе. Произведя в этом направлении изыскания и намереваясь одно время печатать газету в Александрии, редакция получила, между прочим, от группы парижских социал-демократов указания на г. Варну, в Болгарии, где в то время проживал Евгений Волков...» Волков на предложение, сделанное ему от лица Заграничного Центра Адамовичем, «принять на себя труд по издательству и корректуре газеты «Моряк», в письме своем Центру от 16 апреля 1912 года изъявляет свое полное согласие и в том же письме уведомляет Центр, что в результате его личных сношений с Заграничной Делегацией Ц. К. П. С.-Р., последняя также, «заботясь об успехах деятельности союза моряков с социалистической точки зрения», дала ему особое поручение «содействовать укреплению организаций моряков Черноморского флота».

В связи с этим 4 мая Волковым были получены из редакции рукописи для набора № 6 «Моряка». В этом отношении на Волкова упала сложная задача вести переговоры и материальные расчеты с местной болгарской типографией, поддерживать переписку с редакцией, а также корректировать работу совершенно неграмотных по-русски болгарских наборщиков. Так как Волкову по личным делам приходилось не раз отлучаться из Варны, то в его отсутствии его заменяла его жена, «товарищ Ольга», по рекомендации самого Волкова—«испытанный во всяких организационных делах старый партийный работник».

№ 6 «Моряка» вышел под датой 5 мая; № 7—15 мая: № 8—25 мая, № 9—25 июня; № 10—1 августа и № 11—25 августа.

После этого выходит в начале ноября 1912 года в Александрии — «Информационный листок «Моряка»; 1 декабря, там же, № 1 «Летучего Листка», 19 декабря в Брюсселе на трех языках—№ 2 «Летучего Листка» и 25 декабря—последний номер—№ 12—«Моряка», как органа Черноморского Сою-

за, в Париже в типографии «Знамени Труда». Там же, в новой оболочке «Общероссийского органа морских и речных судовых команд», выходят № 13 и № 14 «Моряка»—первый 25 января 1913 г., а второй и последний—12 сентября того же года.

До шестого номера «Моряк» не имел точно установленного типа своего издания. Лишь с переходом в Варну номера «Моряка» принимают единообразный план и вид. Они издаются по внешнему виду наподобие еженедельников, выходивших в России,—на толстой глянцевитой бумаге, размером в $^1/_4$ листа страница. Печатался «Моряк» крупным корпусом с отчетливыми размашистыми, набранными жирным шрифтом, подзаголовками статей и содержал в себе, кроме передовицы, следующие обязательные отделы: политический, профессиональный, дискуссионный и корреспондентский; обзор заграничного рабочего движения; «Вести из России»; указатель литературы; организационные сведения и отчеты; почтовый ящик и фельетон.

Размер номера колебался от 8 до 12 страниц. Цена объявлена не была, так как издавался «Моряк» на организационные отчисления в кассу «Моряка» и пожертвования и рассылался командам и организациям бесплатно.

Передовицы писал обыкновенно Адамович, иногда Яковлев, политическим и профессиональным отделами руководили они оба. В этих отделах, между прочим, был помещен ряда статей т.т. Троцкого, Майского и др. Отдел заграничного обозрения вел Адамович; на фельетонах подвизались Яковлев и случайные сотрудники из организации; отделом «по России» ведал я. В дискуссионном и корреспондентском отделах выступали либо авторы, дававшие свои статьи по особому приглашению редакции, либо члены организации—моряки.

№ 6 «Моряка» был посвящен празднованию 1 мая и, опять-таки отчасти, — ленскому расстрелу.

В передовице, под заглавием «Первое мая», основная мысль выражалась такими словами:

«Первое мая—праздничный смотр пролетарский. Первого мая всемирный рабочий бросает в лицо всемирному эксплоа-

татору—капиталисту—свое возмущение и твердую решимость покончить с его вселенским бесчинством. Первомайские лозунги, как звук трубы боевой, несутся над всем миром. В день первого мая пролетариат требует себе восьмичасовой рабочий день, отмену постоянных армий, замены их вооружением народа, всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права для всех граждан без различия пола. Перед лицом капиталистического общества, держащегося на эксплоатации и угнетении труда, громко провозглашает мировой пролетариат свою несокрушимую веру в то, что придет день и пробьет час освобождения рабочего класса. И под красным знаменем соберутся рабочие в день первого мая».

В том же номере, в статье «Так было—так будет», озаглавленной словами министра внутренних дел Макарова, которыми он закончил свой ответ в Гос. Думе на запрос социал-демократической фракции о ленском расстреле, редакция «Моряка» заявляет:

«Министр забыл, что народ послал мстителей против своих палачей. Забыл, что пуля положила родного ему по духу Сипягина, что бомбы Сазонова и Каляева разорвали двух народных палачей — Плеве и Сергея Романова, государева дядю. Что его предшественник Столыпин, победоносный вешатель, на глазах царя жизнью расплатился за палаческую государеву службу.

«Когда народ накоплял в себе сознание, что только борьбой он может завоевать свои права и силы, чтобы объявить окончательную войну притеснителям,—тогда рушились троны царей, и на развалинах произвола народ строил свое правовое государство. Так было в Персии, Португалии, Турции и Китае. И если верховный глава совершал преступления против народа, его предавали народному суду и дело кончалось его народной казнью. Так было в Англии и Франции.

«Так было — так будет», г. министр. Свобода величественно шествует из страны в страну. Начало XX века ознаменовалось величайшими революциями. Всюду демократия одерживает победы. Деспотизм еще держится только у нас в России, но свобода заглянет и к нам. В России падет про-

извол. Проснувшийся народ призовет к ответу палачей и отомстит им за каждую каплю крови народной.

«Так было всюду, товарищи, так будет и у нас.

«Пусть же ленские выстрелы, как удары колокола, будят рабочий народ, зажигают в его груди негодование и ненависть; пусть кровь наших братьев приблизит день освобождения».

Эти две статьи вызвали живой отклик у социалистов-революционеров, особенно последняя статья, польстившая их революционности; товарищ же Троцкий за эти статьи обозвал № 6 «Моряка», как и наш первомайский листок,—«революционной дешевкой».

Однако редакция, помещая эти статьи, особенно вторую, действовала сознательно. Она преследовала этим вовсе не рекламу партии эс-эров и ее методов борьбы, а стремилась историческими параллелями поддержать и усилить то бурное брожение, которое, под впечатлением ленского расстрела и наглой речи Макарова, охватывало в это время широкие рабочие круги и открывало почву к широкой коалиции против самодержавия всех, кому было по пути до Учредительного Собрания или, вернее, до свержения самодержавия.

После Февральской Революции таким статьям не могло бы найтись места на страницах пролетарской газеты, но в те годы—положение было другое. К тому же, если бы редакция в своем первомайском номере «Моряка» не приняла бы такого тона, от нее отшатнулись бы довольно многочисленные еще в то время кадры моряков, примыкавших к партии эс-эров.

Именно, в стремлении быть мудрой, как змея, что советовал тов. Троцкий в письмах к Адамовичу, редакция «Моряка» вынуждена была в тот момент принять эс-эровскую окраску, хотя тогда руководство ею уже всецело находилось в руках социал-демократов—Адамовича и Яковлева и примыкавшего к ним Волкова.

И далее, в том же номере, в статье «О профессиональных союзах», редакция принципиально отвергает все иные методы борьбы «против хозяев, поддерживаемых в деле эксплоатации рабочих масс всеми властями государственными»,

кроме методов массовой пролетарской борьбы, напоминая морякам слова Интернационала:

Никто не даст нам избавленья—
Ни бог, ни царь и ни герой,—
Добьемся мы освобожденья.
Своею собственной рукой.

В том же номере, в «Указателе литературы», взамен закрытых в Петрограде «Нашей Зари» и «Невской Звезды», рекомендуется рабочая газета «Звезда».

В № 8 «Моряка» тов. Троцкий в своей статье «За свободу коалиций» снова возвращается к ленскому расстрелу и проводит мысль, что ленские события доказали пролетариату необходимость этой свободы и пробудили рабочий класс. «Великая перекличка идет сейчас по стране: «Мы здесь, — откликаются рабочие всех городов, — мы приводим ряды наши в боевой порядок, мы готовимся к новым великим битвам». В этой перекличке и черноморцы должны подать свой голос. И они должны заявить—«мы здесь, в борьбе за свободу коалиции, мы с вами, братья ленцы, питерцы и москвичи, ибо мы плоть от плоти и кровь от крови вашей». В восьмом же и седьмом номерах «Моряка» обращают на себя внимание статьи Адамовича, призывающие моряков объединиться и помочь организоваться портовым рабочим. Тут же, в статье о политических партиях, редакция дает изложение программ и тактики двух партий—Р. С.-Д. Р. П. и П. С.-Р.—«единственных партий, безраздельно и неоспоримо владеющих симпатиями народных низов».

В статье «Мы не забыли» в № 7 «Моряка» речь идет об отношении «Моряка» к приговору по делу с.-д. депутатов II Госуд. Думы.

«Из всех преступлений, — говорится в ней, — совершенных правительством Николая II, выделяется своей циничной откровенностью преступление против социал-демократической фракции II Госуд. Думы. Осмелевшим реакционерам ненавистно было свободное слово социалистов, которое гремело на всю Россию, выражая голос народа. Теперь, когда стало ясно, что дело о военном заговоре было произведением рук правительства, раздались протесты не только у нас, но и за

границей. Мы не забываем, что нам, рабочим, громче всех следует кричать о вероломстве правительства, отнявшего у нас лучших наших представителей. Мы должны заявить протест против заточения наших депутатов в иной форме, чем все остальные классы общества. Только новый подъем рабочего движения, организованный и планомерный приступ против провокаторской власти, только новые завоевания демократии могут искупить смерть и разбитую жизнь невинно страдающих. И среди наших дел и забот, посреди дум о нашей моряцкой жизни и борьбе, будем же помнить, товарищи, что заключенных депутатов 2 Госуд. Думы и прочих товарищей, лишившихся радостной воли в борьбе за общерабочее дело, мы должны вырвать из вражеских рук. Это мы будем помнить всегда. Сами копить свои силы и гнев, других призывать и подготовляться к общему натиску будем дружно».

В том же номере, в статье «По всей России», описывается бурное настроение рабочих масс в России и Финляндии, проявившееся в первомайский праздник в связи с ленским расстрелом. Статья заканчивается словами: «Изо дня в день оживление в рядах пролетариата быстро возрастает. Возрастает вера его в свою революционную мощь и в близкую победу. И мы, товарищи, плечо к плечу, нога в ногу со всем трудовым народом России будем готовиться к решительной классовой борьбе».

В № 8 «Моряка», в «Указателе литературы», редакция рекомендует своим читателям листок, выпущенный газетой «Правда» под заглавием «Вооружение народа и вооружение против народа».

В № 9 «Моряка», в статье «О политических партиях», разъясняется подробно точка зрения и история вопроса об участии в работах Госуд. Думы социал-демократической и социал-революционной партий. Говоря о разногласиях этих партий по указанному вопросу при выборах в III Гос. Думу, когда с.-д. приняли участие в выборах и провели в нее депутатов, а с.-р. от этого отказались по принципиальным соображениям, редакция отмечает, что в настоящее время, перед выборами в IV Гос. Думу, многие эс-эры убедились в ошибочности своей тактики, и, между прочим, обеими пар-

тиями проявляется возможность соглашения по этому вопросу. Редакция приветствует эту возможность, высказываясь за необходимость участвовать социалистам в работах IV Думы, «ибо присутствие в ней даже одного социалиста в наступившую беспросветную полосу реакции будет иметь громадное значение для прояснения политической мысли широких масс» и говорит:

«...Близок день, когда разница взглядов в этом вопросе между социалистами сгладится совершенно. Тогда станет возможной совместная политическая работа и объединение сил обеих партий в этом деле, а это будет на благо всему народному и особенно рабочему делу, ибо в единении — сила».

В № 10 «Моряка» к тому же вопросу возвращается тов. Троцкий, убеждая моряков принять участие в выборах в IV Государственную Думу, чтобы послать в нее «левого» депутата.

«Нет никакого сомнения, — говорит тов. Троцкий в этой статье,—в том, что деятельность IV Думы будет враждебна рабочему классу. Как же быть? Не повернуться ли попросту к выборам в IV Думу спиной, не сказать ли — нам нечего делать в царской Думе, где власть и сила принадлежат врагам народа? Такое решение на первый взгляд очень заманчиво. Чего в самом деле лучше: послать к чорту правительство вместе с его черной Думой и с мошенническими выборами. Да вот в чем беда—от крепкого слова не опрокинется правительство и от того, что мы к Думе повернемся спиной, она существовать не перестанет. Что нужно народу?—Вырвать государственную власть из рук черной братии и взять ее в свои собственные руки. Управлять государством, издавать законы, назначать министров, следить за деятельностью всех чиновников должны честные народные представители, выбранные посредством всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. Но как это достигнуть?—Явное дело—силой. Добровольно ни царь, ни чиновничество, ни дворянство не уступят ни крупицы своей власти...»

Для того же, чтобы сила эта собралась,—необходимо развитие сознания рабочих масс и вот «для этой цели — для развития сознания рабочих масс—нужно, чтобы сознательные

рабочие не сторонились от выборов, не поворачивались к ним спиной, а, наоборот, принимали бы в выборах, и затем и в работах Думы самое решительное участие».

«На думской трибуне на виду всей страны депутаты рабочего класса будут попрежнему срывать маски с лицемеров и народных врагов; будут провозглашать действительное требование народа. Своим громким словом будут пробуждать самых темных, самых отсталых, привлекая их к борьбе с хозяйничаньями Романовых и их приказчиков».

В том же номере «Моряка» опубликовано цитированное нами выше письмо официального представителя партии с.-р.—Нагадзе, в котором он предлагает морякам не верить никаким слухам о партийных раздорах в союзе между социалистами-революционерами и социал-демократами, заявляя, что между ними на почве работы в Союзе «нет никаких разногласий».

Последний номер «Моряка», выпущенный мною в Варне,— № 11, всецело посвящен вопросам тактики союза в связи, с одной стороны, с градом обрушившихся на него репрессий, а с другой—в связи с агитацией анархистов и группы мгебровцев за террористические методы борьбы.

Первой стороне вопроса посвящена передовица под заглавием: «Надо сгрудиться», в которой редакция, ободряя моряков, говорит о том, что все эти репрессии вызваны тем страхом, бессильным страхом, который почувствовало царское правительство перед лицом роста пролетарского сознания среди моряков. Оно испугалось и хочет, в свою очередь, взять моряков «на испуг», убедившись, что «Моряк» не пустая затея, которая лопнет сама, как мыльный пузырь. Этого морякам бояться не приходится. В ответ на репрессии жандармов им надо еще теснее сгрудиться:

«Пусть ищут царские ищейки, пусть нюхают... должны сгрудиться моряки на защиту своего детища, отстоять его от посягательств жандармской руки... Жандармскому желанию погубить наше дело моряки должны перегородить дорогу своим твердым решением отстоять и сохранить «Моряк». Наше дело—борьба. Она требует жертв. Без жертв ведь ничто не дается. В этом мы делим судьбу всех рабочих России. Мы должны показать, что мы не зыбучий песок, разметывае-

щийся при первом дуновении полицейского ветра... Под вражьим огнем сомкнитесь теснее ряды моряков».

Второй стороне вопроса посвящены две статьи: редакционная—под заглавием «С бомбами и револьверами или без них», о которой говорилось в своем месте, и другая—за подписью члена Заграничной Делегации Центрального Комитета П. С.-Р. — Бориса Воронова (Лебедева), написанная по предложению редакции, обратившейся в Центр. К-т этой партии с просьбой осветить на страницах «Моряка» отношение к агитации некоторых ее членов, входящих в Союз, за необходимость применения Союзом в борьбе с судовладельцами методов террористической тактики, как-то взрывов пароходов, убийств администрации, экспроприаций в правлениях пароходных обществ и проч.

Повидимому, ввиду того, что Воронов (Лебедев) раньше был одним из видных работников в Киевской организации Р. С.-Д. Р. П. и сохранял еще в то время в своем мышлении марксистский уклон (впоследствии он был исключен из партии с.-р. за выражение чисто кадетских взглядов на страницах московских «Русских ведомостей»—в 1917 году), Центральный Комитет П. С.-Р. поручил ему исполнить просьбу редакции «Моряка», о принадлежности руководителей которой к Р. С.-Д. Р. П. ему было известно.

Интересно, что от персонального участия в «Моряке» Воронов уклонился, найдя для себя несовместимым сотрудничество в нем на-ряду с Александром Яковлевым, якобы «узкопартийно отнесшимся в своей статье о каспийцах к деятельности в Каспийском Союзе социалистов - революционеров».

Это дикое заявление Воронова взорвало покойного Волховского, отнесшегося к «конфликту» между редакцией «Моряка» и каспийцами совсем по-другому и даже обратившегося в письме к Адамовичу от 19 августа 1912 года с особой просьбой воздействовать на бакинских социал-демократов, чтобы они не бойкотировали Каспийского Союза только потому, что его правление состоит из эс-эров, а помогли бы последнему своим личным участием в его делах на тех же основаниях, на каких эс-эры работают вместе в Заграничном Центре Черноморского Союза.

Возмущенный выступлением Воронова, я, со своей стороны, написал в Заграничную Делегацию Ц. К. партии с.-р. протест против его бестактности и просил в интересах соблюдения прочности установившихся в Союзе дружественных взаимоотношений между социалистами-революционерами и социал-демократами от сношений с Союзом Воронова совершенно отстранить, что, повидимому при поддержке Волховского, и было принято во внимание, так как в дальнейшем от имени Заграничной Делегации Ц. К. партии с.-р. со мною и Адамовичем сносился только Аргунов (Кубов).

Что же касается статьи Воронова, опубликованной в № 11 «Моряка» под заглавием «Бессознательный грех», то, с точки зрения выдвигаемых ею принципиальных позиций, она удовлетворила своим содержанием в редакции «Моряка» и Заграничного Центра оба лагеря, как социал-демократов, так и социалистов-революционеров, за исключением, конечно, одного Мгеброва, бурно ею возмущавшегося.

В этой статье Борис Воронов, предостерегая моряков от внесения в их организацию методов террористической борьбы, обосновывает позицию всех социалистов, отвергающих экономический террор, такими словами:

«Везде и повсюду капиталисты в своей борьбе с рабочим классом опираются на правительства, которые служат лишь их целям и всеми средствами, начиная с парламентского законодательства и кончая штыками, защищают их интересы. В России тоже капиталисты и предприниматели стоят в тесном союзе с самодержавием. Поэтому бороться с капиталистами и не бороться с правительством и закрывать глаза на то, что всякое выступление против них рабочих лишь дает возможность для капиталистов требовать от послушного им правительства все и вых и новых репрессий против последних значит не понимать этого основного положения. Поэтому разрушения и единоличные выступления рабочих против отдельных лиц из среды капиталистов и предпринимателей не только не приводят ни к чему, но, наоборот, ставят под удар всю организацию рабочих. Итти таким путем—это все равно, что пытаться пробить стену лбом. Потому-то социалисты и отвергают экономический террор, ибо он не только бесполезен, но прямо вреден для них.

«Единственным средством уничтожить возможность для капиталистов эксплоатировать рабочих, является, бесспорно, уничтожение собственности и передача орудий производства в руки самих рабочих. Но этого возможно достичь лишь объединением рабочих в широкие профессиональные организации и политические партии. Вся сила рабочих в единении и дружной борьбе с капиталистами и правительством. Поэтому социалисты и выдвигают на первый план организацию массовых профессиональных союзов.

«В них научаются рабочие совместной и общей борьбе; в них проявляют свою классовую самодеятельность».

№ 12 «Моряка», как говорилось выше, был издан уже не в Варне, а в Париже.

В передовице его, озаглавленной «Последний номер», редакция объявляет, что с этим номером газета «Моряк» прекращает свое существование как орган Черноморских судовых команд, но она «не умирает, а только расправляет шире свои крылья, ставит себе более обширные задачи», ибо «пришло время приступить к созданию Всероссийского союза судовых команд. Это дело требует своего глашатая, своего борца. Им является новый орган «Моряк», приходящий на смену нашему и выходящий из него».

Передовица заканчивается словами: «да здравствует же нарождающийся «Моряк»—всероссийский орган морских и речных судовых команд».

В этом же номере «Моряк» берет определенный курс на забастовку, как ближайшую цель не только Черноморского Союза, но и всего нарождающегося Всероссийского объединения торговых моряков и речников.

Еще в связи с объявлением забастовки рабочими Одесского порта вопрос о забастовке среди моряков стал актуальным среди морских команд Черноморского торгового флота и вызвал оживленный спор как среди самих моряков, так и в Заграничном Центре о способах ее проведения—о террористической или мирной забастовке, описанной выше, и о тех требованиях и целях, какие забастовка должна преследовать.

Выше цитировалась статья А. Яковлева о том, как надо понимать забастовку и какие требования предъявлять, в которой определенно проводилась та мысль, что забастовка есть

одно из средств борьбы пролетариата за свое существование, что забастовка, с другой стороны, есть тот метод, которым, в конечном счете, объединенные в мировом масштабе рабочие смогут вырвать из рук буржуазии право распоряжения орудиями производства и провести замену капиталистического строя социалистическим.

Специальной же задачей ближайшей забастовки на Черном море ставилось восстановление Регистрации, но без участия в ней правительственных представителей.

Все эти вопросы, как и вопросы о сроке объявления забастовки, а также о подготовительных мерах к ее организации и о самой технике ее проведения, неоднократно обсуждались в собраниях судовых команд, не только в Константинополе, с участием Заграничного Центра, но и на пароходах внутренних линий и на собраниях судовых команд в Батумском и Одесском портах во время первой поездки Яковлева в Россию.

Первоначально предполагалось начать забастовку осенью 1912 г., однако объезд Яковлевым внутренних линий показал, что организация не была еще готова к тому, чтобы выступить таким образом. Больным вопросом стоял вопрос о штрейкбрехерах, которыми на многих пароходах были заменены старые работники Регистрации и составы палубных команд еще в 1907—1908 годах, а потом, после забастовки 1911 г. Большинство этих штрейкбрехеров 1911 г. представляло из себя темную крестьянскую массу, полупролетаризированную, оторвавшуюся из дома, от своего хозяйства лишь временно, и нужно было выжидать, чтобы с началом летних полевых работ в следующем 1913 г. она бы разошлась с пароходов. Среди же старых штрейкбрехеров, 1907—1908 г., необходимо было отделить негодные, враждебные матросам элементы и вытравить их с пароходов, а элементы, поддающиеся агитации, переварить, освоить, культурно и политически просветить.

Вторым столь же острым вопросом стоял вопрос о забастовочном фонде.

Опыт последних лет, и в особенности 1911 г., показал, что одного желания бастовать мало и что успех забастовки слагается из многих весьма сложных факторов.

Было установлено, что если предыдущие забастовки потерпели неудачу, то не только вследствие своей неподготовленности, поспешности и слабости организационных связей между командами пароходов различных мореходных линий и служб, но и в значительной мере вследствие отсутствия забастовочного фонда—этого питательного нерва всякой хорошо поставленной забастовки.

Все это было принято во внимание Заграничным Центром и вынесено на решение команд.

Результаты решений последних нашли свое выражение в изданном 17 ноября 1912 г. Адамовичем уже в Александрии «Информационном Листке», последний абзац которого гласил, что, согласно решения команд и Заграничного Центра, постановлено приступить к организации забастовочного фонда и к активной подготовке возможной забастовки, при чем последнюю предполагалось приурочить к началу летних полевых работ 1913 года, когда, с одной стороны, часть нетвердых в организационной сплоченности составов палубных команд из крестьян разойдется по домам, а с другой—когда вместе с ними уйдет на полевые работы в деревню вся свободная наличность безработных в портах Черного моря, могущих составить новые кадры штрейкбрехеров.

Еще один вопрос был чрезвычайно важным для успеха забастовки—это вопрос об отношении к ней низших чинов судовой администрации—судовых врачей, механиков и штурманов, а также служащих управлений судовых команд и портовых грузчиков.

Отношение к последней категории рабочих со стороны Союза было выяснено выше, что же касается служащих управлений и низших чинов судовой администрации, то из их среды Заграничный Центр пытался при помощи партийных береговых организаций составить кадр союзных агитаторов и организаторов, рассчитывая не на общую массу их, а лишь на отдельных лиц.

Этот вопрос был предметом секретных рассмотрений в Заграничном Центре и на обсуждение команд не выносился. Была лишь дана общая инструкция выборным на пароходах присматриваться персонально к лицам из среды судовой администрации, которые могли бы, в случае чего, быть по-

священы в дела Союза, и о них специально давать самые подробные сведения как Заграничному Центру, так и его представителям в Одессе, Варне и Батуме. Специально же выявлять возможность соответствующей агитации в управлениях судовых компаний было поручено в Одессе оказавшемуся впоследствии провокатором—Сергеенко, а потом, в конце 1912 г., по тому же поводу Адамович вел переписку с Рабиновичем, поступившим в конце концов судовым врачом на один из пароходов Ропита.

Еще до выхода № 12 «Моряка», Адамович, в ноябре 1912 г., когда деятельность его по разработке плана забастовки достигла особого напряжения, обратился от имени Союза за содействием в Центральный Комитет П. С.-Р. и в Заграничный Орг. Центр Р. С.-Д. Р. П., прося у них поддержки как в деле подготовки забастовки, так и в самом ее осуществлении. В связи с этим, в письмах своих на имя Заграничной Делегации Ц. К. Партии С.-Р. и заграничного секретаря Организационного Комитета Р. С.-Д. Р. П—тов. Троцкого, Адамович, уведомляя их о предполагаемой забастовке, сообщал, что для успеха ее бастующим морякам необходимо опереться на партийные организации как в смысле моральном, так и в техническом, и просил дать ему соответствующие явки, а также высказаться, в чем может выразиться со стороны этих партий помощь морякам.

В частности Адамович сообщал, что во время забастовки предстоит печатанье листков и бюллетеней забастовочного комитета, для чего необходимо оказать в этом направлении поддержку, предоставлением морякам партийной типографии в г. Одессе или вблизи ее. Подобное же письмо Адамович послал и потемкинцам в Галац.

В то же время, уже с осени 1912 г., Адамович принимает энергичные меры к ознакомлению с планом забастовки как отдельных команд пароходов заграничного плавания, так и своих сотрудников, проживавших в русских портах, подыскивая при помощи их членов для будущего стачечного комитета.

Этот план, в составлении которого еще в конце августа и начале сентября принимали участие Александр Яковлев и я, был в окончательной форме изложен Адамовичем

во «Временном Уставе Тайного Комитета Черноморской организации», состоявшем из двадцати параграфов.

Сущность этого института и характер его работы характеризовался «Временным Уставом» в таких чертах:

Комитет имеет своей задачей сплотить все передовые и активные элементы моряков, создать из них Центральное Бюро, могущее направлять деятельность всей массы моряков как в обычное время, так и во время забастовок и других выступлений.

Каждый член этого Бюро отдает себя в полное распоряжение организации, не считаясь ни с выгодами, ни с удобствами, ни с личной безопасностью.

Каждый член Комитета и Бюро должен знать, на что он идет и что тюрьмы ему рано или поздно не миновать.

В дополнение к выборам, среди команд должны быть выделены десятники, хорошо знающие свою среду и дружно спаянные со своими десятками, которые с Бюро сносятся не непосредственно, а через выборных.

Кроме того между отдельными группами пароходов, связанных общностью зимней стоянки или морских рейсов—их пунктов отбытия и прибытия,—должна существовать групповая связь в порядке тесного и по возможности регулярного общения их выборных между собой.

Связанные таким образом пароходы должны перекидывать свои связи на другие суда, организовывать новые группы пароходов, связывать их одной цепью в общей организации.

Место пребывания Центрального Бюро в России строго конспирируется. От его лица с выборными пароходов сносится только один член. Другой член осуществляет связь с Заграничным Комитетом.

Все деятели Комитета, выборные, десятники, пароходы, даже пункты сношений и связи имеют свои псевдонимы. При сношениях употребляется шифр, при чем шифровка сведений и их хранение должны концентрироваться в руках указанных выше двух членов Центрального Бюро.

На все должностные обязанности по организации преимущественно должны проводиться холостые люди, при чем Комитету и Центральному Бюро предоставляется право в инте-

ресах конспирации и в случаях надобности принцип выборности заменять кооптацией и уполномочением за их ответственностью.

Далее подробно рассматриваются функции и состав Комитета и Центрального Бюро, групповых руководителей, выборных, десятников и других работников организации, причем рекомендуется особая осторожность и конспиративность во всех их действиях.

В статье «Наши требования», опубликованной в № 12 «Моряка», Адамович резюмирует взгляды на характер предстоящей морской забастовки судовых команд, освещая их смысл с общей социалистической и революционной точки зрения:

«Требование Регистрации,—пишет он в этой статье,—стоит во главе всех тех требований, которые посылаются судовыми командами Заграничному Центру в ответ на разосланную им на пароходы анкету, ибо только одна Регистрация может следить за выполнением со стороны судовладельцев и пароходной администрации тех положений, которые будут добыты путем забастовки.

«Это требование роднит наших моряков со всем международным пролетариатом, и здесь ясно чувствуется кровная их связь с рабочими всего мира.

«В этом глубокий смысл и значение этого боевого требования черноморских судовых команд.

«Мы требуем открытия Регистрации.

«Право свободно объединяться для достижения общими усилиями одной и той же цели—это наше общее рабочее право. Название ему—свобода коалиции...

«Это наше второе требование...

«Мы будем биться и бороться за него. Будем снова и снова гибнуть и страдать, но свое право возьмем назад. Оно нам нужно... как воздух, как вода, как самая жизнь. И поэтому оно стоит впереди всего—впереди жалования, рабочего дня и всяких часовых.

«В этом требовании мы сливаемся с общим потоком всего политического рабочего движения в России в наши дни.

«Это движение идет под знаменем борьбы за право коалиции, за свободу объединения сил и стремлений. Оно на-

правлено против того политического режима, который украл и ограбил у рабочего России это его священное право...

«Когда, выставив это требование, моряки сойдут на берег, они тем самым начнут разламывать ту стену, в которую замуравили весь рабочий класс его политические враги.

«Да, в этом пункте мы схватимся со всем политическим строем России. Он дается нам не легко, но отступиться от этого требования нам нельзя, невозможно; и стоять за него мы должны и будем упорнее и отчаяннее, чем за все остальное, потому что во всех остальных требованиях боремся только мы одни и только для себя.

«Требуя же открытия Регистрации, требуя свободы коалиции—мы бьемся за общее пролетарское требование, за что вместе с нами борятся все российские рабочие.

«За свободу коалиции рабочего класса в России до конца стоять завещали нам погибшие на Лене товарищи».

Ту же мысль Адамович повторяет в другой своей статье в том же номере «Моряка», озаглавленной «Какое морякам дело до политики».

«Политическая свобода,—пишет он в этой статье,—для рабочих прежде всего означает свободу союзов и вообще свободу коалиции».

В том же № 12 «Моряка» опубликовано упоминавшееся выше письмо потемкинцев из Галаца, в котором они просят не забывать и о них, тоже боровшихся за освобождение всего рабочего класса и рвавших ту вековую цепь, что сковывает весь русский народ, а также две чрезвычайно характерные резолюции «Латышско-Эстонской группы Балтийских моряков» и «Группы моряков из России».

В первом из этих документов латышско-эстонская группа балтийских моряков отвечает на призыв к ним черноморцев во втором летучем листке «Моряка» и, высказывая горячую благодарность за этот призыв и готовность всецело поддержать общее дело моряцкой солидарности, заканчивает его такими словами:

«Долой гнет капитала, произвол и насилие его телохранителей—царских холопов. Плечо о плечо—в дружном натиске, грудью своей сломим упорство ненавистного нам вра-

га—угнетателя. Пусть же союз вам будет первым вестником нарождающегося Всероссийского Союза моряков...

«Вперед, товарищи-черноморцы. Мы—с вами».

Во второй же резолюции группа моряков из России сообщает:

«После обсуждения вопроса об организации моряков в России и за границей, собрание находит необходимым активно поддержать существующие организации моряков на Черном и Каспийском морях, а также «Антверпенский Союз русских моряков за границей», путем агитации за них, вхождения в них членами и создания общего руководящего центра.

«Собрание также приветствует борьбу российского пролетариата, его недавнюю борьбу за политические права, за свободу коалиции, за свои открытые выступления. Собрание с негодованием протестует против смертных приговоров над нашими товарищами — военными моряками Севастополя».

Кроме того, в № 12 «Моряка» опубликован подробный, написанный также в агитационном духе, отчет Адамовича о троцкистской «Конференции Российской социал-демократии» от 23 августа 1912 г., на которой он был представителем от социал-демократических элементов Союза, в связи с постановлением ряда судовых команд посылать представителей Союза на съезды всех социалистических революционных партий.

Из остальных изданий Заграничного Центра, относящихся к этому периоду и имеющих исторический характер, приведу лишь некоторые:

1. Первомайский листок на 1912 г.—«К морякам».—Первая часть его—«К береговым рабочим»—приводилась в своем месте; во второй части его говорится следующее:

«Товарищи, первое мая принято праздновать однодневной забастовкой. Но это не всегда можно. И как раз у нас, моряков, сейчас именно такие обстоятельства, которые не позволяют нам отпраздновать рабочий праздник, как подобает. Невозможно, ибо слишком многим пришлось бы пожертвовать. И не то беда, что многих из наших товарищей выгонят вон и не мало их потащат в участок и будут трепать жандармы. Не это страшно. Уж редко кто из моряков не сидел

за железной решеткой и не пробовал пищи тюремной. Дело привычное, а терять место и того привычнее.

«Не за людей страшно, а за дело.

«Однодневная забастовка, вызвав против нас все силы власти и месть судовой администрации—судохозяев и полиции, подорвет дальнейшую подготовительную работу к предстоящей борьбе.

«Но если мы, скрепя сердце, отказываемся от забастовки в день первого мая, значит ли это, что мы пройдем равнодушно мимо этого дня, ничем не отметив его?—О нет, товарищи, стыд и позор было бы даже подумать об этом.

«Если нельзя покинуть в этот день работу, то вполне в нашей власти отказаться от дневного заработка нашего, приходящегося нам за первое мая.

«В этот день, товарищи, вспомним о тех, кого пять лет тому назад рабочий класс послал на первые боевые позиции свои—о рабочих депутатах второй Государственной Думы. Мы вспомним о них, посланных волей нашей на пост опасный, до конца стоявших на нем уже в то время, когда рабочая армия, разбитая, обратилась в бегство. Они не бежали—эта кучка героев в тридцать человек. Не бежали, хотя могли бежать, когда сквозь стены Таврического Дворца, в последний день заседания, они видели далекие стены каторги, ожидавшей их. И как спокойно, выполняя волю пролетариата, вошли они в Думу, так же спокойно и достойно прошли они из Думы в тюрьму, сменивши высокое звание депутата на каждодневный звон кандалов.

«Почему же они не дрогнули? Что дало им силу спокойно надеть арестанский халат?—Вера в рабочее дело, товарищи. Вера в то, что недаром они погибают, что не отвернется от них пролетариат; не покинет то дело, которое начали и для служения которому послал он их на борьбу и на погибель.

«Но большому испытанию подвергло время эту веру.

«Пять лет молчал российский пролетариат, пять лет не подавал голоса, поддержки и одобрения своим кандальным депутатам. И лишь в последнее время, возвращаясь понемногу к прежней борьбе, вспоминает он о своих передовых и лучших борцах, томящихся в тяжелом плену.

«И мы возвращаемся, товарищи, к старым боям и мы поднимаемся, чтобы вернуть завоеванные раньше права.

«И мы должны вспомнить о депутатах социал-демократической фракции второй Гос. Думы, сосланных врагом нашим в Сибирь и каторгу. Им отдадим мы день первого мая, наш заработок этого дня. Это немного. Это не окупит их многолетних страданий, но это будет знак, что о них не забыли.

«Им, покинутым и одиноким, это будет новой живой вестью, что русские рабочие не бросили общего дела, помнят о них, депутатах, и в день первого мая шлют им свой пролетарский привет и любовь.

«В этот праздничный день, все, кто на воле празднует его, носят в петлице красный цветок. Отдадим же наш первомайский заработок скованным депутатам, и пусть это будет красным цветком им на грудь, посланным с воли в день первого мая от моряков».

К сожалению, текста изданной весной 1912 года редакцией «Моряка» брошюры «Английские углекопы и мартовская забастовка», написанной Адамовичем, я не имею под руками, и она представляет в настоящее время величайшую библиографическую редкость.

Из других изданий укажу на некоторые циркулярные письма. Всего их Заграничным Центром за весну и лето 1912 г. выпущено восемь. Из них историческое значение имеют два — №№ 3 и 5.

В первом из них ставится на обсуждение команд выработанная редакцией «Моряка» резолюция о Ленских событиях, а во втором—предлагается обсудить вопрос: находят ли они необходимым послать делегатов на предстоящие съезды партий Р. С.-Д. Р. П. и С.-Р., ввиду выраженного обеими партиями желания видеть на своих съездах делегатов от всех беспартийных организаций рабочего класса.

Текст первого обращения «Моряка» к командам о Ленских событиях таков:

«Товарищи, как вам известно, мы ничем не отозвались, кроме телеграммы от нескольких пароходов, на Ленские события... Тому причиной были некоторые, чисто внешние обстоятельства. Но если мы не могли присоединиться к обще-

рабочему всероссийскому протесту, то это не прошло все же для нас незаметно. Урок, данный на Лене, мы поняли, товарищи. Товарищи наши в Сибири погибли за право организованной стачечной борьбы. И отстаивать это право для всех рабочих они завещали нам. Мы должны громко перед всем миром заявить, что это наследие мы принимаем; что знамя, поднятое Ленскими борцами, и мы, моряки, берем в свои руки. Эту нашу решимость мы должны закрепить своим словом, сказанным громко. Поэтому редакция «Моряка» предлагает на ваше утверждение следующую резолюцию:

«Мы, моряки Черноморского торгового флота, зная по нашему опыту, что право стачки и организация необходимы для успешной рабочей борьбы, заявляем, что будем бороться за это право как для себя, так и для всех рабочих, всеми путями и средствами, ни на минуту не забывая об этой цели, освященной тысячу раз кровью. Соединив свои силы со всем российским пролетариатом, мы неустанно в большом и малом будем стремиться ее завоевывать. И не успокоимся, пока не вырвем наше право из окровавленных рук наших врагов».

Эту революционную клятву над трупами павших на Лене рабочих единодушно приняли все судовые команды пароходов, организованных в Черноморский Союз.

Что касается литературы «Каспийского Союза», то, хотя Союз этот возглавлялся эс-эрами, общий тон ее близко подходил к тону «Моряка», и видно, что одинаковость среды и условий ее быта, к которой обращалась революционная печать обоих морей, диктовала ей, вне зависимости от партийности ее издателей и авторов, один и тот же язык, одно и то же направление. И если, с одной стороны, тов. Троцкий упрекал социал-демократов, Адамовича и Яковлева, за то, что они движение Регистрации характеризовали в одном из первых номеров «Моряка», как движение чисто профессиональное, не имевшее никакого отношения к политике, утверждая, что рабочее движение не может быть никогда безразличным к политике, что «политический нейтралитет проф. союзов есть фикция и очень вредная фикция», то Феликс Волховской, с другой стороны, в одном из писем своих к руководителям Каспийского Союза—бакинским социалистам-

революционерам—выражает свое удовлетворение их работой за то, что они правильно учли взаимоотношение между профессиональным и политическим движением и поняли, что одно из них не исключает другого.

Еще в 1907 году, в № 2 «Листка Стачечного Комитета Каспийских моряков», от 12—22 марта, по этому поводу говорилось:

«Они (моряки)... хорошо знают, что их враги, кровопийцы-капиталисты, находятся под бдительным покровительством кровожадного правительства; что капиталистов, жиреющих потом и кровью моряков, защищают губернаторы, градоначальники и всевозможного рода правительственная сволочь, охраняя добро эксплоататоров от голодающих эксплоатируемых ссылкой, пулями и нагайками».

И далее, в № 2 газеты «Морская Волна»—органа беспартийного профессионального союза моряков Каспийского флота», от 23 октября 1908 г., в статье «Как бороться рабочему люду», говорится о забастовке, как «могучем оружии в руках рабочего класса», требующем от рабочих организованности и солидарности; оружии для «борьбы с капиталом».

Однако «борьба с капиталом» не может и не должна быть односторонней.

В № 5 той же газеты, в статье «О конфликтах», эта мысль поясняется в таких словах:

«Сознательные товарищи-моряки должны твердо помнить, что их прямая задача—это готовиться к общей борьбе, когда одним ударом можно сбросить весь гнет и произвол как администрации, так и хозяев сразу...».

И дальше, в № 6 «Морской Волны», в передовице—«К навигации»,—та же мысль получает дальнейшее развитие:

«Пора, товарищи-моряки, понять, что вся сила заключается в нас самих, в нашем сознании и стремлении к борьбе; что ждать надо избавления не от кого-нибудь, а только от самих себя... Сила союза—в сознательности, численности и солидарности...».

В том же номере газеты сообщается решение делегатского собрания судовых команд о безусловной желательности установления связей с Черноморским Союзом—«вплоть до посылки к нему своего делегата», а в № 7—последнем но-

мере «Морской Волны»,—после статьи, оканчивающейся призывом к единению и организованной революционной борьбе, в корреспонденции «С Черного моря» редакция пишет:

«Моряки поняли, что в самодержавной России, где законом является произвол всякого сатрапа, для них остается единственная форма экономической организации—нелегальный профессиональный союз, в который должны войти не только судовые команды, но и портовые рабочие всего черноморского побережья».

Также и наследник «Морской Волны», № 1 «Морского Листка», отпечатанный в июле 1912 г. в типографии Исполнительного Комитета Бакинской организации П. С.-Р., в статье «Борьба рабочих на Западе», пишет: «Единственным последовательным защитником политической свободы является рабочий класс», и статью, посвященную «Морской хронике», заканчивает вопросом:

«Не пора ли нам, товарищи, поднять также знамя борьбы труда с капиталом?».

ГЛАВА X.

Конец 1912 года и начало 1913 года были периодом перелома в жизни организации. Вихрь репрессий, обрушившийся в эти месяцы, начиная с осени 1912 года—не только на центральных работников Союза, но и на его периферию, разрывал связи, выбивал из строя лучшие силы, во многих местах сводил на-нет достигнутые напряжением величайших усилий энергии результатов, и все же ни в массах, ни в поредевших рядах руководителей эта энергия не угасала, не колебалась вера в достижимость поставленных целей.

На смену уходившим приходили новые кадры борцов. Работе союза продолжали оказывать деятельное содействие не только русские социалистические партии в лице своих зарубежных организаций, но и многочисленные, разбросанные по лицу всего мира, ячейки русской политической эмиграции всех лагерей и оттенков. Развивали энергичную деятельность организуемые в среде этой эмиграции группы содействия «Моряку», а из низов самой организации, из кубриков коммерческих пароходов, неслись к Заграничному Центру ободряющие, полные революционной веры и решимости призывы и отклики.

Интересны с этой стороны характеристики настроений моряцкой массы, даваемые в цитатах из различных документов и показаний обвинительным актом по делу моряков.

Совершенно безграмотный кочегар с парохода «Николай II» Никифор Костыркин, по показанию свидетеля Вовченко,—«свято верит в деятельность Союза и ожидает от него всякого благополучия».

Кочегар землечерпалки «Кара-Кармен» Никифор Данильченко—пишет своему другу с парохода «Провиданс»—кочегару Луке Беломестному:

«Получивши ваше письмо, я тоже понял, что весна идет, и вот пробудилась жизнь. Да жизнь. Я пишу тебе, дорогой товарищ, что я жажду жить—это значит, постоянно что-нибудь желать и ежедневно укреплять свою волю. И я теперь знаю, что там, на чужой стороне, есть наши лучшие товарищи, сильные сыны народа, которые всю свою жизнь отдали за него и не останавливаются ни перед каким роком судьбы, а ведут человечество к лучшему будущему. И я теперь хорошо понял, что не мучители толкают жизнь вперед, а мученики...»

«Любимой» газетой, «которая борется за нас» и за которую «команда готова пожертвовать своей жизнью», называет «Моряк» в пюсьме к Адамовичу выборный парохода «Надежда»—Никифор Андриенко. «С радостью и дружно» откликаются моряки с парохода «Инженер Авдаков» на призыв «Моряка»—«стать под общее знамя и бороться против нашего врага — капитала».

Кочегар парохода «Ростов» Иван Костенков пишет целую статью, в которой призывает моряков, в случае отказа хозяев удовлетворить их требования, начать готовиться ко всеобщей морской забастовке и сорганизоваться так, чтобы «к моменту забастовки большинство товарищей было бы вооружено».—«С такой боевой сильной организацией,—пишет Костенков,—успех в забастовке будет громадный.»

Кочегар парохода «Николай II» Сергей Баженов в поэтических образах изображает от лица умирающего борца за свободу трагедию восстания «Очакова», повествуя в форме завета морякам о том, как «солдатские пули и бомбы из крепости летели; падали в кубриках мертвые и раненые борцы» и призывая моряков «пойти и умереть вместе под натиском врага», чтобы отомстить за то, что «наши братья по тюрьмам страдали и в страданиях текли наши дни».

Ссыльный моряк Каспийского флота Филипп Еремин (он же Попов) в письме к представителю Каспийского Союза в Черноморском Заграничном Центре — Бастричеву — просит приобщить его к деятельности союза и избавить от омута ссылки.

Холодно и кропотливо разбирается «в преступных деяниях» отдельных моряков обвинительный акт, и напряжением

мощной пролетарской воли поражает читателя его общая картина тех мелочей, из которых складывались дело и жизнь всей моряцкой организации.

Пароход «Император Николай II». С конца 1911 года он идет во главе объединения моряков. Правда, этот пароход, в конечном счете, дал союзу и самых злостных провокаторов и предателей—Петра Вовченко, Якова Клечкина, Дюмида Кривогина, Пантелеймона Головко и Ефима Голобородько, но из его же команды выделились и самые яркие работники союза—Сергей Баженов, Василий Уханов, Сергей Соколовский, Игнатий Мерва, Павел Скрипка, Антон Оврях, Василий Околот, Василий Юхновский и Трофим Шаповалов, а также упомянутый выше Никифор Костыркин.

Из них Василий Аникиевич Околот, крестьянин слободки Новомиргорода, Елизаветградского уезда, Херсонской губ., пал от руки петлюрских бандитов у себя на родине в 1919 году, а Василий Максимович Уханов, он же Кондрашев, крестьянин д. Похвалиной, Александровской вол., Малоархангельского у., Орловской губ., в 1918—1921 г.г. проявил себя одним из энергичнейших комиссаров действовавшей на Петлюрском фронте, в районе Вапнярки, Красной дивизии и преданнейшим членом Р. К. П.

Сергей Баженов и Василий Уханов—от машинной команды и Сергей Соколовский—от палубной, были выборными от этого парохода. Команда парохода, при каждом проходе через Константинополь, почти в полном составе выходила на берег на организационные собрания в помещении «Союза славянских и турецких рабочих». Команда аккуратно вносила выборным свое % отчисление на цели союза, энергично транспортировала и распространяла «Моряк» и нелегальную партийную литературу, поддерживала связи с пароходами внутренних линий и широко популяризировала идею объединения моряков и необходимости готовиться к забастовке.

На этом пароходе Александр Яковлев в марте 1912 года выезжал в объезд русских Черноморских портов, скрытый командой в угольной яме.

Наиболее сознательными из этих моряков были: Сергей Баженов, Игнатий Мерва, Павел Скрипка, Василий Уханов и Емельян Юхновский.

Они устраивали и проводили собрания моряков как на своем пароходе, так и на других, читали вслух команде «Моряк», разъясняли ей цели Союза, вели беседы на темы «против реакции». При этом Павел Скрипка, как ближайший помощник «выборного» Баженова, распространял свою агитационную деятельность и на портовых рабочих г. Одессы и на стоявшие в Одесском порту пароходы внутренних линий.

Собирая выборных этих пароходов и выступая среди моряков своего парохода, Скрипка призывал их «всего добиваться самим», а тем, которые неохотно шли в Союз, он говорил:

«Время настало тяжелое, нас жмут как правительство, так и администрация. Все они живут на наш счет, а вы их поддерживаете и не понимаете того, что люди, желая вам помочь, сидят по тюрьмам».

Один из наиболее отсталых в смысле грамотности кочегар Антон Оврях, так же, как и безграмотный Никифор Костыркин, «слепо веривший в деятельность Союза и ожидавший от него всякого благополучия», резко выступал против моряков, уклонявшихся от участия в Союзе, требовал силой бороться со штрейкбрехерами и вместе с Трифоном Шаповаловым агитировал за вооруженную забастовку, говоря: «Я первый бы пошел с оружием в руках, я не боюсь умереть».

Кочегар Емельян Юхновский с особой силой донимал за правые убеждения и за пьянство оказавшегося впоследствии предателем Петра Вовченко, призывая моряков блюсти себя и добросовестно относиться к морской службе, и, высмеивая Вовченко за его показную религиозность, выступал против религии и попов.

Пароход «Иерусалим» вступил в союз с февраля 1912 года. Наиболее энергичными работниками организации на этом пароходе были: Евгений Яблонский, Семен Беляев, Станислав Ягтелович, Терентий Вернигора, Степан Фурман и Алексей Чернышев. Из них Степан Фурман был уполномоченным Заграничного Центра по сбору отчислений в пользу союза с пароходов внутренних линий, Чернышев был выборным от палубной команды, а Семен Беляев—видный работник регистрации 1905—1906 г.г.—выборным от машинной команды.

Злостным провокатором в среде команды этого парохода оказался кочегар Петр Гречаный.

Особым доверием Центра среди этих лиц, кроме Беляева и Фурмана, пользовался Терентий Васильевич Вернигора, крестьянин с. М. Березаньки, Таращанского у., Киевской губ., впоследствии член Киевского Совета Кр. Раб. и Кр. Депутатов, изуродованный взрывом снаряда во время гражданской войны в Одессе и в 1921 году убитый у себя на родине поляками.

От Евгения Яблонского, бывшего кочегара этого же парохода, с 1917 по 1922 год принимавшего деятельное участие в военной и политической работе моряков Черноморского красного флота, я узнал о геройской гибели т. т. Околюта и Вернигоры и о том, что Степана Фурмана он еще в 1919 году видел в числе деятельных работников красного союза моряков в Новороссийске.

Что же касается Беляева, то, по словам того же Яблонского, он успел за время революции кончить мореходную школу и ныне плавает на Черном море помощником капитана на пароходе «Смелый», являясь в то же время деятельным членом Р. К. П. [1]).

На пароходе заграничного плавания «Одессе» выборными были от машинной команды кочегары Лука Войтович, братья Кирилл и Игнат Сомовы и некоторое время Павел Боцюровский. Кроме того особо доверенным лицом для Заграничного Центра на этом пароходе являлся старый деятель Регистрации—кочегар Онисим Элик.

Из них Кирилл Сомов, арестованный и высланный из Одессы до суда, после Октябрьской революции исполнял на Черном море обязанности комиссара порта Очаков и при захвате этого порта деникинцами в 1919 году был ими зверски убит; Онисим же Элик, в 1919 году, покинув партию с.-р. вошел в ряды Р. К. П и до последнего времени состоял политруком в одной из дивизий Красной армии, оперировавших на Южном фронте.

---

[1]) Пароход „Иерусалим“ привлекал к себе особое внимание охранки, и на него в августе 1912 г. в качестве кочегара был поставлен для внутреннего сыска упоминавшийся выше провокатор Стааль. *Е. В.*

Что касается Боцюровского, то он, купив себе раскаяньем оправдательный приговор, после суда поступил в уголовные сыщики и был убит неизвестно при каких обстоятельства в Одессе в 1919 году.

Из «свидетелей», освещавших на следствии работу этих товарищей, необходимо назвать жандармского подполковника Караулова, жандармского вахмистра Недоруева и матросов — Ивана Ковбу, Василия Тутверова, Ивана Одина, Петра Антоненко и Михаила Лебедева.

Пароход «Чихачев» наравне с предыдущими пароходами являлся оплотом организации, а посему и наиболее излюбленным охранкой. На нем, в качестве злостного провокатора и сподвижника Мгеброва, оперировал уже неоднократно упоминавшийся мною «Жак»—Григорий Дорошенко, проваливший почти всю организацию, однако этот же пароход выдвинул и энергичнейших деятелей союза, в лице старого работника Регистрации — Семена Замши, выборного от машинной команды Ивана Гидулянова, Гордея Воротыло и Степана Недельки.

Из них, Семен Сергеевич Замша, мещанин г. Чигирина Киевской губ., как видный работник Р. К. П и комиссар Мариупольского порта в 1919 г., был при захвате этого порта в том же году зверски убит врангелевцами.

Помимо «Жака», деятельность этих товарищей на пароходе «освещал» боцман «Чихачева» Павел Скляров. Через Гидулянова же, как было сказано выше, с конца 1912 года Заграничный Центр восстановил свою связь с Одессой.

Пароход «Ростов», всецело находился под влиянием служившего на нем в качестве кочегара анархиста Александра Лаврушина и его деятельного помощника и приверженца— Ивана Костенкова.

Этот Лаврушин, в 1918—1920 годах оказался одним из деятельнейших военкомов оперировавшей против Григорьева, Махно и Врангеля со стороны Херсонщины Красной армии. Сведения об этом привез мне из Ростова Адамович, когда он весной 1923 года приезжал в Россию из Болгарии, как один из руководителей и основателей «Общества Советских граждан за границей» и член редакции издававшейся в Софии летом 1923 года газеты «Новая Россия».

Пароход «Лазарев» выдвинул следующих деятелей союза — кочегаров Павла Лебедева, Иосифа Коломийца и Александра Богдзевича. Из них Павел Лебедев пользовался особым доверием Центра и по доверию его выполнял самые ответственные поручения. До поступления на этот пароход Лебедев был кочегаром и выборным парохода «Иерусалим» и обладал большим авторитетом среди моряков. Подготовляя их к забастовке, Лебедев предлагал им не становиться на сверхурочные работы, говорил о необходимости борьбы за 8-мичасовой рабочий день. Однако лучшим оратором из этих трех работников был Александр Богдзевич, образно разъяснявший морякам статьи из «Моряка» и нелегальных изданий и в своих речах убеждавший их не падать духом от того, что борьба тяжела и что много среди них темных людей.

«Этим нельзя смущаться,—говорил он.—Постепенными и настойчивыми разговорами с самыми темными людьми можно добиться от них того, что и они пристанут к организации и будут работать в ее пользу... а бороться нужно, хотя борьба и тяжелая».

Наиболее же яркую политическую агитацию проводил Иосиф Коломийц, получавший через Давида Едыткина и Александра Мгеброва эс-эровские газеты и брошюры. Он сам их читал морякам и разъяснял их содержание, обращая внимание последних, главным образом, на отрицательные черты царизма.

Пароход «Королева Ольга» вначале представлялся в организации выборным Павлом Бенько, а с переводом его на пароход «Царь»—Андреем Щукиным. Бенько принадлежит инициатива связи союза с Добровольным флотом.

Пароход «Принцесса Евгения Ольденбургская» при посредстве его выборных—кочегара «Рожка» (Роговина) и матроса Якова Мордовина — осуществлял через Батум связь Заграничного Центра с находившимся в Баку Правлением Каспийского Союза, при чем в Батуме этот пароход посещал представитель Каспийского Союза Бастричев, поддерживавший с Мордовиным личную организационную связь. Через него же шла на Каспий литература союза.

Эту деятельность Мордовина на следствии «осветил» его сослуживец, кочегар Капустинский.

Пароход «Император Александр II» через своих выборных—боцмана парохода Михаила Мандрыкина и кочегара Семена Почапина — также обслуживал связь через Батум Черного моря с Каспием, при чем оба эти лица являлись для этой связи доверенными Заграничного Центра.

Пароход «Великий князь Алексей». Выборные Никита Гордеенко и Петр Софийчук исполняли, подобно всем остальным выборным на пароходах, обычные обязанности последних, распространяя «Моряк» и нелегальную литературу по всей Крымско-Кавказской линии.

К концу 1912 года бо́льшая часть этих работников уже «сидела»; из перечисленных пароходов к этому времени сохраняли связь с Заграничным Центром лишь «Николай II» и «Чихачев», но на смену «севшим» явились другие пароходы и другие деятели. Связь с Батумом, с Азовским морем и Каспием берет на себя Павел Мельников с парохода «Бержом», Гидулянов восстановляет связь Заграничного Центра из Александрии с Одессой. Горяин и Антверпенский Союз укрепляют связи его с Белым морем. Этому же содействует кочегар парохода «Комета»—Дмитрий Моисеенко. В Швеции работает, завязывая связи с Либавой, Александр Костин. Целый ряд работников и связей дают Союзу политические партии и эмиграция. Используя их, Адамович организует за границей группы содействия «Моряку».

В это время, переехав из Марселя в Нерви, Наум Гик развивает усиленную деятельность во всех портах Средиземного моря, используя свой мандат Уполномоченного Центрального Бюро Заграничных Организаций Р. С.-Д. Р. П. Работая в тесном контакте с самим Бюро и его представительством в Брюсселе, с одной стороны, и с Антверпенским Союзом—с другой, Наум Гик связывает Заграничный Центр с Порт-Саидом и с портами Америки—Буэнос-Айрэсом и Филадельфией, в которых «Моряком» интересуются поселившиеся там в качестве эмигрантов группы русских и финляндских моряков.

Через Порт-Саид «Моряк» стал передаваться на пароходы Восточно-Азиатского О-ва, и на очередь стал вопрос о связи с Владивостоком.

Тот же Наум Гик, в своем письме к Адамовичу от 6-го января 1913 г., берет на себя восстановление прочных связей с портовыми работами Мариуполя и Таганрога, где в то время сильную работу развивали местные организации Р. С.-Д. Р. П.

Между тем назначенная на начало января 1913 года в Александрии конференция союзов моряков, в намеченное время состояться не смогла из-за задержки в прибытии из России делегатов Каспийского Союза. Делегаты эти—Филипп Еремин (Попов) и Степан Варлашев—лишь 10 января 1913 года перешли австрийскую границу через Сосновицы-Масловицы, близ Варшавы.

Попав за границу впервые, не обладая опытом путешественников и не владея языками, Попов и Варлашев потерпели ряд неудач, значительно затормозивших их стремление скорее попасть в Александрию на конференцию. Их попытка проникнуть к Черному морю в румынский порт Галац, откуда их должны были посадить на иностранный пароход, отходящий в Александрию, обслуживавшие союз потемкинцы Шаповалов и Пустяков,—едва не кончилась для них катастрофой. Они были в Яссах арестованы румынской полицией и едва не были выданы обратно в Россию.

Только то, что они догадались объявить себя политическими эмигрантами и указать на данные им в Баку эсэровские адреса в Париж, спасло их от выдачи в Россию. Они были высланы на западную границу Румынии и оттуда, через Париж и Марсель, добрались до Александрии, прибыв к месту своего назначения лишь в средних числах февраля 1913 года.

Опоздание каспийских делегатов повело между прочим к тому, что приехавший из Марселя на конференцию в качестве представителя групп содействия «Моряку» на Средиземном море (Марсель, Ницца, Генуя, Нерви, Рим и Неаполь) Наум Гик, не дождавшись конференции, уехал обратно.

Не удалось принять непосредственного участия в конференции, несмотря на настойчивое свое желание, по случайной причине, и Антверпенскому Союзу.

Командированный от этого союза в Александрию представитель, именуемый в следственном материале по делу «Моряка» «товарищем Степаном», отправившийся в путь в качестве служащего одного иностранного парохода, следовавшего к берегам Египта, не смог попасть в Александрию, так как неожиданно для него пароход этот изменил свой рейс.

Отсутствие делегата от Антверпенского Союза на конференции было замещено оглашением и занесением в протокол, по единогласному решению членов конференции, доставленных правлением Антверпенского Союза в Александрию своих докладов по вопросам программы конференции.

Работы конференции открылись 14 февраля 1913 г., продолжались восемь дней и закончились 21-го февраля.

В ней принимали участие два прибывших делегата от Каспийского Союза—Попов (Еремин) и Варлашев, три делегата от Черного моря, а также Адамович и Бастричев—с решающим и Екатерина Триппе—с совещательным голосом.

В течение восьми дней было устроено девять заседаний и выполнен следующий порядок дня:

1) заранее поступившие доклады и предложения с мест; 2) вопросы объединения морей; 3) организация общего руководящего центра; 4) издание общего органа Союза; 5) подвижной кадр работников Заграничного Центра; 6) вопросы пропаганды и агитации; 7) о возможностях и формах легализации Союза и его органа в России; 8) о государственном страховании моряков; 9) о вхождении в международный Союз работников транспорта и 10) о созыве объединенного съезда.

Последнее заседание было посвящено:

1) выборам в общий центр и в редакцию руководящего органа; 2) определению подвижного кадра работников и 3) утверждению протоколов конференции, устава объединенных организаций судовых команд, общих требований в стачечной борьбе и циркулярного обращения ко всем социалистическим партиям.

В числе представителей Черного моря на конференции присутствовал приехавший к ее концу из России Александр Клочко (Жак), после конференции отправившийся по делегации Центрального Совета работать на Дунайско-Черноморские линии, в Галац.

В порядке работ состав конференции разбился на комиссии, в которых и были составлены устав объединенных союзов и общие требования к предстоящей забастовке, намеченной конференцией на лето 1913 года.

Вместе с Клочко по окончании работ конференции выехали обратно в Россию на внутренние линии Черного и Азовского морей Тимофей Попов, которому дано было специальное поручение воссоздать центр Черноморской организации, а на Каспий и Волгу—Степан Варлашев.

В Александрии же остались вести работу Центра Адамович, Бастричев и Триппе, при чем на последнюю выпадала вся канцелярская работа.

Отчет о конференции был издан затем в виде особой брошюры-приложения к № 13 «Моряка» под заглавием: «Извещение о конференции морских профессиональных организаций судовых команд России 14/21 февраля 1913 года».

Отчету предшествует небольшое введение, в котором автор его, Адамович, характеризует значение состоявшейся конференции, как «начало общего движения в России судовых команд торгового флота всех морей», как «стремление моряков вновь ожить к политической и профессиональной борьбе после долгих лет реакции и разрозненных усилий, расширить местные рамки этой борьбы и слить воедино движение различных морей и районов». Изложив затем в общих чертах историю морского профессионального движения в России и его современное положение, автор брошюры дает в дальнейшем постановления самой конференции, указывая, что общий состав представленных на ней организованных в профессиональные союзы моряков, платящих членские взносы, ко дню созыва конференции доходил до 1.244 человек, а примыкающих к ним—4.350 человек.

Из этого количества падало членов и примыкающих:

на	организованных	примыкающих	Всего.
1. Черноморский Союз . . .	630	2.500	3.130
2. Каспийский Союз	546	1.800	2.346
3. Антверпенский Союз . .	41	50	91
4. Балтийских моряков . . .	27	—	27
Итого	1.244	4.350	5.594

В отчете указывается, что, судя по докладам с мест, дело профессионального сплочения судовых команд поставлено прочно и солидно, что все бывшие в разных местах забастовки укрепили в массах моряков сознание необходимости иметь свои собственные профессиональные организации и итти путем их объединения в одном центре. Выяснилось, что все данные к такого рода объединению союзов уже имеются на-лицо, почему конференция единогласно приняла резолюцию:

«Считать объединение профессиональных союзов Каспийского и Черноморского, а также Антверпенского Союза русских моряков за границей фактически состоявшимся под общим названием «Союз профессиональных организаций судовых команд России»; органом, стоящим во главе нового союза и правящим его делами, признать Союзный Центр, именующийся «Центральным Советом» (иначе—«Объединенным Центром»); состав этого Центра определить в двух категориях его членов—постоянного и подвижного кадров; при чем в первый кадр входят: секретарь Союза, редактор союзного органа и представитель той местной организации, в районе которой помещается Центр; во второй кадр относятся—члены Союзного Центра, работающие на местах, которые не прикрепляются, однако, ни к одной местной организации, а обслуживают Союз в его целом и находятся в распоряжении самого Союзного Центра; газету «Моряк» признать официальным органом объединенного Союза моряков.»

Что касается программы и содержания «Моряка», то, согласно решению конференции, в нем должны были быть помещаемы, помимо общей информации о жизни Союза и ходе рабочего движения в России и за границей, одна или две статьи руководящего характера по вопросам профессионального движения и социальной политики вообще, политическая передовица, а также статьи по наиболее жгучим вопросам момента.

Выработанный конференцией устав Союза до обсуждения и принятия его командами пароходов был принят ею как временный, при чем цели Союза в этом уставе определены в таких пунктах:

1) повышение боеспособности входящих в Союз отдельных морских организаций; 2) содействие в их работе по организации судовых команд, как морских, так и речных, для борьбы и защиты своих экономических и правовых интересов; 3) повышение духовного уровня и классовой сознательности всей массы судовых команд России и 4) руководство и объединение борьбы судовых команд России, как входящих, так и не входящих в Союзы и организации.

Эти цели Союз достигает объединением всей работы отдельных организаций в указанных направлениях вокруг организационного Союзного Центра, временно до своей лигализации пребывающего за границей, а также путем создания общего боевого стачечного фонда, подвижного кадра не прикрепленных к местным организациям работников Союза и общего единого печатного органа.

Верховная власть в Союзе, согласно Устава, принадлежала съездам и конференциям входящих в Союз организаций, созыв которых возлагается на Центр.

В том же уставе интересен пункт о боевом стачечном фонде, составляющем из 50% отчислений от месячных остатков всех доходов входящих в Союз организаций.

Характерны условия приема в Союз и его ограничения для представителей судовой администрации:

Согласно соответствующих пунктов устава—членом союза могла быть каждая беспартийная организация судовых команд, не отрицавшая принципиально стачку, как средство борьбы, насчитывавшая не менее трех месяцев своего существования и обладавшая не менее чем 20 членами; что же касается представителей судовой администрации, то в отношении их, как правило, принималось общее положение—ни в общий Союз, ни в отдельные организации моряков их не принимать, однако при массовых выступлениях отдельным организациям с разрешения Центра в каждом отдельном случае входить с ними во временные соглашения.

В том же отчете о конференции приводится резолюции о необходимости существования моряцких кооперативов; о необходимости всем местным организациям судовых команд принять самое деятельное участие в той общей организационной кампании, которую в то время вел, в связи с за-

коном 23-го июня 1912 г. о страховании, весь рабочий класс России.

В связи с этим был рассмотрен и вопрос о формах массовых выступлений и агитации. Было обращено особое внимание на постановку пропаганды идей Союза среди моряков, при чем специально был выделен вопрос о созыве особого совещания относительно усиления организационной и пропагандистской работы на Балтийском море. Террор, как средство выступлений, был единогласно отвергнут. Вопрос о массовых выступлениях рассматривался особенно детально, при чем отдельному обсуждению были подвергнуты три формы их: отдельные выступления-протесты организаций с общего согласия их членов; выступления местных организаций отдельных морей с предъявлением общих требований экономического характера; последовательные и общие выступления по общему плану.

К числу общих экономических требований при массовых выступлениях последних двух категорий было отнесено требование исключительного права для профессиональных союзов судовых команд на учреждение регистрационных морских контор в целях урегулирования вопроса о найме судовых команд на суда.

Вопрос об общем выступлении на всех морях был отложен обсуждением до созыва общего расширенного съезда организаций судовых команд, намеченного на июнь 1913 г., при чем конференцией был тщательно рассмотрен и одобрен предложенный Адамовичем проект «временного устава тайного стачечного комитета», содержание которого было приведено в одной из предыдущих глав.

Об этом, конечно, в печатном отчете о конференции не упомянуто.

Учитывая силы Черноморской и Каспийской организаций, конференция сочла возможным признать целесообразным проведение ими предположенной на лето 1913 года общей забастовки на Черном, Азовском и Каспийском морях, с охватом, по возможности, и портовых рабочих.

В связи с этим подготовка этой забастовки и организация в самой России ее тайного организационного центра — стачечного комитета — стали в дальнейшем ближайшей за-

дачей вновь избранного на конференции Союзного Совета, что и вызвало командировку на Дунай, в Одессу и в Баку всего его «подвижного кадра» в лице упомянутых выше Клочко, Варлашова и Попова.

Последним постановлением конференции было — войти в состав Международного Союза Транспортных рабочих, в который до того времени входил лишь Черноморский Союз.

Вопрос о легализации, если не всего Союза в целом, то хотя бы его органа, был также предметом тщательных рассмотрений на конференции. В Петрограде этот вопрос было поручено Адамовичем выяснить уехавшему в Россию и в то время уже работавшему на петроградском заводе Эриксона—Авиву Михненко. Вопрос этот являлся крайне жгучим для всего моряцкого движения, так как внедрять «Моряк» из-за границы в Россию становилось все труднее, и матросы, боясь ставших совершенно рядовым явлением обысков на пароходах, возвращавшихся из заграничных рейсов в русские порты, отказывались брать на пароходы «Моряк», однако разрешить этого вопроса, из-за последовавших вскоре после конференции катастрофических событий в жизни Союзного Центра, ему не удалось [1]).

С разъездом работников «подвижного кадра» на места, Адамович и Бастричев, от имени Союзного Совета, рассылают целый ряд писем как к отдельным, проживающим за границей деятелям русских социалистических партий, так и к центральным учреждениям последних, призывая их притти на помощь делу пролетарского объединения и пролетарской борьбы моряков.

В письме к тов. Троцкому, как секретарю Организационного Комитета Р. С.-Д. Р. П. в Вене, Адамович предлагает этому К-ту ассигновать в поддержку Союза определенную сумму денег для содержания Союзом специального работника по транспорту нелегальной соц.-дем. литературы, с возложением на него обязанности регулярно объезжать русские порты, организовать в них из береговых рабочих группы, которые служили бы как бы приемниками полу-

[1]) По тому же поводу — об издании общего рабочего органа — редакция „Моряка“ обращалась с особым письмом в редакцию „Рабочего Голоса“. *Е. В.*

чаемой с пароходов литературы для водворения ее в глубь России и проч. Мотивируя это предложение, Адамович указывает тов. Троцкому, что до последнего времени, за 1912 год, моряки водворили в Россию до 3.000 экземпляров социал-демократической литературы и что при ассигновании на это дело необходимой суммы транспорт можно будет поднять до 10.000 экз.

Такое же письмо было послано Адамовичем и секретарю Центрального Бюро Загр. группы Р. С.-Д. Р. П. в Париже — т. Чичерину. С таким же письмом Бастричев обратился в Заграничную Делегацию Ц. К-та Партии С.-Р.

В это время оживляются письменные сношения Адамовича с Волховским в Лондоне, с Наумом Гиком в Нерви и Петром Пильщиковым в Швеции, которым он дает поручения завязать связи с Америкой.

В письмах от 1 марта 1913 года к Эстонской группе социал-демократов в Берне и Заграничному Комитету Латышской С.-Д. Р. П. в Брюсселе Адамович требует, чтобы всякий социалист оказывал содействие морскому союзу.

Через Алексинского, еще состоявшего в то время «почти большевиком» и сотрудником большевистской петроградской «Правды», и через жившего тогда на о. Капри Максима Горького Адамович пытается заручиться связями и поддержкой большевистского центра Р. С.-Д. Р. П.

В письме от 10 марта 1913 года Адамович просит «товарища Пешкова» похлопотать в центральной организации социал-демократов большевиков по поводу материальной поддержки с их стороны «Моряка».

В этом письме Адамович уведомляет тов. Пешкова, что с подобным ходатайством Союз обратился во все российские социалистические партии, и поясняет мотивы этого ходатайства перед ними в таких словах:

«Морские организации, объединенные ныне во Всероссийский Союз судовых команд, стремятся всюду, где только имеются пароходные рабочие, создать и развить их внепартийные организации и по этой работе выносят на своих плечах все материальные затраты. Эта деятельность в настоящее время ведется каспийцами на Волге и Каспии, антверпенцами и черноморцами на Балтийском море, черно-

морцами — на Черном, Азовском и Средиземном морях, а также на Дунае. Это все требует крупных затрат, и, пока морские организации существовали каждая для себя, их материальные дела были настолько удовлетворительны, что они давали еще кое-что и для социалистических партий. Теперь же, когда им приходится выходить на более широкую арену деятельности, замечаются финансовые затруднения.

«...Мы — организации профессиональные и внепартийные, но если посмотреть нашу работу, то видно становится, что мы пашем и удобряем очень хорошо почву для всех политических организаций. Возьмем, хотя бы для примера, распространение партийной нелегальной литературы. Она распространяется нами пудами, как за границей, так и транспортируется в Россию. Еще нужно не упускать из виду, что, расширяясь вширь новыми организациями, мы берем уже на себя большую долю деятельности политических партий; мы идем в новые места не с пустыми руками, а несем литературу, свою и партийную. А это уже много значит. Раньше партии создавали профессиональные организации, а теперь профессиональные организации содействуют развитию политических партий, да и социалистическую литературу тащат.—Вот те мотивы, которые заставляют нас обращаться за помощью как к социалистическим партиям, так и к частным лицам. Думаем мы, что вы нашу просьбу исполните».

В подобном же письме от 18 марта 1913 года Бастричев, обращаясь к секретарю союза транспортных рабочих в Финляндии, пишет:

«Судьбы Финляндии связаны с судьбами России, и потому объединение всех сил пролетарских Финляндии и России для борьбы против одних и тех же враждебных сил является настоятельно необходимым... Наш союз ставит своей задачей возлечь на путь профессиональной солидарности и другие слои рабочих [1])...».

Одновременно, Союзным Советом широко распространяется по всем ячейкам политической эмиграции за гра-

[1]) Стремление опереться на рабочие организации характеризует вообще этот период работы Союзного Центра. От его имени и от имени

ницей подписной лист, в котором, приглашая желающих жертвовать на газету «Моряк», как идейный центр пролетарского движения русских моряков, Союзный Совет оповещает русскую эмиграцию о том, «что царское правительство, учуяв силу Союза, с особым бешенством арестует моряков за их принадлежность к нелегальному профессиональному Союзу, но моряки не унывают, они знали, на что идут, и верят в твердую поддержку их дела всеми теми, кто стоит за рабочее дело».

Такую же энергию проявлял по части агитации за Союз среди организованных при участии Центрального Бюро Заграничных Групп Р. С.-Д. Р. П. групп содействия «Моряку» действовавший на Средиземном море по его полномочию Наум Гик.

В представленных им для настоящего труда личных воспоминаниях он сообщает:

«По предложению З. Б. [1]) и Александрийского Центра моряцкого союза работа на Средиземном море была переброшена мною из Марселя в Геную-Нерви. Последнее было связано, между прочим, с некоторыми провалами моряков по прибытии их из Марселя в Россию и с появлением (в Марселе) русских шпионов, о чем я был своевременно предупрежден французскими товарищами из союза французских моряков. Не имея возможности устроиться в самой Генуе, я жил в Нерви (в 12 верстах от Генуи). Нерви было удобным центром и потому, что в нем были в то время сконцентрированы отдельные товарищи, как-то Я. Т. Мандельберг, Хейфиц, Коген, Суриц и др. Нерви был удобен еще и по материальным соображениям—с целью пополнения средств журнала «Моряк» благодаря пребыванию в Нерви значительного количества русских, среди которых производились сборы. Еще по приезде моем из Вены в Марсель мне было предложено т. Чичериным организовать в последнем работу среди моряков, за-

---

редакции „Моряка", помимо указанных писем, были разосланы письма с призывом к единению в целый ряд профессиональных организаций, где указывалось, между прочим, на возможность издания общего рабочего органа. *Е. В.*

[1]) „Заграничное Бюро" — Центральное Бюро заграничных групп Р С.-Д. Р. П. в Париже. *Е. В.*

ходивших в порт русских пароходов. С этой целью я был связан с Антверпеном и затем с Александрией, куда впоследствии переехал т. Адамович. Был я связан также с эстонцами и латышами, но каким образом и через кого эта связь была установлена, не помню. З. Б. оказывало мне содействие не только связями и литературой, но и материально, как по содержанию самой организации, так и по моей поездке в Александрию на конференцию, которой я, к сожалению, не дождался. З. Б. во Франции организовало целый ряд групп содействия моряков... З. Б. оказывало помощь и живыми силами, с каковой целью оно перебрасывало как в Антверпен, так и в Марсель ответственных партийных работников. В числе последних был и тов. Волонтер (Павлович), который посетил по поручению З. Б. Марсель в момент пребывания там одновременно четырех русских пароходов, среди которых помню «Новороссию» и «Россию».

По дополнительным данным обвинительного акта «помощниками Адамовича» со стороны латышей были: старый член Латышского центра Зауэр в Брюсселе, секретарь Заграничного Комитета Социал-Демократической Латышской Партии; он оказал огромную услугу Союзному Совету, разработав план агитации среди латышей; член редакции латышского социал-демократического органа—Браун, секретарь с.-д. латышской группы в Лондоне—Флерганс и, упоминавшийся неоднократно, в Гулле—Роберт Брувер.

Со стороны эстонцев Союзному Совету помогали: в Париже—Август Лютц, бывший моряк Балтийского военного флота и члены Эстонской с.-д. группы в Берне—Киви и Кюскола.

По характеристике обвинительного акта, все эти добровольные сотрудники Союза из эстонцев и латышей «представляли собой, в большинстве случаев, видных деятелей социал-демократической партии, искушенных во многих делах организационного характера, пользующихся солидными связями среди своих единомышленников», и «их участие в союзе,—как говорит обвинительный акт,—следует признать далеко не случайным».

«Когда они убедились, что это дело им родное, близкое по идее их партии, они решительно пошли навстречу мо-

рякам, оказывая энергичную поддержку им по пути к их всеобщему объединению. Все это были интеллигентные работники, обладавшие огромным революционным опытом, знавшие, как налаживать дело организации масс, как ставить технику, как вести агитацию и проч.»

На призывы «Моряка» и Союзного Совета отозвались не только З. Б. и указанные выше товарищи. Считая союз моряков одним из проявлений общерабочего движения в России «Заграничный Секретариат Организационного Комитета Р. С.-Д. Р. П.» в письме своем из Вены на имя Адамовича от 4 апреля 1913 года настоятельно рекомендует ему в возможно спешном порядке связаться в его деловой работе с думской с.-д. фракцией, беря на себя осуществление с ней связи Союза.

Между тем, несмотря на всю энергию и помощь заграничных товарищей Союзу Моряков, дело морской организации под ударами правительственных репрессий и еще не раскрытой, но дававшей себя уже сильно чувствовать, внутренней провокации продолжало замирать и разваливаться.

Апрель 1913 года застал организацию моряков в катастрофическом положении. Главные силы и работники ее были вырваны из рядов организации арестами, остальные деморализовались. Расходы по изданию №№ 12 и 13 «Моряка», его воззваний, извещения о конференции, созыву самой конференции и командировкам на места работников «подвижного кадра» исчерпали все финансовые сбережения кассы «Моряка», разрыв же связей с Черным морем останавливал приток и свежих сил и новых средств в Центр Союза. Пламенные воззвания и подписные листы реально результатов приносили мало. Упреки Адамовича по адресу социалистической интеллигенции за ее апатичное отношение к столь важному общесоциалистическому делу массового успеха не имели. Деморализованные репрессиями, моряки перестают в Александрии выходить на берег и отказываются брать с собою в Россию литературу. Чуть ли не единственным регулярным посетителем в этот период квартиры Адамовича в Александрии, в которой помещался Союзный Совет, остается перешедший с парохода «Николай II» на «Королеву Ольгу» бывший соратник Мгеброва

пресловутый «Жак», при каждом заходе своего парохода в Александрию аккуратно являвшийся в Центр.

В Александрии становится и душно и тоскливо. Подымается вопрос о перенесении Центра организации куда-либо поближе к берегам Балтийского моря, перспективы связей с которым становятся все более и более радужными. В связи с этим Адамович намечает на 15 июня 1913 г. созыв в Антверпене особого совещания по вопросу закрепления этих перспектив, на которое по его идее предполагалось приглашение уполномоченных от эстонской и латышской заграничных групп, от Антверпенского Союза, уполномоченного от Союза Транспортных рабочих Финляндии, а также некоторых пунктовых работников — Наума Гика из Перви, Клочко из Галаца, Брувера из Гулля, Костина из Швеции, уехавшего в Америку Пильщикова и др.

Совещание это было предположено приурочить ко времени имевшей состояться летом 1913 года очередной конференции Международного Союза Транспортных рабочих в Лондоне, на которую Адамович предполагал попасть в качестве представителя его русского отдела—Союза судовых команд.

Однако этим мечтам Адамовича осуществиться не удается, ибо днем 24 апреля 1913 года, по старому стилю, он и сопровождавшая его Екатерина Триппе внезапно арестовываются на улице Александрии, при выходе их с почты, начальником итальянской уголовной милиции порта.

Последним обращением к массам Союзного Совета перед арестом Адамовича является выпущенный им первомайский листок «Моряка» на 1913 год.

Текст этого листка гласил следующее:

«Товарищи моряки! Были годы, когда и мы в этот день, совместно с береговыми рабочими, бросали работу и присоединялись к великой армии пролетариев, борцов за право на труд, за право его полной оплаты. Но вот уже более пяти лет мы в этот день не выступали.

«Полный и безграничный произвол, не имевший рамок, не знавший пределов, русских правителей и управителей, заставляет нас последние годы праздновать этот день только душой, болью своего бессилия.

«Но довольно. Пора сбросить с себя наветы последних годов, пора шагнуть вперед. В день первого мая, когда весь мир труда всех стран бросит работу и выйдет на улицу, бросим ее и мы—русские моряки.

«Товарищи, первое мая—праздник рабочего люда. В этот день в далекие годы впервые собрались пролетарии всего мира на конгрессе и заявили, что рабочему люду всюду живется плохо, что он всюду недоволен, что нет таких стран и государств в мире, где бы в его жизнь не врывались голод, холод, борьба за кусок насущного хлеба, страх за завтрашний день.

«И с тех пор, вот уже 24 года, пролетарии всего мира в этот день бросают свою работу и выходят на улицу проверить свои накопленные за эти годы силы и показать свою непримиримую ненависть к существующему строю, покоящемуся на эксплоатации рабочего класса, на его нужде и бесправии.

«И в этот день по всему миру трепещет богач, живущий грабежом труда рабочего.

«В этот именно день повсюду мобилизует он армию для защиты своей священной частной собственности. И не раз этот день, единственный праздник рабочих, орошался кровью рабочих в городах всего мира. Но в этот же день содрогался и будет содрогаться трон золотого кумира, современного бога—«капитала», господствующего над миром, под ударами идей новой жизни труда и равенства всех трудящихся.

«Товарищи, беспросветна жизнь моряка. Вечная нужда, страх за завтрашний день, непосильный труд, жара ада в кочегарке, духота в кубрике, грызня администрации—это изо дня в день, целыми годами. Но в день первого мая освободим себя, товарищи, от всего этого. Врывающуюся весну с теплым солнцем, с зазеленевшими полями, нивами и садами, встретим с безмятежной радостью и с приветом всему оживающему от долгой спячки последних годов.

«Протягивая в этот день руки привета друг другу, скажем:—«С праздником первого мая, товарищи!»

«Товарищи, мы зовем вас всех на праздник труда. Мы зовем вас присоединиться к рядам пролетариата всего мира.

Мы зовем вас на однодневную мобилизацию, дать ответ на вопрос — «готовы ли вы к борьбе?»

«И пусть в нем участия не примут только те, кого этот праздник захватит в пути. Но и для них этот день пусть не пройдет как всякий другой.

«Пусть они отметят его, пусть помянут они, что этот день праздника, но в то же время день напоминания грядущей борьбе, и свой дневной заработок отдадут на подготовку боевых сил в боевой стачечный фонд.

«Да здравствует первое мая, да здравствует восьмичасовой рабочий день, долой войну и постоянную армию, да здравствует гражданское полномочие рабочего класса!»

После ареста Адамовича остатками разгромленной Черноморской организации, вместе с Антверпенским Союзом русских моряков за границей и Дунайской группой, Центр организации был воссоздан в Антверпене, в лице «Центрального Союза профессиональных организаций судовых команд России». Однако деятельность этого Центра была уже крайне слабой, и одним из его главных актов был выпуск в сентябре 1913 года последнего № 14-го газеты «Моряк».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После разгрома

(1913—1914 г.г.)

После разгрома.

Арест Адамовича 24 апреля 1913 г. в Александрии произошел по личному распоряжению министра иностранных дел, по поводу чего между Российским императорским правительством и правительством Великобритании и Египта предварительно произошла обширная дипломатическая переписка.

Состоявший в то время в Египте английским резидентом лорд Китченер довольно неохотно шел на удовлетворение предъявленного через него бутафорскому правительству египетского хедива требования русского правительства о выдаче последнему русских «анархистов», в лице уже арестованного в начале декабря 1912 г. в Александрии Мирского-Терского, жившего в Египте по паспорту аргентинского гражданина, и еще находившегося на свободе Адамовича, относительно русского подданства которого не только у местных властей, но даже у местного русского консула Петрова не было достаточно твердых данных.

Адамович жил в Александрии по паспорту баварского подданного Александра Каценельсона, и так как этот паспорт был настоящим, действительно выданным на это лицо в Берлине 1 мая 1911 г. и, к тому же, в содержавшемся в нем описании примет вполне сходился с внешностью Адамовича, то для лорда Китченера создавалась в этом деле довольно сложная обстановка.

Агентурные сведения, представленные ему русским консулом Петровым, определенно устанавливали тождество Каценельсона с Адамовичем, однако с этими данными, в случае поднятия шума о нарушении в Египте в отношении политических эмигрантов «права убежища», перед английским и европейским общественным мнением выступать было бы скандально.

Чтобы сломить в данном случае нежелание лорда Китченера впутываться в эту грязную историю, российское министерство иностранных дел обратилось непосредственно к сэру Эдуарду Грею с указанием, что оно настаивает на выдаче Адамовича и Мирского России как уголовных преступников, обвиняемых в уголовном порядке к подстрекательству русских моряков на взрывы пароходов и убийства лиц, принадлежащих к судовой администрации, каковое подстрекательство привело в 1906 году к убийству двух капитанов и взрыву на пароходе «Николай II». Русское правительство просило английское правительство сделать через своего резидента в Египте—лорда Китченера—соответствующее представление по поводу этого египетскому правительству и указать ему о праве русского правительства на удовлетворение его требования об аресте Адамовича и выдаче как его, так и арестованного уже Мирского в руки русского правосудия согласно тому пункту режима капитуляций, по которому проживающие в Египте русские подданные подлежат русской юстиции.

Получив соответствующее предписание из Лондона, лорд Китченер предоставил русскому консулу в Александрии, упомянутому выше Петрову, полную свободу действий, отдав предписание начальнику местной (итальянской) уголовной милиции содействовать Петрову в задержании Адамовича и во всех прочих вытекающих отсюда действиях.

Ход дальнейших, разыгравшихся в Александрии событий арестованная вместе с Адамовичем Екатерина Тришне в адресованном на мое имя письме описывает в таких словах:

«7 мая 1913 года по новому стилю агент охраны арестовал на улице, по пути на почту, Адамовича и меня, усадил на извозчика и отправил в префектуру. Меня, как швейцарскую гражданку (по мужу) отпустили через 24 часа, а Адамовича перевели в тюрьму. Адамович проживал по паспорту германского подданного Каценельсона, а корреспонденцию получал до востребования на имя Песочинского. При допросе меня русским консулом, этот последний все усилия направлял к тому, чтобы выяснить, кого он арестовал—Адамовича или Песочинского, а я утверждала, что это Каценельсон.

«С Адамовичем, сидя с ним вместе при полиции, мы условились, что я приму все меры к тому, чтобы задержать его отправку в Россию, выиграть этим время и, если окажется возможным, организовать его побег из тюрьмы. Между тем русский консул в конце концов решил, что все равно, кого он арестовал—Адамовича или Песочинского,—важно то, что это «фигура крупная». Консульство я посещала каждый день, передавая письма Адамовичу. Дня через три-четыре прибыл русский пароход. По настроению в консульстве видно было, что Адамовича отправят с этим пароходом. На пароходе была приготовлена для кого-то под каюту ванная комната, что мне лично передали матросы с парохода. Тогда я бросилась в немецкое консульство заявить о том, что арестованного немецкого подданного отправляют в Россию... Выслушав меня, немецкий консул резко заявил, показывая мне переданный ему из русского посольства паспорт Адамовича на имя Каценельсона, что этот паспорт поддельный и подписи на нем подложные. Это меня взорвало, так как паспорт был самый настоящий, и говорить так было явно недобросовестно. Я сказала консулу, что он врет, хлопнула дверью и ушла. Приехав затем прямо на пароход, я переговорила с некоторыми товарищами матросами, и мы решили, что я поеду с ними, чтобы дорогой устроить Адамовичу побег. Я пробыла на пароходе до того момента, пока не сняли сходни. Адамовича не привезли. Выдав себя за провожавшую какого-то родственника, не заметившую отхода парохода, я попросила капитана меня спустить на берег. Впоследствии я узнала, что немецкий консул, озадаченный моей резкостью, задержал отправку Адамовича до более серьезного выяснения личности арестованного.

«Адамович сидел в тюрьме «Хорди», в камере № 620, и после этого у меня с ним была налажена нелегальная переписка. Тогда-то им было передано мне письмо—обращение к английскому народу, которое было переведено на английский язык одним из местных анархистов, лично знавшим Адамовича, им же отправлено в Лондон для распубликования в английских газетах и представления Эдуарду Грею.

«В одном из писем Адамович уведомил меня о возможности побега из тюрьмы и просил доставить ему револьвер, а

также быть кому-либо около тюрьмы с велосипедом. Через местных анархистов все было приготовлено к побегу, при чем с велосипедом к тюрьме стал один итальянец. В тот момент, когда Адамович взобрался на тюремную стену, один из заметивших это уголовных закричал—«держите». Адамович заторопился, неудачно спрыгнул, зашиб ногу и, держась за ушибленное место, пробежал мимо итальянца, а тот, не зная Адамовича в лицо, пропустил его мимо. Когда оба сообразили, в чем дело, и Адамович схватился за велосипед,—было уже поздно. Адамович был взят, а итальянец успел затеряться в толпе, откуда ему показалось, что сторожа, вместе с обступившими, начали бить Адамовича, после чего его на руках понесли в тюрьму.

«Узнав об этой неудаче и о том, что Адамовича били, я снова явилась к русскому консулу и потребовала, чтобы меня немедленно пропустили в тюрьму. Получив отказ, я, с общего совета товарищей анархистов, о всем происшедшем послала за своей подписью телеграмму лорду Китченеру в Каир, откуда на следующий же день прибыла для расследования по моему заявлению специальная комиссия. В результате русский консул снова вызвал меня, дал свидание с Адамовичем и очень волновался по поводу поднятого мною шума.

«В этот же день утренний выпуск только что начавшей выходить в Каире газеты «левого направления» (анархической) крупными буквами на первой странице опубликовал яркое извещение о неудачном побеге Адамовича, о его избиении и участии в этом деле русского консульства. Шум вокруг ареста политического и истории его неудачного побега взбудоражил рабочих... В порту среди рабочих вспыхнуло волнение, выразившееся в шумных собраниях на берегу с возгласами и угрозами по адресу русского консула, окружившего, в связи с этим, консульство вооруженной охраной. Поднявшая шум каирская газетка распоряжением лорда Китченера была закрыта. Кроме этой газетки, в Каире и Александрии выходило много и других газет, на немецком, французском, английском и других языках, но ни одна из них ни словом не упомянула об аресте. Когда я пришла в редакцию одной французской газеты с просьбой повести

кампанию против ареста и выдачи в Россию политических, то редактор, встретивший меня очень радушно, наотрез отказался что-либо печатать в своей газете об аресте, мотивируя это тем, что все редакции местных газет получили предписания от представителей своих государств ни слова не упоминать об аресте под угрозой высылки из Египта в 24 часа. Он предлагал денежную помощь, но я отказалась ее принять.

«Чтобы успокоить возбужденное общественное мнение, русский консул через английскую газету в Александрии официально выступил с разъяснением от имени русского консульства, что Адамович вовсе не политический, а уголовный преступник, и что он уже отправлен в Россию. Это дало мне возможность выступить в той же газете с опровержением, к которому мною было приложено легально полученное мною в день консульского разъяснения от Адамовича из тюрьмы письмо, с печатью и указанием его отправки тюремной администрации, что разоблачало ложь русского консула.

«Желая избавиться от моего присутствия в Египте и не имея возможности арестовать меня, как швейцарскую гражданку, русский консул сочинил на меня донос французскому консулу, у которого швейцарские граждане в Египте визировали свои паспорта, как на опасную анархистку, подготовляющую нападение на русское консульство и издающую в Александрии русскую анархическую газету «Моряк».

«Я была вызвана к французскому консулу, и, когда он увидел меня, был очень поражен моим «европейским» видом и сразу же усумнился в моей принадлежности к анархистам. Из разговоров он понял, что введен в заблуждение, но посоветовал мне прекратить в Александрии всякую работу, иначе он не ручается за то, что местная полиция при своей «примитивности» не наделает массы всяких «небезопасных для меня неприятностей».

«Вскоре после этого Адамович был отправлен в Россию. Опять о приготовлениях к отправке мы узнали раньше и уговорились с матросами парохода «Николая II», что, если Адамович будет доставлен на пароход, они мне дадут об этом знать, и я поеду с ними. Однако, пока пароход стоял

у берега, Адамовича не привезли, и мы получили сообщение, что привезут прямо на рейд. С одним товарищем-анархистом мы взяли лодку и отправились в море к пароходу, но нас догнала лодка с начальником уголовной милиции, который предупредил, что, если мы будем приближаться к пароходу, в нас будут стрелять. Делать было нечего. Пришлось остановиться вдали от парохода. Мы видели, как к остановившемуся в открытом море пароходу подошла лодка, с парохода спустили трап, и из лодки вышли Адамович, раздетый и босиком, и с ним Мирский...

«После, из письма Адамовича, я узнала, что в Александрийской тюрьме он был взят прямо с постели, ему не дали даже одеться...»

В то время, как в Александрии разыгрывались эти события, письмо Адамовича к английскому народу было перепечатано всей рабочей прессой Англии и перепечатано во всей Европе. В Лондоне рабочее движение против ареста и предполагавшейся выдачи Адамовича приняло такие широкие размеры, что Макдональду от имени рабочей партии пришлось в Нижней Палате предъявить запрос по этому поводу правительству Великобритании. Используя случай с Адамовичем, рабочая партия подняла вопрос о совместимости с престижем английской демократии режима капитуляций в Египте, фактически находившегося в положении оккупированной английской провинции. Стал на очередь вопрос об отмене этих капитуляций и ограничении прав европейских резидентов в Египте в отношении тех их требований, которые будут расходиться с английскими законами. В связи с этим возбуждение стало охватывать и широкие круги египетских автономистов, всецело присоединившихся к кампании, поднятой английской рабочей печатью, и в Лондон стали поступать из Египта донесения, вызвавшие серьезные опасения в правительственных сферах. Инцидент с Адамовичем или, вернее, с поведением в его дело распоряжавшихся за правительство хедива лорда Китченера и русского консула стала муссировать и турецкая печать, указывавшая в своих статьях на унизительное положение египетского правительства, на бесправие его пред лицом оккупантов и недоверие к нему широких масс египетского населения.

В связи с этим из Лондона были затребованы объяснения от лорда Китченера, который в ответ на это в середине мая 1913 года опубликовал в каирских газетах текст своей докладной записки сэру Эдуарду Грею о положении в Египте.

В своей записке, стремясь успокоить общественное мнение Египта, лорд Китченер выражает пожелание об одобрении державами, пользующимися в Египте особыми правами, вытекающими из режима капитуляций, политической реформы смешанных судов и расширения соответствующим образом полномочий египетского законодательного совета.

Эта «политическая реформа» с молчаливого согласия «держав» и соизволения лорда Китченера была законодательно проведена в жизнь декретом хедива ровно через месяц после выдачи Адамовича и Мирского России—в первых числах июля 1913 года.

Что же касается самой выдачи «русских преступников», то в ответ на интерпеляцию в Нижней Палате Макдональда сэр Эдуард Грей заявил, что пока режим капитуляций в Египте не видоизменен, он не в силах воспротивиться праву России подвергать действию своей юстиции ее подданных, находящихся на территории Египта, но что им будут приняты все меры к тому, чтобы выяснить вопрос о том, являются ли выданные России лица действительно только политическими эмигрантами. Если это будет установлено, английское правительство сочтет своим долгом интересоваться дальнейшей судьбой арестованных с тем, чтобы к ним не были применены статьи, угрожающие смертной казнью.

В связи с этим между английским и русским правительствами возникла новая переписка об условиях выдачи России Адамовича и Мирского, в результате которой английский представитель в Одессе получил право ознакомления со всем следственным материалом их процесса и присутствия на самом процессе.

Результатом такого соглашения было изъятие по распоряжению из Петрограда из следственного материала документов о непорядках и революционном движении в русском военном флоте на Черном море, о чем знать англичанам не надлежало, а это привело к тому, что и в обвинительном акте ни

одному из обвиняемых не была инкриминирована работа в военном флоте, от защиты каковой обвинения царское правительство «по дипломатическим соображениям» решило отказаться.

В статье Алексинского в петроградской «Правде» от 17 мая 1913 года за № 112, под заглавием: «Еще одно нападение» приводится в выдержках текст вызвавшего такой шум в Европе открытого письма Адамовича к английскому народу, взятый Алексинским из французских газет.

«Я русский,—писал в этом письме Адамович. Пять лет тому назад я покинул Россию, уплатив все свои долги русскому правительству: после годичного предварительного заключения я судился и был оправдан. Выйдя из тюрьмы, я покинул свою родину, Россию, и с той поры моя нога не переступала русской границы. Полтора года тому назад моряки торгового флота Черного моря, председателем профессионального союза которого я был в 1906 году, предложили мне издавать для них орган чисто рабочий и профессиональный. Я принял это предложение и приехал в Константинополь. В течение года моряки доставляли мне денежные средства и материал, необходимый для издания «Моряка».

«Чтобы избежать штрафов и конфискаций, я издавал эту газету не в России, а в различных городах Европы (Вена, Париж). Ни одного номера не было издано в России.

«Когда вспыхнула балканская война, я переехал из Константинополя в Александрию, чтобы продолжать здесь свое дело. После пятимесячного пребывания здесь, в тот момент, когда я готовился покинуть Александрию и ехать в Европу, я был арестован по доносу и по требованию русского консула. Какую участь готовили мне, в этом нельзя сомневаться—выдачу русским властям, передачу в руки русского правительства и... каторгу.

«Но раньше, чем быть заживо погребенным в казематах Сибири, я хочу знать, на основании какого закона меня выдадут... Я обращаюсь с этим вопросом к английскому народу, которому я доверился, приехав в Александрию... Я не знал и до сих пор не знаю, является ли по здешним законам преступлением сидеть в своей рабочей комнате и писать статьи о жизни русских, немецких, английских и

других моряков для русских журналов, издающихся в Вене или Париже...

«Я не прошу милости. Я требую справедливости... Я жду в своей тюрьме—захочет ли английский народ, чести которого я доверился, запятнать себя делом, в котором задеты справедливость и закон, или он предпочтет омыть свои руки от этого дела...»

«Английский народ,—заключает свою статью Алексинский,—в лице социалистического пролетариата, уже дал свой ответ. В Англии собираются митинги протеста. В прессе ведется агитация. В парламент внесен запрос. Английские социалисты не оставят на произвол судьбы и полиции своего русского товарища».

С большой помпой и торжественностью был обставлен переезд Адамовича и Мирского из Александрии в Одессу. Посадкой на пароход руководил специально командированный из Одессы в Александрию для этого начальник одесского сыскного отделения статский советник фон-Кюгельген. Начальник местной сыскной полиции, как мы видели из рассказа Е. Триппе, блокировал со своей стороны порт. На рейде, охраняя обращенный в плавучую тюрьму пароход «Николай II», стояли два русских миноносца, на которых со своими агентами прибыл доблестный фон-Кюгельген. Сразу же по прибытии на пароход на Адамовича и Мирского были одеты ручные кандалы; около каюты, в которой они были размещены, и в самой каюте бессменно во все время переезда дежурила вооруженная военная охрана. Подняв Адамовича и Мирского прямо с постели, александрийские и русские сыщики скрутили им руки и, подгоняя пинками, вбросили в карету, которая вскачь, окруженная вооруженным отрядом конной жандармерии с ружьями на изготове, понеслась к порту, в отдаленную от города его часть. Там арестованных ждал моторный катер, и, когда он отчалил, у арестованных было уже полное убеждение, что их везут для передачи на русское военное судно, которое стояло в порту на рейде.

Оба миноносца конвоировали арестованных до самой Одессы, но в качестве «уголовных» они ехали только до Константинополя.

В Константинополе арестованных встретил и принял от фон-Кюгельгена известный москвичам по своей деятельности в московской охранке, в то время назначенный начальником одесского жандармского управления, полковник отдельного корпуса жандармов П. П. Заварзин.

В Константинополе же к арестованным был присоединен еще один товарищ, попутно схваченный в Турции. В корреспонденции из Одессы «Правды» от 5 июня 1913 г. этого товарища называют Масловым, в корреспонденции «Одесских Новостей»—Александром Одоевским.

Подробности этого переезда нам рассказал в Москве, при случайной встрече в 1922 году, Мирский. Они были опубликованы за границей во втором пламенном послании Адамовича, уже из Одесской тюрьмы—«К морякам всего мира».

Прибытие арестованных в Одессу «Одесские Новости» описывают в заметке «Выданные египетским правительством» в таких чертах:

«В Одессу вчера на пароходе «Николай II» Русского О-ва Пароходства и Торговли, под усиленным конвоем полицейских чинов доставлены были из Александрии (Египет) арестованные там—Михаил Адамович, Владимир Терский (Мирский. *Е. В.*) и Александр Одоевский (по «Правде»—Масл в[1]). *Е. В.*) Из них Адамович, известный под именем К. Арла в промежутках времени с 1905 по 1907 годы пребывания в Одессе, являлся одним из инициаторов и главных руководителей дважды организованной здесь Регистрации судовых команд черноморского торгового флота и, как говорят, одним из вожаков часто вспыхивавшего тогда забастовочного движения среди команд. На сходках бастовавших судовых команд Адамович являлся в роли председателя и виднейшего оратора. Впоследствии Адамович появился в Египте и, живя преимущественно в Александрии, по слухам, организовал тайную пересылку оттуда на пароходах в Россию запрещенного журнала «Моряк» и другой революционной литературы. Арестован Адамович в Александрии на улице. Друзья Адамовича протестовали против

[1]) Одоевский-Маслов был взят на борт парохода в Константинополе. Кто он такой и какова была его дальнейшая судьба, установить не удалось. *Е. В.*

ареста и выдачи К. Арла России, но сэр Эдуард Грей сослался на капитуляции, в силу которых русские подданные в Египте подведомственны русской юстиции. Не помогли ни митинги рабочих в Англии, ни интерпеляции в парламенте. Арест был признан законным, и Адамович был выдан России».

«...Все трое арестованных в ручных кандалах. Для сопровождения Адамовича в Россию своевременно выехали в Александрию начальник сыскного отделения и усиленный конвой. Для наблюдения за охраной в Константинополе встречал Адамовича начальник жандармского управления и другие чины. Пароход Русского О-ва Пароходства и Торговли «Николай II», везший Адамовича, сопровождался из Константинополя двумя миноносцами. Одесский порт ко времени прибытия парохода «Николай II» был положительно запружен конной и пешей стражей. Снятый с парохода Адамович доставлен в тюрьму под усиленным конвоем». («Правда» № 117 от 5 июня 1913 г.)

Еще большие подробности опубликовало «Русское Слово». В корреспонденции из Одессы в эту газету от 6 июня 1913 г. в связи с прибытием арестованных из Александрии сообщалось следующее:

«...После долгих переговоров египетское правительство согласилось их выдать. Арест Адамовича сопровождался противодействием со стороны части жителей Александрии, а также иностранных моряков, угрожавших различными эксцессами.

С большими предосторожностями Адамович был переведен на пароход «Николай II»... Во время пути к Адамовичу были применены исключительные меры. Он был закован в кандалы и совершенно изолирован. У дверей его каюты все время дежурила вооруженная охрана. Ко времени прибытия «Николая II» в Константинополь туда выехал начальник одесского жандармского управления, ввиду полученных в Одессе сведений о готовившемся нападении на пароход с целью освобождения Адамовича. Пароход во всем пути сопровождался двумя миноносцами. Против Адамовича возбуждено дело по обвинению его в политических преступлениях. Ему вменяются в вину террористические покушения на некоторые суда».

Нечего и говорить о том, что никакого нападения на пароход «Николай II» и не предполагалось, что же касается слухов о намерении друзей Адамовича в пути как-нибудь освободить его, то эти слухи, повидимому, дошли до русской охранки со слов самой Е. Триппе, которую через несколько дней после ареста Адамовича посетил пресловутый «Жак», плававший в это время уже не на «Чихачеве», а на «Королеве Ольге».

Е. Триппе рассказывала «Жаку» об обстановке ареста, о попытке побега и о том, как она пыталась попасть на пароход «Николай II» и как вела с его матросами переговоры об освобождении Адамовича в пути.

Больше года протянулось со дня доставки Адамовича в Одессу до начала процесса по делу моряков в Особом присутствии Одесской Судебной Палаты с сословными представителями.

За это время для охранки, и раньше знавшей через своих провокаторов—Мгеброва, «Жака», Сергеенко и др.—достаточно хорошо дела организации, многое еще больше разъяснилось из захваченного ею в Александрии у Адамовича всего архива и всего делопроизводства Союза.

Богатейший исторический материал этого архива, перевезенный в Одессу, дал пищу для 38 томов следственного производства. По делу было привлечено 176 свидетелей, допрошено 76 обвиняемых, выяснено 68 лиц, оставшихся не разысканными, и выслано до суда в административном порядке, после того или другого количества месяцев предварительного заключения, свыше 300 моряков.

В следствии принимали участие упомянутый выше Начальник Одес. Жанд. Управления полковник П. П. Заварзин, Нач. Москов. Охранного Отделения полк. Мартынов, специально уполномоченный по политическому сыску в связи с делом моряков полковник Марциновский, жандармский вахтер Одесского порта Недоруев, помощник начальника Кутаисского Областного Жандармского Управления в Батумской области (фамилия не установлена), ротмистр Московского Жандармского Управления Ершов, помощник начальника Кубанского Облостного Жандармского Управления в Новороссийске (фамилия не установлена), помощник

начальника Таврического Губернского Жандармского Управления в Керчь-Еникальском градоначальстве и порте полковник Стеблин-Каминский, Александр; отдельного корпуса жандармов подполковник Караулов; отдельного корпуса жандармов подполковник Сергей Севериновский; Новороссийский полицмейстер Стаецкий; Новороссийский полицейский пристав Кононенко; жандармский ротмистр Кранивин и др.

«Честь разоблачения всего дела «Моряка» принадлежит главным образом—Заварзину, Марциновскому, Караулову и Севериновскому, вахмистру Недоруеву и провокаторам—Григорию Дорошенко («Жаку»), Георгию Мгеброву, Петру Сергеенко и Георгию Стаалю.

Содействовали им шпионы и предатели—Михаил Кядиков, Иван Щербаков, Петр Телятников, Павел Скляров, Петр Вовченко, Петр Гречаный, Яков Клячкин и Ефим Голобородько, Розелюк, Константин Кузьменко, Юстин Огиенко, Михаил Лебедев, Иван Ковба, Василий Туливеров, Иван Один, Петр Антоненко, Иван Томенко, Тимофей Удинский, Тимофей Бреус, Захарий Панов, Владимир Соболев, Алексей Алексеенко, Семен Ковалев, Яков Куперт, Иван Сирота, Кузьма Ковалев, Павел Бодюновский, Пантелеймон Головко и Диомид Криволан.

Из них Дорошенко, Сергеенко и Стааль для виду подвергались со стороны охранки арестам, но затем освобождались. Сергеенко, Стааль и Мгобров часто в деле упоминаются и им инкриминируются серьезные обвинения. Дорошенко же вовсе в число обвиняемых не включен.

Что касается шпионов по служебному положению и предателей по слабости, то наиболее значительные из них особо перечислены в одной из предыдущих глав. Часть их успела за собой замести все следы и уйти с белыми, часть уже заплатила за свое предательство и шпионство соответствующим органам охраны Пролетарской Революции. О судьбе командного состава этой братии нам ничего не известно, но, повидимому, от карающей руки истории из них не успел уйти пока лишь один—«стрелочник» в их компании—жандармский вахмистр Недоруев, расстрелянный в Одессе в 1918 г. по приговору Ч. К.

Судебное следствие вели и поддерживали обвинение по делу два товарища прокурора Одесской Судебной Палаты—Тодоровский и Бусло; ими же средактирован и обвинительный акт. Председательствовал в суде—Н. И. Демьянович.

Опрошенный в качестве обвиняемого 5-го и 15-го июля 1913 года Михаил Адамович, как констатирует обвинительный акт, —«последовательно в своем показании развил как общую историю Союза, так и эволюцию его политического направления».

Начало своей деятельности в «Союзе Черноморских Моряков» Адамович в этом своем показании относит к первым числам февраля 1912 года, когда он, по приглашению моряков, прибыл в Константинополь. Организации в это время никакой, по его словам, не существовало, а так называемую «Инициативную Группу» составляли лица, жившие на берегу, и некоторые моряки, пытавшиеся создать единую организацию; однако из их попытки ничего, кроме скандалов, не получилось.

Затем Адамович, твердо уклонившись назвать поименно деятелей этого периода, за исключением умершего Шавлы Натадзе и Мгеброва, говорит о том, что часть моряков хотела создать Союз строго профессиональный, а социалисты-революционеры с официальным их представителем—Натадзе задумали создать организацию общеполитическую. Командированный в Константинополь для ведения партийных дел Натадзе имел намерение создать Комитет, охватывающий сознательное и активное меньшинство как из моряков коммерческого флота, так и из матросов русского военного флота.

Он, Адамович, на свою задачу смотрел совершенно иначе. Конечной целью задуманной им организации моряков коммерческого флота он намечал экономическую забастовку, почему он в переговорах с Натадзе поставил два условия, без соблюдения которых он готов был уехать из Константинополя:

а) совершенно исключить из сферы деятельности намеченного Союза какое бы то ни было отношение к военным морякам и б) не составлять внутри новой организации никаких политических групп.

Натадзе списался по этому поводу с Центральным органом партии с.-р. и заявил Адамовичу, что он готов согласиться с такой постановкой дела, но устраняет себя от дальнейшего активного участия в делах морской организации, так как не желает отдавать своего времени на вопросы второстепенной важности. Если же он и останется в этом новом деле, то исключительно как представитель своей партии, в целях контроля деятельности Адамовича и его помощников.

В этом вопросе (отношений к планам эс-эров и взглядов на цели союза), по словам Адамовича, его поддерживало другое лицо, относительно которого он говорит, что оно незадолго перед тем прибыло на Черное море и что оно пользовалось влиянием у моряков. (Примечание следователя — «Под этим лицом следует подразумевать Александра Яковлева». *Е. В.*)

Адамович, по его словам, боролся против представительства каких бы то ни было партий в организации моряков, но с пребыванием в Центре Натадзе на указанных последним основаниях он согласился.

Между прочим Натадзе, в разговоре с ним, поведал ему, что вопрос об агитации среди военных моряков находится на точке замирания, и ему еще не удалось установить даже связей, так как все время его было поглощено занятием в новой организации, которая в то время с большим трудом выпускала в свет № 1 «Моряка».

Далее Адамович совершенно отрицает какое бы то ни было участия Заграничного Центра в сношениях с военными моряками. Никогда, по утверждению Адамовича, организация моряков не распространяла среди военных моряков нелегальной литературы, если же какому-либо военному моряку приходилось заходить к знакомому своему в кубрик коммерческого парохода, и он, увидав на столе газету «Моряк», просил дать почитать таковую, то, конечно, ему отказа в этом не было.

Адамович в дальнейшем своем показании настаивает, что необходимо отличать направление деятельности всей организации от направления газеты «Моряк».

В первом случае деятельность как руководителей моряков, так и всей массы последних носила строго деловой профессиональный характер, и никаких отступлений в сторону политики не делалось. Исключением может служить лишь обсуждение венских событий.

Иначе, говорит Адамович, обстояло дело с газетой «Моряк», и нельзя отрицать, что некоторые статьи ее могут быть трактуемы как политические.

Такое уклонение в сторону политики вызвано было совокупностью целого ряда условий.

С одной стороны, оно появилось, как продукт борьбы Центра и редакции газеты против стихийного стремления массы моряков сорваться на путь всяких крайностей и эксцессов, на которые их толкала деятельность в Союзе ряда сомнительных лиц, с другой—оно создавалось под влиянием интенсивного давления на Союз со стороны политических партий и отдельных сотрудников.

Попытка Адамовича создать строго профессиональный орган, по его словам, успеха не имела. Стали раздаваться со стороны моряков упреки против робкого тона газеты и выноситься резолюции вроде закрытия ненужной газеты и приобретения на средства организации оружия.

Ленский расстрел и некоторые другие события внутренней жизни России настолько подняли настроение масс, что получилась альтернатива—или сделать уступку в направлении газеты, или же пожертвовать ее существованием. Последнее же могло иметь своим результатом появление органов несравненно более резкого направления.

Переходя затем к обвинению в транспортировке нелегальной литературы, Адамович утверждает, что такого рода обвинение ни в коем случае не может относиться ко всей организации Черноморского Союза. Если такая транспортировка в действительности и имела место, то ею занимались отдельные лица за свой собственный риск.

Затем, Адамович, развивая взгляд на забастовку, говорит, что он поставил себе такую дилемму: если забастовка будет выиграна, то дальнейшее пребывание Центра за границей явится не только бесполезным, но и вредным, так как забастовка имела одним из пунктов своих домога-

тельств — добиться легализации Союза в России. С другой же стороны, если забастовка будет проиграна, Союз должен был бы прекратить свое существование, как не оправдавший стремления моряков.

Произведенная весной 1912 года анкета по поводу забастовки дала результаты, которые можно было считать началом конца.

Решено было перенести забастовку на 1913 год. Следовательно, являлась перспектива длительно поддерживать весь механизм организации с надеждой иметь в неопределенном будущем забастовку.

Такое положение было равносильно краху организации. Стало наблюдаться общее охлаждение к интересам дела и разочарование в возможности добиться конечной цели организации.

Настал период общего развала, сопровождавшийся яростными атаками против Центра и выражениями ему всякого рода неудовольствий. Атаки эти происходили часто на почве личных счетов, ничего общего с организационным делом не имеющих. Например, столкновения с Мгебровым и его партией. Появилось сознание, что нелегальная организация не может выполнять функций легального Союза. В то же время развилась агитация всяких выступлений. Трения в Центре усилились, и Центр распался.

Последующий период в деятельности Союза был направлен к тщательному изысканию средств добиться легализации Союза, так как в настоящем своем виде он стал заметно замирать.

Рассказанная Адамовичем правдоподобная история Союза и эволюции в нем настроений жандармами на веру, конечно, принята не была и заставила их с сугубой прилежностью заняться сверкой своих агентурных данных о Союзе и отдельных его деятелях с богатейшим архивным материалом, захваченным ими в Александрии.

Свыше трех месяцев продолжалась эта исследовательская работа, но зато 9-го октября 1913 года, уже не Адамович им, а они Адамовичу были в состоянии рассказать историю Союза со всеми подробностями.

И, пожалуй, не имей обвиняемые по этому делу неожиданного, хотя и молчаливого, защитника в лице «английского наблюдателя», то, пожалуй, эта историческая дискуссия сторон для них вышла бы боком.

При дополнительном допросе 9-го октября 1913 года Адамовичу поэтому не осталось делать ничего иного, как принципиально разойтись с жандармами во взглядах на историю вопроса, в общих чертах подтвердить свое первое показание и отказаться от объяснения как по поводу всех предъявленных ему по делу документов, так и по поводу всего отобранного у него на квартире в Александрии материала.

Ровно год еще после этого длилось следствие, которое, в сущности говоря, ничего не прибавило и не убавило к имевшемуся уже в руках жандармов и судебных властей материалу, и вот, в осенней сессии Особого Присутствия Одесской Судебной Палаты 1914 года дело было поставлено к слушанию.

Как не импозантны были события, потрясавшие как раз в это время, в разгар первого кровавого периода охватившей всю Европу империалистической войны, дело моряков приковало к себе внимание трудящихся по обе линии фронта, и рабочая пресса всего мира отозвалась на него живыми откликами.

Лично мною посланные из Болгарии (тогда еще нейтральной) заметки и статьи о процессе в социалистическую печать как Франции, так и держав Центрального Союза, а также два моих воззвания-письма по поводу процесса и выдачи Адамовича, опубликованные в бурцевском журнале «L'Avenir», были тепло встречены в этих странах и уже из их газет перепечатаны в газетах нейтральных стран и Англии.

В России же процесс моряков вызвал к себе особо напряженное внимание, заставив даже архи-кадетскую газету «Одесские Новости» оценить его значение в таких словах:

«Процесс матросов Черноморского коммерческого флота относится к тем явлениям общественной жизни, интерес к которым не утрачивается в течение долгого времени».

Обстановка процесса, по словам той же газеты, была импозантная:

«Весь интерес сессии суда сосредоточен на процессе 70 моряков Черноморского коммерческого флота. Зал уголовного департамента совершенно преобразился... Интерес к процессу возрастает по мере приближения к рассмотрению его по существу...» и проч.

А между тем состав подсудимых, отсутствие между ними «громких имен», за исключением Адамовича, оказавшихся вне пределов досягаемости для царского правосудия, казалось, никакого интереса не возвещал:

«Обвиняемые, преимущественно среднего возраста, принадлежат к крестьянскому и мещанскому сословию. В коммерческом флоте они исполняли обязанности кочегаров, машинистов и матросов. Среди них лишь один—Давид Едыткин, 22 лет, лишен прав по политическому делу. Один дезертир, один—турецкий подданный. Большинство подсудимых малограмотные, самоучки, окончившие народные и церковно-приходские школы... Многие из них... простые рабочие. Среди них только три интеллигента—Михаил Адамович, Адольф Иоффе и Николай Рабинович. Четвертая «интеллигентка»—Вера Апостолова—скрылась до суда за границу».

Чисто пролетарский процесс—первый массовый процесс, если не считать военных процессов в Кронштадте и Севастополе в 1912 году, после Революции 1905—1907 годов.

Процесс без всякой вооруженной борьбы, без бомб и налетов; процесс людей с мозолистыми руками, шедших завоевывать себе свободу стачек и коалиции, шедших на самодержавие и капиталистов тихим и осторожным, но мощным пролетарским напором.

Что это такое—случайная вспышка, раздутая охранкой канитель или знаменье времени, первый, еще легко отраженный жандармской рукой, удар грома по существующему строю?

Что это за маленькие безыменные люди, заставившие заговорить о себе весь мир?

И одни ли они—кто за ними, кто их союзники и вожди?

В кулуарах суда, среди защитников узнают и слышат знакомые по 1905 году имена—Троцкий, Чичерин, Алексинский (тогда еще большевик), Горький, какие-то загадочные, но произносимые с уважением латышские и эстонские

имена, — все это «неразысканные», все это штаб не только прошлой, но и грядущей неизбежной революции.

Поневоле интерес к процессу рос все больше и больше «по мере приближения к рассмотрению его по существу».

И уже на самом процессе возникают острые инциденты.

Едыткин и Мирский, он же «народный поэт Терский», космополит-анархист с аргентинским паспортом, отказываются от защиты.

Первый — по принципиальным соображениям, второй мотивирует свой отказ, извиняясь предварительно перед всем составом защиты так: «Я отказываюсь от защиты потому, что не желаю обращать зал так называемого русского правосудия в спорт красноречия защитников». Подсудимый пытается сказать еще что-то, но председательствующий его прерывает.

Резко отвечает на вопросы председателя маленькой, тщедушный, харкающий кровью Едыткин:

— Сколько Вам лет?

— Лет не помню.

— Но считаете себя совершеннолетним?

— Полагаю.

— Где родились?

— Не знаю.

— А где провели детство?

— Везде, шлялся по всей России.

— Получили ли обвинительный акт?

— Вручали что-то, но я не интересовался. Отказался принять.

— Но вам, значит, вручали?

— Быть может, не интересовался.

Внятно и отчетливо, с сознанием собственного достоинства отвечает Адамович. Ему 32 года, сын титулярного советника, будучи студентом Московского университета, в феврале 1902 г., в числе 115 студентов, был арестован во время студенческих беспорядков и по утвержденному 7 марта того же года постановлению Особого Совещания подвергнут тюремному заключению на 5 месяцев. Проживая далее в Екатеринодаре, в период революционного движения 1905 года, Адамович принял в нем самое деятельное уча-

стие. Принимал между прочим участие в железнодорожной забастовке, бывшей в Екатеринодаре в декабре 1905 г., по какому делу и был привлечен к дознанию в качестве обвиняемого по 129 ст. Уг. Ул., но до суда скрылся. В тот же период Адамович был предан суду по обвинению в покушении на убийство пристава г. Екатеринодара, но приговором Особого Присутствия Новочеркасской Суд. Палаты от 23 сентября 1908 г. был оправдан по этому делу. Проживая перед тем в г. Одессе нелегально по подложному паспорту, Адамович состоит членом Р. С.-Д. Р. П. и председателем Морской Регистрации в начале 1906 г. Осенью того же года он возглавляет Статечный Комитет моряков и проводит их забастовку. Арестованный 27 ноября того же года, он постановлением Одесского ген.-губернатора от 12 июня 1907 года высылается под гласный надзор в Вологодскую губ. на два года, но оттуда бежит обратно в Екатеринодар, где, проживая по подложному паспорту, организует «Комиссию по освобождению из тюрьмы политических арестантов». Комиссия эта была им составлена из представителей разных партий, до группы анархистов-коммунистов включительно, снабжавших комиссию деньгами. Вследствие произведенных в Екатеринодаре ликвидаций групп анархистов-коммунистов и социал-демократов, члены этой Комиссии из г. Екатеринодара, а вместе с ними и Адамович, скрылись, при чем Адамович эмигрировал за границу.

Такова справка о подсудности главного лица в процессе.

Затем — Яковлев Александр, мещанин г. Смоленска, 27 лет, за ним старых грехов мало—только ссылка на два года в Вологодскую губ., да «агентурные сведения» о принадлежности к Р. С.-Д. Р. П. Далее—потомственный почетный гражданин Адольф Абрамович Иоффе, 29 лет, по негласным сведениям состоял в 1912 году членом Одесского К.та Р. С.-Д. Р. П., ввиду чего 8 июля того же года был арестован на ст. Бирзула и постановлением М-ства Внутренних Дел был выслан в северные уезды Тобольской губ. под гласный надзор полиции на три года.

Николай Семенович Рабинович, 30 лет, в 1902 году исключен из Новороссийского университета за участие в студенческих беспорядках: в июле 1905 г. был задержан

в Варшаве с транспортом нелегальной литературы, дело по амнистии прекращено; в 1906 г. выслан на четыре года за границу за неблагонадежность; в 1909 г., проживая в Дрездене, Рабинович привлекался германскими властями в качестве обвиняемого по делу о проживающих в Германии лицах, принадлежащих к образовавшейся в Дрездене русской группе Р. С.-Д. Р. П.; в июле 1912 г., по негласным сведениям, имел прикосновенность к Одесской организации Р. С.-Д. Р. П.

Авива Павлович Михненко, мещанин г. Бериславля, Херсонской губ., 29 лет, в 1902 г. привлекался при Херсонском Губ. Жанд. Управлении к дознанию по обвинению в принадлежности к Р. С.-Д. Р. П. и участии в Стачечном К-те доковых рабочих Одесского порта в 1912 г.

К сожалению, в дальнейшем «по независящим обстоятельствам» газетные отчеты о процессе моряков печататься приостанавливаются, и потому в данном изложении оказывается невозможным для меня, на суде не присутствовавшего, восстановить картину того, что происходило во время процесса в зале суда.

Единственный характерный инцидент, разыгравшийся на процессе, запомнился мне со слов одного сопроцесника о том, как был смущен суд разоблачением Ткаченко-Кравченко попытки одесской охранки соблазнить его на провокацию среди военных моряков.

Ткаченко, Александр Филиппович, мещанин г. Ростова-на-Дону, в 1906 году бежал с военной службы и после долгих странствований оказался на службе в Добровольном флоте в качестве кочегара парохода «Могилев», на котором он был 31 декабря 1912 года, под именем Степана Кравченко, задержан жандармскими властями, как деятельный работник морского Союза. Когда его личность была установлена и состоялось предание его суду за двукратный побег с военной службы, помимо уже имевшегося у него процесса по делу «Моряка», малый загрустил. И вот, почти накануне начала процесса моряков, охранка его уговаривает, обещая ему полную амнистию по всем делам, поехать с прокламациями к знакомым ему военным морякам в Севастополь и спровоцировать их на то, чтобы они взялись эти прокла-

мации в военном флоте распространить, а ему самому остаться при них «внутренним осведомителем». Ткаченко согласился, был выпущен из тюрьмы, но, получив на руки крупную сумму денег, вместо того чтобы ехать в Севастополь собрал своих товарищей моряков и на все охранные деньги устроил в одном из морских кабачков Одесского порта пир, рассказав своим приятелям и о том, как он вышел на волю и на что получил деньги и как он решил надуть охранку. В этом же кабаке, после хорошей драки с полицией, Ткаченко был вновь арестован, а когда в охранке узнали в чем дело, то его еще избили дополнительно, и на процесс он явился немного в попорченном виде.

И вот, когда очередь дошла давать ему показания, он, для характеристики того, как охранка создает процессы, и рассказал свою историю, называя все имена, застав своим рассказом все «Особое Присутствие» врасплох.

Получился скандал.

2-го октября 1914 года начался слушанием процесс и только 9-го закончился.

Результаты его выразились в следующем приговоре:

1) Дело о неявившихся на суд, скрывшихся от суда уже во время следствия, после того как по отношению к ним была изменена так называемая мера пресечения, постановлено выделить. Таких оказалось шесть человек: Вера Апостолова, Николай Федоров, Яков Мордвинов, Алексей Яновский, Николай Костыркин и Андрей Мандрыкин (1 интеллигентка и 5 матросов).

2) Также выделено в особое производство дело о привлеченных к дознанию в качестве обвиняемых по 102 ст. I ч. Уг. Ул. в числе 64 человек «неразысканных» работников Союза.

В эту группу вошли, с одной стороны, лица, принадлежавшие к различным социалистическим партиям, с большим подпольным стажем—береговые работники организаций, с другой стороны—эмигрировавшие из России моряки.

Особняком от них стоят несколько случайных и вредных для дела организации лиц—Мгебров, его жена Рахиль Чалык, Сергеенко и Стааль, о которых достаточно говорилось в предыдущем изложении.

К первой категории принадлежали—Алексинский, Григорий Алексеевич, Амир-Адания-Оглы, Аничкин Дмитрий, Бастричев Петр Павлович, Бронштейн (Троцкий) Лев Давыдович, Браун Адольф, Брувер Роберт, Варника Иоганн, Волков Евгений, Волкова Ольга, Волховской Феликс Вадимович, Воронов (Лебедев) Борис Николаевич, Гик (Нахман) Наум Моисеевич, Глотов Яков Александрович, Деревицкий, Зауэр (Маркел или Задер), Коганович Давид, Кескилла, Киви, Клочко Александр Иванович, Лютц Август, Нагродский Николай Владимирович, Попов Тимофей, Семковский С. Ю., Триппо Екатерина (Михайлова), Чичерин (Орнатский или Баталин) Георгий Васильевич—всего 26 человек, из них принадлежавших и в данное время принадлежащих к разным фракциям Р. С.-Д. Р. П., в том числе и к Р. К. П. 18 человек и к социалистам-революционерам—8.

К этой же категории должны быть отнесены и таинственные, следствием не разгаданные, псевдонимы—«Тоня», «Фозито», «Николай», «Степан», «Марк Торосов», «Викентий» и «Пижекжектор».

Ко второй категории—категории эмигрантов моряков—относятся: Босенко Дмитрий, Беляков Михаил Никифорович, Воротило Гордей Никитич, Григорьев Емельян, Григорьев Николай, Древцов Николай, Заблудный, Здрийковский, Иванов, Костенко Афанасий Степанович, Костин Александ Иванович, Кузьменко Павел, Неровный Андрей, Пильщиков Петр Михайлович, Пустяков Даниил, Рожок, Ростков, Славин, Смирнов, Софийчук Петр Онисимович, Чабан Лука Адамович, Чернышенко Андрей, Шпаковский Антон Федорович, Шестопалов Василий и Яремченко Трофим Яковлевич.

Этим исчерпывается список недопрошенных за верозыском и допрошенных, но уклонившихся от явки в суд.

В него не вошли упоминаемые в обвинительном акте «Александр Иванович», в конце 1912 года приехавший из Киева работать по союзу в Одессу, умерший до начала следствия—Шавла Натадзе,—анархисты—Окунев и Михаил Сумяцкий, а также провокатор «Жак», он же Георгий Дорошенко, и Мягков, Ефим Дмитриевич.

Кроме того тов. Гик дополняет этот список двумя видными деятелями З. Б.—т. Лозовским и т. Павловичем (Волонтером), оказывавшим и делу Союза большие услуги.

Далее идут категории привлеченных к процессу и судившихся. По степени суровости приговора мы их разделяем на следующие группы:

I. В отношении двух обвиняемых, получающих по I ч. 102 ст. Уг. Ул. ссылку на поселение, А. Иоффе и Мирского, возбуждаются дополнительные дела. В отношении первого по той же I ч. Уг. Ул. по обвинению в принадлежности к Р. С.-Д. Р. П., в отношении второго—по обвинению в бродяжничестве.

II. Бывший рядовой 157 Имеретинского полка А. Ткаченко, также получающий по I ч. 102 ст. Уг. Ул. ссылку на поселение, дополнительно привлекается к военному суду за двукратный побег с военной службы.

III. Трое обвиняемых—Д. Едыткин, М. Киркорианц и А. Лаврушин—по I ч. 102 ст. получают каторжные работы, первый на 10 лет, остальные на 4 года.

IV. М. Адамович, А. Яковлев, А. Варлашев и моряки—П. Доценко, А. Кусков, П. Никифоров, Н. Костенко, А. Михайлов, В. Гораин, С. Неделька, П. Бенько и Л. Беломестный—всего 12 человек по I ч. 102 ст. получают ссылку на поселение.

V. Моряк И. Иващенко, по 2 п. 132 ст. (за распространение и хранение прокламаций) присуждается на 2 года крепости.

VI. На 1 г. и 4 мес. крепости по той же статье присуждаются моряки—П. Скрипка, А. Чернышев, Л. Пархоменко, Е. Яблонский, С. Замша и по 2 п. 129 ст. (за произнесение антиправительственных речей)—И. Сомов, А. Бодзевич, И. Коломийц, И. Гидулянов и П. Мельников. Всего на 1 г. и 4 мес.—10 человек.

VII. На 1 год крепости: по 2 п. 129 ст.—В. Кулик, С. Баженов, И. Мерва, Н. Гордиенко, А. Горбань, Е. Дальниченко, А. Москаленко, О. Назар и Е. Давыденко; по 2 п. 132 ст.—С. Соколовский, В. Уханов, А. Оврях, Т. Шаповалов, Е. Юхновский, В. Околот, С. Беляев, С. Фурман, Т. Вернигора, А. Ягеллович, А. Щукин, Ф. Лысенко, В. Бог-

дзевич, И. Лупа, И. Абосьев и Д. Моисеенко. Всего на год крепости—25 человек.

VIII. На 6 мес. крепости по 2 п. 132 ст.—М. О. Рыжов.

Итого из 70 человек обвиняемых приговор получают 55 человек и 15 по суду считаются оправданными.

В заключение проанализируем внутренний состав привлеченного к процессу контингента...

Из общего количества подсудимых, прошедших через следствие в число 74 лиц, первое место занимают украинцы (44 чел., или 58,1%); второе — русские (21 челов., или 28,3%) третье—евреи (7 чел., или 9,5%); остальные народности—литовцы, поляки и армяне составляли всего 4,1% общего числа подсудимых этой категории. По группам они распределялись так:

I. По национальности:

национальность	Всего	%
украинцев	42	58,1%
русских	21	28,3%
евреев	7	9,5%
прочих	4	4,1%
Всех . . .	74	1000%

II. По национальности и социальным признакам:

Национальность.	Крестьяне.		Мещане.		Прочие.		Неопределен.		Итого.		Примечание.
	абс. ч.	%	абс. ч.	%	абс. ч.	%	абс. ч.	%	абс. ч.	%	
Украинцев.	33	79,1	8	16,3	1	4,6	—	—	42	100	„Крестьяне“ — преимущественно отхожие из деревень рабочие. „Мещане“—оседлый городской пролетарий, ремесленник и мелкий торговец. В числе „прочих“ — выходцы из дворян, купцов, из духовного звания и категории „свободных профессий.
Русских.	11	52,4	7	33,3	3	14,3	—	—	21	—	
Евреев . . .	2	28,6	1	14,3	3	42,8	1	14,3	7	—	
Прочих. . .	2	50,0	1	25,0	—	—	1	25,0	4	—	
Всего. .	48	66,2	17	21,6	7	9,5	2	2,7	74	—	

III. **По месту рождения:** больше всего уроженцев дала Херсонская губ. — 11 челов., или 14,9% общего числа

второе место занимает Полтав. губ.—8 чел., или 10,8%; третье—Киевская губ. — 7 чел., или 9,5%; на четвертом месте стоят Таврическая и Подольская губ.—по 5 чел., или по 6,5%; на шестом—Кавказ, Донская область и Черниговская губ.—по 3 чел., или по 4,0%; на седьмом—Кубань, Могилевская, Виленская, Пензенская, Орловская и Саратовская губернии—по 2 чел., или 2%; наконец, по одному представителю дали:

а) из Украинских губерний—4, а именно: Бессарабская, Екатеринославская, Харьковская и Волынская;

б) из Великорусских губерний 8, а именно: Тамбовская, Симбирская, Вологодская, Астраханская, Тульская, Калужская, Воронежская и Рязанская;

и в) Сибирь—1.

В общем на суде было представлено 28 губерний Европейской России, в том числе, кроме Крыма и Кавказа, украинских губерний—8; из великорусских—14, а также Кубанская и Донская области, Сибирь и Литва.

V. По возрастному составу из общего числа подсудимых числились:

до 20 лет	2	чел.	или	2,7%	общ.	числа.
от 20 до 25 л.	2	„	или	12,1%	„	„
от 25 до 30 „	25	„	„	38,6%	„	„
от 30 до 35 „	22	„	„	29,6%	„	„
от 35 до 40 „	9	„	„	11,6%	„	„
от 40 и свыше	5	„	„	5,4%	„	„
Всего . .	74			100%		

Относительно «неразысканных» подсудимых оказывается возможным восстановить лишь их национальный состав (и то приблизительно): из общего числа лиц этой группы в размере 64 чел.

русских	19	человек	или	29,7%	общего	числа.
украинцев	14	„	„	21,8%	„	„
евреев	13	„	„	18,9%	„	„
латышей и эстонцев .	7	„	„	10,6%	„	„
поляков и литовцев .	4	„	„	6,2%	„	„
армян	2	„	„	3,7%	„	„
прочих и неопред. .	5	„	„	7,8%	„	„
Всего. . . .	64	„	„	100%	„	„

В общем же на все число подсудимых, по обеим группам в количестве 138 человек:

украинцев	56	человек	или	40,7%	общего	числа.
русских	40	„	„	28,9%	„	„
евреев	20	„	„	14,5%	„	„
латышей и эстонцев	9	„	„	6,5%	„	„
поляков и литовцев	4	„	„	2,9%	„	„
прочих и неопред.	5	„	„	3,6%	„	„
армян	4	„	„	2,9%	„	„
Итого	138			100%		

Осужденные по суду 55 человек в общей сложности получили 18 лет каторги, 40 $^1/_4$ лет крепости и 260 лет ссылки на поселение, а всего всех видов возмездия, не считая предварительного заключения—318 $^1/_4$ лет.

Кроме того было арестовано, привлечено к дознанию, освобождено до суда и выслано в административном порядке на разные сроки свыше 300 моряков.

Из 138 участников дела, привлеченных к суду по обеим группам: береговых работников—55 человек, моряков—83 человека; из группы 74-х преданных суду: береговых—16 и моряков—58. В первом случае моряки составляют к общему числу привлеченных—60,8 %; во втором—74,3 %.

Из привлеченных к суду моряков на палубные команды падает всего 19 человек, или 32,7 %, на машинные—39, или 67,3 % общего числа. Другими словами, чисто пролетарский моряцкий элемент на суде был представлен в обратных отношениях к тем, которые имели место на пароходах, где машинные, пролетарские, команды всегда во много раз малочисленнее палубных—крестьянских. На суде отношение к общему числу моряков машинных команд было равно 67,3 %, палубных 32,7 %, т.-е. на каждого палубного приходилось, кругло, два кочегара.

Рассмотрим теперь данные о нелегальной литературе. В обвинительном акте упоминается 42 названия различных периодических и непериодических революционных изданий.

кроме журнала «Моряк». Из них журналов и газет—14, сборников и альманахов—1; брошюр и листовок—27.

Из социал-демократических изданий наиболее часто жандармы обнаруживали у моряков номера петроградской «Звезды», венской «Правды», листовки «Голоса социал-демократа», брошюру, изданную Заграничным Центром Союза Моряков—«Английские углекопы и мартовская забастовка 1912 г.», переизданную в Вене «Программу Рос. Соц.-Дем. Партии», брошюры: «Вооружение народа и вооружение против народа», «Будьте готовы», «Наши требования», «Самодержавие царя или самодержавие народа», «В защиту Иваново-Вознесенских рабочих», «Избирательное право и избирательное бесправие», «Рабочее движение и социал-демократия», «Избирательная платформа на выборах в IV Гос. Думу», «Извещение о совещании представителей социал-демократии Латышского Края, Бунда, социал-демократии Польши и Литвы и Областной Закавказской организации».

Из обще-революционных и социалистических брошюр и листовок других партий—брошюры: «Кризис и безработица», «18 марта 1871 года», «Из революционной деятельности рабочих 1880—1884 г. г.», «Факты из Парижской Коммуны», «История Якутского протеста» Н. Теплова, книгу Герщуни—«Из недавнего прошлого», и ряд анархических изданий—«Земельная программа анархистов-коммунистов», листовка—«Религия—язва», «Альманах—сборник по истории анархического движения в России» и другие.

Довольно сильно распространялись между моряками, находя большой сбыт, популярные эс-эровские газетки—«Народные листки», «Народное Дело», «Земля и Воля», «За народ», а также анархические—«Хлеб и воля», «Черное знамя», «Буревестник» и «Рабочий мир».

В одном случае при обыске был обнаружен один том «Капитала» Маркса, несколько популярных брошюр Украинской С.-Д. «Спілки»—«Экономия», «Благотворительность», «Всходы»; переизданные в России в 1906 году и потом запрещенные—брошюра «Наемный труд и капитал» К. Маркса, брошюра без обозначения автора «Взятие Бастилии» и брошюра Бебеля: «Профессиональное движение и социалистические партии», а также брошюра—«Закон против социалистов в

Германии»; несколько раз были обнаружены при обысках моя, изданная в Париже, брошюра «Донское войско казачье», отдельные выпуски периодического издания «Социалист-Революционер», теоретический орган Ц. К. П. С.-Р, разрозненные номера его органа «Знамя Труда» и оба выпуска «Памятной книжки соц.-рев.», содержавших в себе чрезвычайно важные указания по технике и методам подпольной работы, а потому распространявшихся адептами всех революционных течений.

Разношерстная и далеко не всегда революционная была вся эта литература, но она поглощалась без остатка и каждая по своему революционизировала сознание моряков. Спрос на литературу был огромный, и, в сущности говоря, следует удивляться тому, что из многих тысяч экземпляров ее, переброшенных через суда заграничного плаванья нашими моряками в Россию, в руки жандармов попались лишь разрозненные ее остатки. Несмотря на работавшую в самом центре союза провокацию ни один транспорт литературы, ни один транспорт «Моряка» и его листовок ни разу не провалились. Разрывались живые связи, садились люди, а литература продолжала все течь и течь в глубь страны по неведомым дорожкам и прогалинкам. Любили моряки революционное слово и берегли его больше своей жизни. Сами садились, а литературу спасали. Это был здоровый и несокрушимый революционный инстинкт, и он-то и создавал в союзе нашем ту сплоченность, ту твердость воли, которая одновременно вызывала и единодушный восторг друзей Революции и ужас в сердцах ее врагов.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Работа среди русских моряков на Средиземном море

(1912—1914 г.г.)

Скитаясь около 1½ лет после побега своего из ссылки нелегально на территории России, я, наконец, после долгих усилий и целого ряда преград, попал в 1912 г. в Вену.

Окунувшись сразу в эмигрантскую жизнь, я вскоре был разочарован дрязгами и склокой, захлестнувшими многих товарищей, и первой моей мыслью было скорее выбраться из Вены куда-нибудь подальше от крупных центров эмиграции.

В это время я столкнулся с некоторыми товарищами, между прочим, с секретарем Орг. К-та Р. С.-Д. Р. П. тов. Семковским, через которых и был информирован о работе за границей среди русских моряков. Я решил отдаться этой работе.

Не откладывая в долгий ящик свое намерение, я оставил фабрику, где работал, и, заручившись всеми необходимыми документами из Организационного Комитета Р. С.-Д. Р. П., после почти трехмесячного моего пребывания в Вене, двинулся в Марсель.

Остановился я на своем выборе по двум причинам: первая и главная—это желание принять активное участие в работе среди русских моряков на Средиземном море, куда, по имеющимся у меня сведениям, зачастую заглядывали черноморские пароходы, и вторая—желание обезопасить себя от эмигрантской склоки и интриг.

Выбор мой, как я убедился впоследствии, был очень удачным, и я, помимо того, что получил полное моральное удовлетворение в работе среди моряков, внес и свою небольшую лепту в дело организации Союза Черноморских Моряков, вылившийся впоследствии во Всероссийский Союз Моряков.

Как и всякому эмигранту, мне с первых же шагов по прибытии в Марсель с 50 сант. в кармане пришлось все свое внимание уделить подысканию заработка. Наконец, после долгих усилий и при содействии одного проживавшего там русского гражданина удалось устроиться рабочим на строившемся в то время туннеле. Одновременно с поисками работы, списавшись с секретарем Заграничного бюро Р. С.-Д. Р. П. тов. Чичериным (жившим в то время под фамилией Орнатского), я получил мандат на ведение работы среди прибывающих в Марсель черноморских моряков. Вскоре, связавшись через тов. Чичерина с Заграничным Центром Союза Черноморских Моряков в лице председателя его тов. Адамовича, переехавшего в то время уже в Александрию (Египет), я получил мандат Уполномоченного Центра всего Средиземного моря. Заручившись таким образом согласием обоих Центров, я связался также с Антверпенским Союзом моряков, с одной стороны, и Союзом портовых рабочих в Марселе—с другой.

Выбор Марселя в качестве пункта на Средиземном море, как сказано выше, оказался более чем удачным. Марсель в это время играл значительную роль в торговом мире вообще и в частности являлся значительным этапным пунктом между Россией, Африкой, южной Америкой и Австралией.

Сюда стекались товары из Африки, Южной Америки и России, где они перегружались с парохода на пароход и отвозились далее. Склады и амбары Марсельского порта привлекали к себе внимание торгового капитала самых отдаленных стран, за которым в порт широкой волной вливались мелкое посредничество, торгашество низкого пошиба, самый разнузданный разврат.

С прибытием русского парохода в Марсель все темное, все развратное в нем оживлялось. Кабачки знаменитой узенькой темной грязной улички (названия не помню), расположенной в старом порту, заполнялись самого низкого пошиба проститутками, тела которых покрывались лишь одной коротенькой грязной нижней рубашкой, с лицами, измазанными углем и худшего качества косметикой. Смех больных изможденных тел, потерявших всякий человеческий облик, табачный дым, дребезжание граммофонов и оркестрионов, испанские и

итальянские «хоры» и «балеты» с полуголыми грязными танцовщицами, заполняя эти притоны, оказывали свое тлетворное влияние на посещавших их русских моряков, совершенно не владеющих никаким другим, кроме русского, языком. В то время как для итальянских, французских, немецких, испанских моряков существовали специальные клубы, русские моряки, занимавшие по своей численности 7-е или 8-е место, были предоставлены самим себе. Русский моряк, по натуре своей самый скромный из всех своих товарищей по профессии других национальностей, не входил в число посетителей клубов, театров и сотен кинематографов, расположенных по прилегающим к старому порту улицам, оставаясь жертвой гнусных притонов и домов разврата.

Влияние николаевского кулака оказало свое разлагающее действие на этих тружеников моря, и, попадая на иноземный берег, они терялись совершенно. Познавшие штормы и морские ураганы, ежеминутно рискующие быть захлестнутыми морскими волнами в сильную бурю, эти морские волки стеснялись и дичились общества своих чужестранных товарищей, отдавая все, вплоть до белья, всяким прохвостам, нападавшим на них еще до спуска якоря у берега. Стая всяких портовых сапожников, просто торговцев и проституток, выходцев из России, окружали на десятках лодок приближающиеся русские пароходы, предупредительно спускавшие еще на ходу трапы «гостям». Облепленные всей этой плеядой хищных коршунов, матросы или кочегары, при громком поощрении своего «бывалого» начальства, растерянно спускались в их шлюпки и катились на самое дно иностранного порта. И понятно, что выбор Марселя, как центрального пункта на Средиземном море, порта, который ежемесячно в среднем посещали два-три русских торговых судна, имел для Союза большое организационное, а для заграничного бюро Р. С.-Д. Р. П. и политическое, значение.

Будучи уполномочен обоими центрами, я со всей необходимой энергией отдался работе. Однако, не желая подвергать моряков всяким случайностям по приходе их в Одессу, я вынужден был первое время появляться на пароходах в качестве мелкого торговца, кото-

рого отрекомендовал один посещавший их русский портной (фамилию забыл). В процессе моей, к слову сказать, довольно неумелой торговли я заводил всякие разговоры на отвлеченные, но интересующие меня темы, продолжая их в кабачках за бутылкой вина или абсента. Получив таким образом нужный мне опыт для работы, я с каждым посещением пароходов вербовал все новых и новых членов в Союз Моряков, при чем вступление их в Союз стало происходить не только в одиночку, но и коллективно.

Вся развивающаяся работа поставила передо мной необходимость переезда моего в самый город, от которого я жил первое время на расстоянии семи верст в пригороде Lestaque plage, где я и работал в туннеле. Отсутствие связи в городе, кроме указанного выше русского, по профессии портного, в значительной степени тормозило мою работу, и я вынужден был совершенно оставить свою службу в туннеле, переехав в город. Но переезд этот имел, кроме положительной стороны, еще и отрицательную. Я имел возможность следить сам за приходом русских пароходов, не пропуская также и русских моряков иностранных пароходов, но в то же время оставался без всякого заработка, нередко питаясь у моряков в качестве гостя. К сожалению, не так уже часто случалось мне сталкиваться с ними, и я вынужден был обратиться к тов. Чичерину с просьбой поддержать меня материально. Но, конечно, эта помощь не могла выразиться в нужной мне сумме, принимая во внимание, что изредка приходилось посещать с моряками и кабачки. В это время мне оказали ценную услугу французские товарищи, устроившие меня через союз транспортных рабочих в портовых мастерских в качестве маляра пароходов. Получив таким образом возможность не жить впроголодь, я еще с большей энергией принялся за работу.

Освоившись с обстановкой, при которой мне пришлось вести работу среди моряков, я поставил себе основной задачей не ограничиваться лишь узко профессиональной работой, а, выйдя за пределы ее, остановить внимание моряков как на политических, так и на общих вопросах.

За единичными исключениями, моряки были неграмотны, а общий кругозор их был слишком ограничен. И, естественно, параллельно с профессиональной работой, мне пришлось вести и чисто просветительную. К сожалению, кратковременное пребывание матросов в порту (5—8 дней) отнимало возможность достигнуть значительного успеха по части «ликвидации неграмотности», но кое-что делалось в этом направлении. С этой целью мною привлекались из числа моряков грамотные, которые после некоторых моих указаний, во время совершаемых ими рейсов, успешно проделывали большую и столь нужную работу по обучению грамоте своих товарищей по кубрику.

Работа по ликвидации безграмотности настолько увлекала учителей и учеников, что по возвращении этих последних в Марсель через 1—1½ месяца, я с гордостью убеждался, что посеянное мною семя давало блестящие результаты, и «Моряк» читался самостоятельно почти всеми моряками.

Трудно описать радость этих больших детей с мозолистыми руками и сутулыми спинами, когда они, что называется, наперебой щеголяли предо мной достигнутыми ими успехами. Особенно успешно шли занятия на пароходе «Россия», где дело дошло до того, что после 2—3 рейсов сами моряки с пути делились со мною письмами—как они выражались—«собственноручными».

Если в этом направлении работа наша не достигла больших результатов, то другая часть моей работы—популяризация целого ряда вопросов—дала несомненные успехи. Значительное внимание нами уделялось, помимо профессиональных и политических вопросов, истории, астрономии и природоведению.

Успешности наших занятий особенно способствовали условия работы моряков и частая смена впечатлений. В этом отношении моряки, совершающие иностранные рейсы, имеют гораздо более преимуществ перед своими товарищами по работе, ограничивающимися лишь внутренними портами. И это вполне понятно: ведь у первых, сталкивающихся с чужеземцами, напрашиваются тысячи вопросов, требующих своего разрешения.

Марсельский порт в этом отношении представлял благодатную почву. Моряки со всех концов земного шара разных наречий и мастей, заполнявшие припортовые улицы и кабаки, составляли ценный материал для наблюдения и изучения. Наши моряки особенно увлеклись историей культуры. Предмет этот в свое время меня самого очень интересовал, и приобретенные мною знания, на-ряду с «Историей культуры» Липперта, имевшейся у меня, оказали мне в занятиях с моряками несомненную услугу. Наши лекции происходили зачастую в кубриках нижней команды и привлекали к себе обширную аудиторию.

Ежедневно во время стоянок парохода не менее 2-х часов уделялось истории,—обычно к концу наших деловых заседаний и бесед по политическим вопросам. Делалось это, конечно, с целью привлечь на заседание всех моряков, с нетерпением ожидавших начала лекций по истории культуры. В летние дни лекции эти обычно устраивались в одной из комнат какого-либо Bar'a (пивной), куда уж не впускалась посторонняя публика.

Несколько хуже обстояло дело с астрономией и природоведением. Будучи сам слаб в этих вопросах, я, конечно, не мог дать моей аудитории много, а привлечь кого-либо со стороны—не представлялось возможным. Но все же и в этом отношении кое-что было достигнуто.

И тот и другой вопрос моряками связывался обычно с вопросом о существовании бога и о могуществе его. Конечно, в этом направлении пришлось мне мобилизовать все свои знания, чтобы убедить своих слушателей в отсутствии какой бы ни было связи явлений природы с богом и вообще в существовании последнего. Признаться сказать, последнее достигалось с трудом, но все же с уверенностью утверждаю, что часть моряков отрекалась от старых предрассудков.

Вся эта просветительная работа в конечном счете давала несомненные результаты, и моряки, посещавшие периодически порт, после 3—4 рейсов приобретали кое-какой багаж и привозили книги по интересующим их вопросам из России, а мы уже штудировали их в Марселе. О работе этой и достижениях наших я информировал Заграничный Центр моряков, получая от него в ответ разные ценные указания.

Во время стоянок команды пароходов обычно совершали экскурсии в Зоологический сад и другие места. Внимание их я останавливал на многочисленных исторических памятниках. Особое внимание нами уделялось знаменитому острову, на расстоянии 4—5 километров от берега, с знаменитой исторической крепостью Château d'If.

Стены крепости, испещренные разными надписями и иероглифами заключенных во время французских революций, являлись для нас ценными указаниями в наших лекциях по истории французской революции. Для многих моряков крепость эта с ее казематами и земляными мешками, куда забрасывались видные деятели французской революции, и следы которых были еще сравнительно свежими, оказала ценную услугу в деле выработки их политического мировоззрения. Особенно увлекались моряки объяснениями проводников насчет надписей, орудий пыток, а также легендарной историей побега из крепости Эдмонда Данте—пресловутого героя романа Дюма «Граф Монтекристо». Место, откуда выбрасывались в море погибшие в крепости политические узники, на которых надевались тяжелые гири, производило на слушателей сильное впечатление, и нередко после путешествия нашего в крепость моряки давали клятву не выпускать из рук своих оружия в борьбе за освобождение пролетариата России от самодержавия. Обычно в летние месяцы наши политические беседы происходили на этом острове, обстановка которого и следы прошлой эпохи располагали к ним.

Среди целого ряда пароходов, заходивших в Марсель, следует отметить следующие: «Комета», «Россия», «Новороссия» и «Надежда». Кроме этого, заглядывали в порт еще и другие, более мелкие пароходы. Между прочим, в начале 1913 г., кажется, в марте, имело место одновременное пребывание этих четырех пароходов в Марселе; в это время, по инициативе Заграничного Бюро Р. С.-Д. Р. П., приехал к нам тов. Павлович, и мы, таким образом, организовали неофициальную конференцию. Но об этом ниже.

Среди целого ряда политических вопросов, мы останавливались на Ленских событиях, Государственной Думе, значении революции и т. п. Надо при этом отметить, что в

первое время наши беседы по этим вопросам не имели большого успеха, особенно когда касались свержения самодержавия. В то время когда во всех остальных, не связанных с политикой, вопросах вся команда принимала активное участие в беседах, лекциях, экскурсиях,—вопросы политики как бы их разъединяли. Особенно это разъединение было заметно в верхней команде (матросы), состав коей был чисто крестьянский. Верхняя команда, составлявшаяся из крестьян, тесно связанных с землей и довольно часто менявшаяся, являлась во всей работе Союза консервативным элементом.

Совершенную противоположность представляла нижняя команда (кочегары, машинисты и т. п.), из числа которых история Союза знает немало активных работников его.

В связи с общей просветительно-политической работой и на фоне ее мною проводилась и союзная работа.

Первые посещения приходящих пароходов не всегда давали возможность мне остановиться на ком-либо из команды для получения нужных мне сведений и установления необходимой с ней связи. В этом отношении ни Заграничный Центр моряков, ни Антверпенский Союз не могли дать нужных мне указаний, ибо посещавшие Марсель команды были им неизвестны. И вот, с двумя мандатами в кармане, я не рисковал обращаться к кому-либо с наскока.

Обычно посещая кубрики нижней команды, где я, по моим предположениям, скорее мог найти нужных мне лиц, я в процессе всяких бесед заводил разговоры о газете «Моряк» и о Союзе. Кое-кто из команд уже и ранее слышал о газете, но никто из них не видел ее, и, идя навстречу их желанию, я предлагал им газету, которая нередко тут же нами прочитывалась.

Таким образом я получал возможность установить связи с тем или иным лицом из команды и через него уже продолжать свою работу. К сожалению, я не помню названия первого парохода, с которым я связался, но помню, что это был небольшой угольщик с командой, состоявшей в большинстве из латышей. Надо заметить, что латышам, привыкшим к осторожности, не легко было вцушить в первое время доверие к моим благим намере-

ниям. Но, когда я связался с первым пароходом, дальнейшая моя работа облегчалась главным образом тем, что я через команду его получал необходимые сведения о других, заглядывавших в Марсель пароходах.

Газета «Моряк», помимо громадного значения в работе среди моряков, оказывала мне большую услугу на первых порах в деле связи с ними. Наши беседы о Союзе обычно начинались после чтения газеты. Особенным вниманием пользовались у моряков статьи о задачах Союза и устав последнего. Вопросы эти моряками дебатировались довольно основательно и быстро усваивались. После 2—3 бесед моряки были в курсе работ Союза, и ими уже выносились решения о материальной его поддержке. Кореспонденции с пароходов, помещаемые в газете, имели большое значение в деле осведомления моряков о делах Союза, и эти корреспонденции очень внимательно обсуждались на наших собраниях.

В то время как нижняя команда быстро усваивала все вопросы, связанные с союзной работой, верхняя команда не поддавалась так легко пропаганде, и исключением являлись лишь пароходы, верхние палубы которых состояли в большинстве из латышей. Связь с командами не прерывалась и во время их переходов в другие порты. Обычно корреспонденции с них для «Моряка» аккуратно переправлялись мне с пути.

На пароходах существовал институт «выборных», которые добросовестно выполняли возложенные на них задания, а некоторые из них непосредственно связывались с Центром в Александрии.

Предстоявшая в январе 1913 г. конференция выдвинула целый ряд вопросов, обсуждавшихся всеми командами, заходившими в Марсель. Из всех намеченных Центром вопросов особым вниманием у моряков пользовались вопросы о задачах Союза, о конструкции его и о газете «Моряк». Не помню по чьей инициативе был выдвинут вопрос относительно легализации «Моряка», но вопрос этот вызвал значительный интерес на наших собраниях. Будучи сам сторонником этой идеи, я ее проводил на всех собраниях довольно успешно.

Газета «Моряк», несмотря на популярность ее среди моряков и огромное значение, все же была очень далека от широкого распространения в портах самой России. Это объяснялось тем, что она издавалась далеко за пределами России, а с этим были связаны затруднения и в деле экспедиции, вызывавшие несвоевременную доставку газеты на места.

Будучи единственной моряцкой газетой, она не могла все же охватить всесторонне жизнь разбросанных на севере и юге, востоке и западе моряков. Она поневоле вынуждена была сузить свои рамки пределами Черного отчасти Балтийского и Каспийского морей, при чем жизнь каспийских моряков освещалась слишком слабо, ограничиваясь редкими корреспонденциями. Не помогла делу и состоявшаяся в Александрии—в марте 1913 г.—конференция, постановившая считать газету органом Всероссийского Союза Моряков.

Таким образом по существу газета продолжала быть органом черноморцев, а с момента издания листовок и отдельных приложений на латышском и изредка на эстонском языках с натяжкой можно было считать ее и органом балтийцев. Впрочем, немалое место газета уделяла Антверпенскому Союзу, характер работы и сфера деятельности которого были сужены лишь организацией русских моряков на заграничных судах и который за последнее время явился связующим звеном Заграничного Центра с балтийцами.

Несмотря на то, что Марсельский пункт в деле экспедиции газеты сыграл значительную роль, газета все же зачастую попадала в море. Объяснялось же это отчасти неорганизованностью моряков, а отчасти боязнью их попасть «с поличным» в руки охранки, работавшей в последние месяцы существования Союза довольно успешно.

Предъявляемые к Центру и поддержанные самими моряками требования о переводе издания в Россию имели свои основания, тем более, что вскоре после апрельской Ленской бойни рабочая печать России начала оживать, но Центр Союза не использовал момента. Это был в работе Союза несомненный минус, и на него-то все время указывали моряки посещавших Марсель судов.

Если газеты—большевистские «Звезда» и «Правда» и меньшевистская «Луч»—все же существовали (правда, под

разными названиями) в самой России чуть ли не до самой империалистической бойни, то имелось достаточно оснований и для издания легальной всероссийской моряцкой газеты. Между прочим, вопрос о необходимости легализации «Моряка» поддерживал также и т. Мих. Павлович в своих выступлениях на собраниях моряков во время пребывания его в Марселе. Однако, несмотря на целый ряд постановлений моряков и, насколько припоминаю, советов Заграничного Бюро Р. С.-Д. Р. П. в письмах т. Чичерина, а также мои доводы, Центр Союза медлил с разрешением этого вопроса.

Не меньше, чем вопрос о легализации газеты «Моряк», на собраниях моряков в Марсели дебатировался вопрос и о задачах Союза.

Этот последний вопрос был интересен не только по существу, но и тем, что выявлял точку зрения двух миров—верхней команды, состоявшей из значительного количества крестьян, тесно связанных еще с землей, и нижней команды—пролетариев, связанных с городом, с производством. Дебаты по этому вопросу зачастую кончались уходом с собраний первой группы, защищавшей нейтральность Союза в политике. В защите этой точки зрения выявлялась не только полная аполитичность верхней команды, но и определенная враждебность ее к идее свержения самодержавия. Конечно, говорить в этой среде о каком бы то ни было большевизме или даже меньшевизме не приходилось.

На совершенно противоположной точке зрения стояла нижняя команда. Задача Союза представителями ее понималась вполне правильно. Неразделько связанные с производством, временно оставившие свои станки и печи, они понимали, что Союз моряков не может и не должен ограничиваться только защитой профессиональных интересов моряков. Эти «черные» парни в своих кочегарках нутром понимали, что дело не только в капитане и в полиции, которая довольно тщательно лазила по машинному отделению за поисками «Моряка» или заграничной нелегальщины. Они понимали, что и капитан и полиция, связанные тесными узами классовой солидарности, являются ставленниками капиталиста, связанного в свою очередь со всей плеядой защитников самодержавия. Будучи неграмотным и неорганизованным,

кочегар требовал от Союза большего, чем тот делал. Он требовал от него участия в политической жизни. Он, наконец, требовал от него большего участия и в жизни моряков, чем проявляемое Союзом на самом деле. И, наконец, в вопросе о составе Союза, нижняя команда, в противоположность верхним своим сотоварищам, не допускала и мысли о включении в Союз начальства, начиная с боцмана и машиниста.

Не менее интересовал моряков и вопрос о Центре Союза. С перенесением Центра из Константинополя в Александрию он состоял из трех, а затем и из двух членов. Проявив огромную энергию в налаживании связей чуть ли не со всеми уголками России, а также Европы и Америки,—со всеми партийными организациями, Центр все же с переездом в Александрию, потерял имевшуюся в Константинополе непосредственную связь с массой. Ввиду малочисленности членов Центра, с одной стороны, и незначительного количества судов, заходивших в Александрию, с другой, обнаружилось некоторое оживление среди самих моряков по вопросам реорганизации Центра и перенесения его в другое место. Вопросы эти обсуждались довольно горячо на собраниях моряков в Марселе. Что касается второго вопроса, т.-е. перенесения Центра из Александрии, то он вызвал две точки зрения. Часть моряков высказалась за перенесение его в Антверпен, а другая, правда, незначительная, за перенесение его в один из портов Средиземного моря, в том предположении, что последнее приблизит Центр к морякам Черного, Азовского и Каспийского морей, составляющим значительную часть всего наличия моряков России, входивших в Союз.

Сам я был сторонником второго предложения и с этим настроением направился на конференцию в Александрию, которая должна была состояться в начале января 1913 г. К сожалению, не дождавшись конференции, так как она за неприбытием делегатов не могла состояться своевременно, и имея сведения о предполагающемся приходе в Марсель нескольких пароходов из России, я вынужден был вернуться обратно задолго до конференции. Все же, кратковременное мое пребывание в Александрии дало свои положительные результаты. Разрешив целый ряд вопросов с т. Адамовичем и ознакомив его со всеми выдвинутыми в Марселе вопросами,

я уехал еще более убежденным в необходимости ускорения легализации газеты «Моряк» и перенесения Центра из Александрии. Последнее подтверждалось сведениями т. Адамовича о целом ряде провалов моряков в России и установлением русским консульством в Александрии шпионажа как за т. Адамовичем, так и за приезжавшими туда моряками русских судов.

Однако переезд все задерживался, и наши опасения вскоре после состоявшейся, наконец, в начале марта конференции оправдались. Тов. Адамович и Мирский были арестованы, а вместе с ними провалился и весь Центр Союза.

Ожидавшиеся пароходы в средине февраля, наконец, прибыли в Марсель в количестве четырех. К тому же времени прибыл и т. Павлович, командированный сюда предупрежденным мною о приходе пароходов Загр. Бюро Р. С.-Д. Р. П. Присутствие т. Мих. Павловича на наших собраниях в течение почти целой недели оказало ценную услугу всей нашей работе. Помимо того, что на этой «конференции» были разрешены все больные вопросы, т. Павлович прочел морякам несколько довольно популярных лекций по политической экономии, по аграрному вопросу и сделал довольно обстоятельный доклад о политическом положении России, а также Европы и Америки.

Между прочим на этой же «конференции» был выдвинут и решен в положительном смысле вопрос о необходимости срочного перенесения пункта из Марселя в один из итальянских портов. Результатом такого решения явились аресты в Одессе некоторых моряков, посещавших Марсель, а также появление в Марселе русских шпионов. Надо сказать, что почти до самого последнего времени русское консульство в Марселе ничем не проявляло себя в отношении наблюдения за русскими пароходами, и приезд туда шпионов, надо полагать, имел место по инициативе Одесской охранки.

К тому же времени выяснилось, что в дальнейшем посылку в Марсель русских пароходов предполагается сократить и за счет этого сокращения увеличить число рейсов между портами Черного моря и Генуи (Италия). Последнее обстоятельство, между прочим, ускорило проведение в жизнь постановления нашей Марсельской «конференции», и я не

замедлил оставить Марсель, переехав в Геную в конце февраля или начале марта 1913 г., на что я получил санкцию из Александрии и Парижа.

Покидая Марсель, я не думал в то же время порывать с этим портом, оставив там упомянутого мною выше портного, который и предложил свои услуги быть связующим звеном между мною и приходящими пароходами в Марсель. И надо отдать справедливость ему: за все время моей работы в Марселе он оказывал нам значительные услуги. Через этого-то портного я переписывался с приезжавшими изредка в Марсель русскими моряками и был в курсе их дел.

Прежде чем двинуться в Геную, я предварительно связался через тов. Чичерина с группой Р. С.-Д. Р. П. в Норви (7 верст от Генуи). В самой Генуе, несмотря на то, что там было некоторое количество русских студентов, врачей и др., последние, хотя и именовали себя эмигрантами, далеко стояли от какой бы то ни было политической жизни, а некоторые из них даже были на хорошем счету у русского консульства и итальянских властей.

Генуя после Марселя занимала второе место на Средиземном море по количеству грузооборота с Россией, но количество выходцев из нее в лице всяких торгашей, русских кабатчиков, было несравненно меньше.

Нельзя не отметить одного характерного явления российской действительности, отличавшего Марсель от Генуи. В то время как Марсельский порт, заселенный выходцами из России самого низкого пошиба, пользовался первое время у русского правительства благосклонным вниманием, выражавшимся в том, что консул относился предупредительно ко всем этим торгашам и не мешал им обирать и развращать прибывавших моряков, генуэзский консул, имея в виду наличность по соседству в Норви значительного количества видных политических эмигрантов, установил за моряками строгое наблюдение и нередко через администрацию судна не позволял морякам выезжать за город. Посещения пароходов в Генуе посторонними по этой причине были связаны с значительными затруднениями, и, конечно, ведение каких бы то ни было занятий или заседаний на территории парохода сопряжено было с некоторым риском.

Благодаря установленному в Генуе наблюдению, работа затруднялась, и вести ее приходилось подальше от территории порта, и поэтому посещения всех наших собраний моряками не отличались аккуратностью, особенно в отношении верхней палубы. Только благодаря имевшимся у меня связям и приходу посещавших Марсель пароходов удавалось не приостанавливать работу.

Обычно собрания наши происходили у меня в квартире в Нерви, а иногда на лодках. Собрания эти зачастую посещали т.т. Мандельберг, А. Хейфиц, Попов, Суриц и др. Особенно доволен был этими собраниями старый народоволец т. Аптекман, оторванный много лет, благодаря болезни своей жены, от России и не имевший до этого времени непосредственной связи с рабочими.

Наша работа в Генуе затруднялась еще происходившими в то время усиленными арестами в Одессе и других портах Черного и Балтийского морей при возвращении судов из заграничных рейсов, а также тревожными сведениями из Александрии от т. Адамовича, вызванными усиленным наблюдением консульства за ним и др. товарищами по Центру.

В это время моя переписка с т. Адамовичем, с одной стороны, и т. Чичериным, с другой, приняла особо интенсивный характер, главным образом по вопросу о переезде Центра Союза из Александрии, которую я считал до последнего времени неудачным местом. Тов. Адамович, высказываясь против моего предложения о переезде в Неаполь или другой какой-нибудь порт Италии, предполагал перебросить Центр в Антверпен. Я не помню точки зрения по этому вопросу т. Чичерина, хотя в это время я вел по его заданиям усиленную работу по установлению связи Союза со всеми портами Средиземного моря, Греции, Румынии и др. и особенно обращал внимание на русские порты—Мариуполь и др.

В это время Центр состоял из трех лиц—т.т. Адамовича, Мирского и Е. Триппе, через которую я и вел последнее время всю переписку с Центром. Тов. Адамовичу его колебания по выбору места для Центра помешали своевременно выехать из Александрии, и он был арестован там вместе с указанными товарищами.

Тов. Триппе, благодаря своему швейцарскому подданству (по мужу), была через несколько часов выпущена, а остальные перевезены в Одессу.

Арест Центра с значительной частью материалов не мог не повлиять на общую работу Союза, особенно за границей. Вскоре после отправления т.т. Адамовича и Мирского в Россию тов. Триппе переехала 28 ноября 1913 г. в Нерви, и нам пришлось продолжать вместе работу. Задача т. Триппе состояла главным образом в установлении необходимых связей со всеми отдельными товарищами—работниками Союза, раскинутыми повсюду. Собрания моряков в Генуе и Нерви происходили тогда уже при участии т. Триппе.

Между тем посещения Генуи русскими моряками все уменьшались, и в результате—к началу всемирной бойни количество их сократилось до 2 пароходов в месяц. Эти редкие посещения особенно отразились на экспедицию нелегальщины в Россию, а прекращение в это время издания «Моряка» еще более усугубило скверное положение.

Сведения из России получались мною все реже и реже, и о происходящих там событиях ни я, ни т. Триппе не были в должной мере информированы.

Связь с Антверпеном, усилившаяся во время моего пребывания в Марселе, с переездом в Нерви постепенно ослаблялась. Так постепенно работа на Средиземном море заглохла, и уже за пару месяцев до начала мировой войны пароходы перестали совершенно заглядывать в порты моря, затем всякая связь с Россией прекратилась окончательно. Но не прекращалась связь моя с Заграничным Бюро в Париже, которое предполагало одно время перебросить меня в Антверпен ввиду каких-то ненормальностей, имевших место в Союзе. И уже накануне вступления Италии в войну я, от собиравшегося в Лондон т. Чичерина, получил задание переехать в Нью-Йорк для продолжения оттуда работы среди моряков. Но, переехав в Нью-Йорк, я, уже по чисто семейным причинам, не мог долго в нем оставаться, будучи вынужден переехать в Стокгольм, где к тому времени не оказалось никого из связанных с Союзом моряков.

Наум Гик.

Несколько дополнительных материалов к истории движения среди моряков

в 1912—1914 годах

Печатая, дополнительно к нашей работе, приводимые ниже выдержки из секретных документов департамента полиции по делу моряков, полученные нами из одесского истпарта через истпроф БЦСПС и используемые нами с разрешения последнего, необходимо оговориться, что эти документы поступили в наше распоряжение через прибывшего из Болгарии, после цанковистского переворота, тов. Адамовича уже тогда, когда набор текста нашей книги был почти закончен. Это не дало нам возможности включить содержание документов в самое изложение, тем не менее, отказаться от их опубликования одновременно с опубликованием основного исторического материала было бы чрезвычайно обидно.

Документы не только освещают целый ряд моментов в жизни организации в период деятельности Александрийского центра и обстановку самого ареста Адамовича, но что еще важнее—дают подробную картину деятельности организаций в последующий период второй половины 1913 и первой половины 1914 года, почти совершенно не освещенной в нашей работе за отсутствием материалов. Выход был найден, с согласия Госиздата, в таком направлении — не печатать материалов полностью, а дать их дополнительно в наиболее характерных выдержках, при соответствующих комментариях.

Документы, о которых идет речь, следующие: 1) Докладная записка нач. одес. охр. отделения полк. Заварзина [1]) от 4 сентября 1912 года, за № 101, директору РОПИТ'а Тимроту о нелегальной работе на судах общества Союза моряков; 2) циркуляр Тимрота «господам капитанам пароходств и

---

[1]) Полк. Заварзин—мой „старый знакомый": в бытность его ротмистром отд. корпуса жандармов при Моск. Жандармском Управлении он руководил жандармским следствием по делу покушения 2 января 1905 г. на Николаевском вокзале на Д. Ф. Трепова, двух юношей—повешенного в 1908 году Алексея Полторацкого и автора этих строк. Богатый материал по этому делу сохраняется в Москов. Рев.-Историч. Архиве. *Е. В.*

агентам общества», за № 2194, от 3 ноября 1912 года с изложением содержания сообщения полк. Заварзина и предписанием пресекать деятельность на судах «преступных лиц» всеми возможными мерами; 3) донесение полк. Заварзина Департаменту Полиции от 27 февраля 1913 года, за № 15, о «преступной деятельности» союза и его Александрийского центра в направлении подготовки на весну 1913 года всеобщей забастовки судовых команд на Черном море; 4) выписка из журнала особого совещания при Совете Министров от 30 марта 1913 года о мерах предупреждения забастовки судовых команд Черного моря и ликвидации деятельности Заграничного Центра Союза; 5) копия «Устава Союза русских моряков в Америке», утвержденного на учредительном собрании этого союза 2 ноября 1912 года; 6) донесение полк. Заварзина в Департамент Полиции, за № 81, от 11 июля 1913 года об аресте в Александрии и доставке в Одессу арестованных руководителей союза и мерах предупреждения их побега; 7) циркуляр директора департамента полиции С. Белецкого, за № 104652, от 30 сентября 1913 года всем жандармским приморским управлениям о состоянии дел в организации моряков после разгрома Александрийского центра; 8) циркуляр департамента полиции, за № 166735, от 5 февраля 1914 года всем начальникам губ. и обл. жандармских управлений о возобновлении деятельности союза в Антверпене и мерах борьбы с нею; 9) сообщение в департамент полиции одесского охр. отделения от 14 февраля 1914 года о подготовке на Черном море среди судовых команд и в Петербурге среди рабочих на день процесса арестованных по делу моряков (однодневной) забастовки протеста; 10) циркулярное сообщение департамента полиции, за № 166484, от 31 января 1914 года всем начальникам губ. и обл. жандармских управлений об организации в Антверпене, после разгрома Александрийского центра, нового Центрального Совета проф. организаций судовых команд русского торгового флота, его личном составе и состоянии об'единяемых им морских организаций; 11) копия резолюции «второго общего собрания Центрального Совета», состоявшегося в Антверпене между 1—21 января 1914 года; 12) совершенно секретное донесение полк. Заварзина от

11 марта 1914 года, за № 1303, о том же собрании, его решениях и дальнейшей деятельности членов Совета и 13) агентурная сводка данных о взаимоотношениях в Константинополе членов Совета с партией дашнаков и об оказываемом им покровительстве со стороны турецких властей, от 2, 12, 14 февраля и 2 апреля 1914 года.

В сообщении полк. Заварзина директору РОПИТ'а Тимроту от 4 сентября 1912 года сообщается:

«Добытые сведения определяют, что группа лиц, сорганизовавшаяся в Константинополе с ноября месяца прошлого года, начала вновь оформливать «Союз Черноморских моряков» и издавать подпольно газету «Моряк», вышедшую с января по август сего года в числе одиннадцати номеров. В этом органе Союз, об'являя себя внепартийным,—преследующей профессиональные интересы моряков организацией,—тем не менее ведет противоправительственную пропаганду с призывом к свержению существующего в империи государственного строя, а профессиональная работа свелась к организации общей забастовки судовых команд Черного моря, каковая намечена в 1913 году; подготовительная к забастовке работа заключается в развитии и укреплении влияния союза в массе моряков, в ущерб авторитету командного состава на судах и в главном управлении. Это обстоятельство находит подтверждение в ряде статей «Моряка», в коих восхваляются проступки, дерзкие выходки и демонстративные выступления, связанные с нарушением дисциплины и порядка службы в море и на стоянках. В союзе зарегистрированы команды 84 судов, приписанных к Одесскому порту, которые присылают в редакцию «Моряка» определенные денежные взносы, составляющие единственные средства Союза, на каковые содержатся пропагандисты, издается газета, нанимается конспиративная квартира, выдаются вспомоществования политическим арестованным и проч. Деньги собираются на пароходах совершенно открыто «выборными», зачастую с насилием и принуждением, затем передаются в Константинополь в редакцию «Моряка» под квитанции, в коих обозначены суда под особыми паролями, представляющими собой, в части, фамилии революционеров и названия судов, отмеченных в смутные дни исключительными злодея-

ниями. Особенно сильна пропаганда во время стоянки судов в Константинополе. На пароходы беспрепятственно проходят преступники, ведут агитацию в помещениях команд, призывая их к выступлениям и борьбе, вместе с тем, команды снабжаются революционной литературой для прочтения и водворения в пределы империи. Случаев задержки командным составом пропагандистов в управлении зарегистрировано не было, как равно и не отмечено пользование правами экстерриториальности для передачи виновных в распоряжение консульства. Напротив, сведения по разным источникам, в том числе и от некоторых помощников капитанов, указывают, что в подавляющем большинстве капитаны и их помощники не считают себя обязанными преследовать это явно растлевающее начало во вверенных им частях, клонящееся к организации бунтовщических выступлений, и заняли положение невмешательства. Вместе с этим, полученными мною сведениями отмечается, что на одном из пароходов авторитетное влияние со стороны командного состава прекратило участие команд в Союзе и тем восстановило порядок. В настоящее время мною возбуждено дознание в порядке ст. 1035 уст. уг. судопроизводства, с пред'явлением обвинения по 102 ст. уг. уложения за участие в Союзе моряков, 12 человек и намечен ряд лиц для привлечения к административным переискам. В связи с этим решено также привлекать по 125 и 126 ст. ул. о наказаниях за недоносительство. Можно с уверенностью заключить, что твердые начала, проявленные на судах со стороны командного состава, в сфере преследования Союза, совершенно парализуют влияние находящейся в Константинополе, состоящей из нескольких лиц, группы. При этом вверенное мне управление пойдет широко навстречу к уничтожению Союза, привлекая виновных и заподозренных. Для достижения успешных результатов необходимо: прекращение на судах каких бы то ни было денежных сборов без особого на каждый случай разрешения; недопущение в Константинополе и других портах проникновения на суда посторонних лиц, а при появлении их задерживать и передавать властям, что особенно желательно; об'явление о запрещении участия судовых служащих в Союзе и сборищах, как в Константино-

поле и других портах, и, наконец, постоянный надзор за жизнью на судне».

В соответствии с этими указаниями директором РОПИТ'а А. Тимротом был разослан капитанам пароходов и агентам общества от 3 ноября 1912 года циркуляр, в котором, повторяя изложенные выше факты и «с прискорбием отмечая» их, как факт, «свидетельствующий о недостаточно серьезном исполнении офицерским составом своего служебного долга», заключающем в себе «признаки противозаконного деяния, предусмотренного 127, 163 и 164 ст.ст. уголовного уложения, влекущего за собой в той же мере строгую уголовную кару», Тимрот предлагает им «иметь в виду необходимость тщательного надзора и принятия должных мер к недопущению и устранению агитации и агитаторов, а равно и всяких неразрешенных денежных сборов на судах и в мастерских общества, а также проявить возможное старание для ограждения чинов судовых команд от всякого пагубного на них влияния и, путем нравственного воздействия, уберечь их от тех тяжких, гибельных последствий, каковые влечет за собой всякое участие в противозаконных организациях, в том числе и неразрешенных союзах».

Повидимому, «нравственное воздействие» командного состава на судовые команды не дало достаточных результатов и, разочаровавшись в сыскных способностях «господ офицеров торгового флота», не желавших в своей массе особенно обострять своих отношений к командам, полк. Заварзин, 27 февраля 1913 года, посылает в департамент полиции подробнейшее донесение, сущность которого сводилась к следующему:

«За последние два года ярко обозначилось значение морских революционных организаций в Константинополе и Александрии, со связями в Париже и Вене, как настойчиво ведущих пропаганду среди моряков коммерческого и военного флотов и достигших крупных результатов в деморализации судовых команд. Последние теперь представляют собой массу, весьма чуткую к выступлениям даже при отсутствии местных судовых организаций, а лишь при наличии общего руководящего центра, при чем главари возможность этих результатов особенно учитывали, создавая на судах систему

выборных с их кандидатами. Постепенно работа означенных организаций расширяется и принимает более угрожающий характер. Так, инициаторы этой революционной пропаганды положили лишь начало непосредственному сближению с моряками, посещающими означенные порты, но работали робко и замкнуто, а их преемники уже стали устраивать сходки, на которых велось планомерное, крайне революционное, воздействие опытных пропагандистов на матросов и кочегаров, как военных, так и коммерческих судов, и налаживать распространение литературы партий эс.эр. и с.-д. с водворением значительных транспортов в центр империи. Наконец, последнее время намечена еще более широкая, преступная деятельность, а именно, об'единение в один союз команд коммерческих пароходов всех морей империи, каковое началось с распространения на латышском и русском языках печатных прокламаций в портах Балтийского моря и об'единения центра «Союза Черноморских моряков», находящегося в руках опытнейшего и настойчивого организатора—Михаила Адамовича—с Каспийской организацией, во главе с проживающим в Константинополе Петром Бастричевым (Миша-машинист). Изложенное положение заставило меня стремиться создать на коммерческих судах обстановку, закрывающую возможность вести на них массовую пропаганду, в чем было оказано широкое содействие со стороны начальника порта, камер-юнкера Давыдова, и директора РОПИТ'а, А. К. Тимрота, который, кроме того, издал и представляемый при сем приказ в моем проэкте. Затем удалось добыть (материал) для дознания, к коему привлечено по 102 ст. I ч. уг. улож. 72 человека, ряд откровенных показаний и подойти агентурой к центру морской организации, что дало возможность в пределах Черного моря нанести ей жестокий удар [1]). Наконец, Одесскому градоначальнику мною были представлены соображения относительно необходимых мер

[1]) Интересно выявляемое сопоставление отчетных данных Заварзина за сентябрь 1912 года и март 1913 года. В сентябре по 102 ст. было привлеченных 12 человек, в марте их число уже равнялось 72 человек; другими словами, процесс ликвидации Союза в своем наиболее интенсивном периоде выпал на зиму 1912—13 года, и, следовательно, арест Адамовича в июне месяце того же года уже не может быть принят за переломный момент в жизни организации. *Е. В.*

для предупреждения забастовок, в случае возникновения их для подавления таковых. Эти соображения, предварительно разработанные и добавленные совместно с прокурором палаты, его товарищем, г. Бусло, и начальником порта, стали предметом суждения междуведомственного совещания под председательством шталмейстера Сосновского и членах, прокуроров Одесской судебной палаты, начальника порта, начальника жандармского управления, меня, моих двух помощников и полицмейстера. Ряд пожеланий, вопросов и проектов обязательных постановлений этого совещания войдут в особые доклады и сношения г-на градоначальника. Но, несмотря на принятые и непрерывно принимаемые меры, все-таки следует перейти к выводу, что пока существуют благоприятные условия для организации в Константинополе и Александрии, до тех пор не будет уверенности в благополучии на морях империи. Выходом из этого положения, можно полагать, является использование исключительных прав чинов министерства иностранных дел в пределах Египта и Турции в отношении русских подданных, на предмет необходимого и настойчивого воздействия на революционеров, проживающих там, и их задержания, в особенности уже привлеченных в качестве обвиняемых к дознанию: Адамовича, Бастричева, Марка Торосова, и командирования туда летучих отрядов из Одессы с тем, чтобы пожелания начальника жандармского управления г. Одессы в сфере преследования Союза Черноморских моряков и задержания его членов исполнялись бы заведующими агентурой непосредственно и беззамедлительно. Кроме того, желательно было бы всестороннее ознакомление прибрежных жандармских властей с юрисдикцией российских консулов в отношении прав на преследование и задержание русских подданных, совершающих государственные преступления на предмет выявления, в какой мере розыскные органы могут расчитывать на содействие при задержании и преследовании преступников. Кроме того, существенным является разработка вопроса о способе конвоирования и содержания под стражей на пароходах, арестованных за границей, ибо практика показала, что существующий порядок совершенно несовершенен, так как арестованный, сопровождаемый одним кавасом, имеет

свободное общение с посторонними лицами и сочувствующими ему элементами команды судна, последствием чего и являлись побеги».

Результатом этого исчерпывающего доклада полк. Заварзина и соответствующего доклада министра внутренних дел председателю совету министров, было назначение при Совете Министров особого совещания «по вопросу о мерах пресечения забастовки судовых команд на Черном море». В состав совещания вошли: председатель совета министров, министр юстиции, тов. министров внутренних дел, морского, торговли и промышленности, директор Департамента Полиции, прокурор Одесской судебной палаты и Одесский градоначальник.

В пленарном заседании особого совещания от 30 марта 1913 года по докладу директора Департамента Полиции, дополненного соображениями прокурора Одесской судебной палаты и Одесского градоначальника, в коих излагались и детализировались основные моменты выше цитированного доклада полк. Заварзина, вопрос был подвергнут тщательному рассмотрению, и вынесены следующие постановления:

1. Рассмотрев вопрос по существу, совещание нашло прежде всего необходимым с полной определенностью установить, что «всякая забастовка на судах торгового флота и в портах, хотя бы она прикрывалась экономическими требованиями и не сопровождалась насилиями, должна быть рассматриваема, как чрезвычайно опасное для интересов государственного порядка явление, требующее самых решительных мер противодействия, ибо, не говоря уже о наносимом подобными забастовками огромном экономическом потрясении, они всегда стоят в теснейшем взаимодействии с подпольной деятельностью чисто революционных организаций, так что грань между экономическими и политическими забастовками в данном случае стирается».

2. Разрешив вопрос «в принципе», совещание перешло к рассмотрению отдельных мер, которые надлежало бы принять для предотвращения готовившейся забастовки. В числе

таких мер «была выявлена необходимость» провести следующие: арестовать «главного руководителя движения, проживающего в Александрии, революционера Адамовича» и доставить его в Одессу. Для обеспечения успешности проведения этих мероприятий совещание остановилось на необходимости «предписать командирам судов торгового флота, в случае появления Адамовича на их судах, немедленно захватить его и привезти в Одессу для передачи в распоряжение жандармских властей». Полагая же, что Адамович, учуя опасность, станет избегать посещений русских судов, совещание решило остановиться и «на всяких иных мерах к преследованию названного лица и доставлению его в Одессу». К числу одной из этих «иных мер» относилось «соображение о необходимости того, чтобы консульские представительства наши за границей оказывали должное содействие русским полицейским властям в предпринимаемых ими агентурным способом шагах».

3. Вместе с тем совещание «признало заслуживающим полного внимания» предложение Одесского градоначальника «об издании особых правил для охранения порядка и спокойствия как в черноморских портах, так и на самих коммерческих русских судах во время их плавания, применительно в сем отношении к постановлениям, изданным наместником его императорского величества на Кавказе для судов всего Каспийского флота», с тем, чтобы соответствующие меры осуществить по соглашению министров внутренних дел и торговли и промышленности. Таким же сочувствием было встречено совещанием обращенное к министру внутренних дел ходатайство Одесского градоначальника: а) о предоставлении подлежащим административным начальникам черноморских прибрежных городов права пользования примечанием к ст. 16 положения об усиленной охране, т.-е. высылать отдельных лиц, пребывающих в местностях, об'явленных в положении усиленной охраны (в отношении служащих на морских судах и в портах без предварительного сношения с мин. внутрен. дел); б) об установлении обязательного обмена сведениями между начальниками жандармских управлений портовых городов всех морей империи о начинающихся брожениях и беспорядках на коммерческих

судах и в) об усилении состава одесского жандармского управления одним офицером и восемью унтер-офицерами, а также о подкреплении розыскных средств означенного управления.

4. Зафиксировано также в журнале совещания личное заявление председателя совета министров, принимавшего, повидимому, широкое участие в работах совещания, о том, что им будет сделано распоряжение по департаменту таможенных сборов об усилении таможенного досмотра пароходов в видах предупреждения провоза «политической контрабанды».

5. Далее, совещанием были одобрены следующие мероприятия по отношению к владельцам пароходных предприятий: а) о введении ими на свой счет особой стражи с военной организацией, по типу железнодорожной, для охраны в порту пакгаузов и грузов, а во время плавания— пересылаемых сумм и почты; б) о пополнении состава судовых команд кадром надежных матросов и кочегаров из людей, испытанных на прошлой службе; в) об обязательном и немедленном уведомлении управления порта о всех предполагаемых изменениях в распределении труда и уменьшениях заработной платы, а также о недоразумениях на почве расчетов; г) о неувольнении старослужащих во время ремонтов пароходов и непродолжительных стоянок; д) об об'явлении командам, что матросы и другие судовые служащие, замеченные в принадлежности к неразрешенным обществам, будут увольняться и впредь на суда не приниматься; е) об установлении порядка наема судовых команд только на берегу и лишь в указанных начальниками портов местах, с обязательным сообщением портовой полиции фамилий всех нанятых служащих для наведения справок об их политической благонадежности, с тем, чтобы все нанятые в таком порядке служащие считались бы принятыми условно и принимались бы с предупреждением о сем в условиях найма, а те из них, о которых получится неблагоприятный отзыв от начальников жандармских управлений, должны быть немедленно увольняемы без об'яснения причин.

6. Подобного же типа правила были разработаны и одобрены совещанием по отношению к администрации коммерческих пароходов и управлениям судостроительных заводов,

эллингов и других портовых предприятий. Им предписывалось иметь самое тщательное наблюдение за настроением подведомственных им судовых команд и заводских рабочих, обращая главное внимание на следующие моменты: а) на проявления недисциплинированности, выражающейся в неповиновении старшим и в демонстративных выходках; б) на приобретение авторитета среди команд и рабочих отдельных служащих на почве выражения неудовольствия экономическим положением, порицания распоряжений начальствующих лиц и проч.; в) на сборища, происходящие при конспиративной обстановке и имеющие характер сговора; г) на появление в команде агитационных листков и брошюр; д) на распространение тревожных слухов о готовящихся забастовках и предполагаемых насильственных действиях в отношении тех, кои не примыкают к таковым.

7. Затем, Совещание признало необходимым вменить в обязанность командирам коммерческих судов и «упомянутым выше начальствующим лицам» чисто полицейские функции: а) лично, по телефону, через агента или портового стражника немедленно уведомлять одесского градоначальника и, в копии, начальника жандармского управления о случаях брожения и беспорядков во время стоянки судов в Одесском порту; б) в случаях возникновения брожения или беспорядков при отходе пароходов из Одессы, присылать начальникам жандармского управления уведомления о них иным путем, посредством радиотелеграфа или по телеграфу; по приходе в ближайший порт о том же сообщать одновременно жандармскому офицеру, а где такового не имеется, полицмейстеру того порта, куда направляется пароход; в) в случае возникновения брожения или беспорядков по пути возвращения парохода в Одессу, таковые сообщения направлять одесскому градоначальнику и, в копии, начальнику жандармского управления тем же порядком; г) если же брожение или беспорядки возникнут при приближении к одесскому или другому порту, а, между тем, по телеграфу или иным способом не представится возможным дать знать об этом властям, то капитан обязан, не подходя к пристани, остановиться на рейде и сообщить сигналом или посылкой нарочного, что на судне происходит волнение; д) в отноше-

нии лиц, замеченных администрацией в агитации, с целью устройства забастовки или беспорядков на судне, капитанам надлежит списывать их с пароходов в ближайших пристанях, как русских, так и заграничных, и передавать в распоряжение местных властей или консулов; е) кроме того, на судовую администрацию в целом возлагалось тщательно осматривать на пароходах все скрытые места, как-то,—машинные люки, кожухи, и проч., «для предупреждения сокрытия в них тайно проникающих на суда лиц или закладки разрывных снарядов».

8. Кроме того, совещание предложило полицмейстеру Одессы при первой же возможности перевести управление портового участка на территорию порта, временно учредив в порту самостоятельное отделение портового участка с отдельным при нем арестным помещением, специальным адресным столом, в котором должны регистрироваться как служащие и живущие на территории порта, так и служащие на судах. Все регистрируемые в адресном столе этого участка должны быть проверяемы по архивам жандармского управления путем сокращенных сношений; в отношении же арестного помещения при портовом участке Совещание постановило озаботиться его расширением и, не ограничиваясь этим, «озаботиться также заблаговременно приисканием плавучих помещений, на случай необходимости массовых арестов при возникновении беспорядков, как это практиковалось в подобных случаях раньше».

9. Не ограничиваясь этими мерами, Совещание постановило «составить теперь же подробный расчет потребного на случай беспорядков и забастовок в порту наряда войск и полиции: а) для охраны складов спирта, легко воспламеняющихся продуктов и имущества, могущего подвергнуться уничтожению или расхищению; б) для охраны эстакады; в) для сопровождения арестованных, при чем эти наряды должны быть настолько сильны, чтобы могли не допустить насильственного освобождения арестованных; г) для патрулирования и раз'ездов; д) для наряда на приходящие и отходящие суда; е) для усиления постов и ж) для охраны трактиров и винных лавок в порту и на спусках к порту со стороны города».

10. В связи с этим, Совещание разработало и план, своего рода, «общественных мероприятий», об осуществлении которых постановило «просить господ начальника Одесского порта и полицмейстера г. Одессы» принять соответствующие меры и, сверх того, обратиться «к местным монархическим организациям с просьбой о подготовке из наиболее надежных и подходящих союзников особых кадров для замены бастующих команд и портовых рабочих, при чем эти кадры должны быть охраняемы полицией от насилий со стороны бастующих и находиться в безопасных местах». Из дополнительных предложений-просьб Совещания к указанным выше «начальствующим лицам» интересно отметить следующие: предложение начальнику порта «составить теперь же наряды катеров, которые должны будут, при возникновении беспорядков, курсировать в гавани, обращая внимание на то, чтобы, кроме них, никакого другого движения не было, чтобы к пароходам никаких лодок и катеров не приближалось и чтобы с них ничего на пароходы не передавалось», а также «выработать по соглашению с подлежащими ведомствами особые правила нагрузки, перевозки и выгрузки патронов, пороха и взрывчатых веществ в порту, в целях предупреждения похищения и уничтожения этих предметов при возникновении беспорядков»; полицмейстеру же г. Одессы: «озаботиться, на случай возникновения забастовок в порту, выработкой мер для ограждения от влияния забастовщиков на железнодорожных служащих на эстакаде и рельсовых путях». Кроме того, при начале забастовки, Совещание признало необходимым установить следующие конкретные меры: а) возобновить занятия одесского междуведомственного совещания для разрешения могущих возникнуть на практике вопросов; б) осуществить усиление полицейских и воинских нарядов по заранее выработанному плану; в) немедленно закрыть в пределах порта все питейные заведения; г) совершенно прекратить доступ посторонних лиц на суда, эллинги и другие т. п. заведения; д) оповестить администрацию в прочих портах Черного моря, а равно российских консулов на Ближнем Востоке о возникших нарушениях нормального течения жизни в Одесском порту; е) предоставить одесскому градоначальнику делать

для поддержания порядка в порту распоряжения об отводе судов от пристани и отправления их в плавание вне расписания и ж) производить через посредство чинов полиции осмотр паспортов пассажиров, а у подозрительных лиц, кроме того, и багажа.

Весной 1913 года арест Адамовича был осуществлен. О порядке его доставки в Одессу и событиях, связанных с самим арестом, полк. Заварзин оповещает департамент полиции следующим сообщением:

«В результате соглашения с послом, консулом и начальником русских морских сил в Босфоре, контр-адмиралом Петровым (вторая часть двойной фамилии этого контр-адмирала в имеющейся у нас копии документа выписана неразборчиво и нами не разобрана. *Е. В.*), последовали следующие распоряжения: 1) пароход «Император Николай II» по приходе в Босфор (с арестованными) остановился на рейде без подхода к пристани и 2) от роты 50-го пехотного Белостокского полка, находящегося на крейсере «Кагул», назначил для трех постов на пароходе «Николай II» караул при одном офицере и 15 нижних чинах, считая на каждый пост по два лишних человека, имея в виду возможность заболевания части караула в непогоду. Прибыв на крейсер «Кагул», я, в присутствии адмирала, дал подробную инструкцию командиру и назначенному офицеру. По прибытии парохода «Император Николай II» я инструктирровал нижних чинов Белостокского полка и лично распределил посты, расставив имевшихся при мне трех филеров, по сменам, у трапа парохода с тем, чтобы ни одно подозрительное лицо не могло проникнуть на судно незамеченным. Сопровождавший арестованных, Михаила Адамовича, Мирского и Одоевского-Маслова, чиновник вверенного мне управления Бовталь доложил, что в пути происшествий никаких не было, жандармы несли службу исправно, арестованные держали себя спокойно и никаких волнений с приходом в Босфор не проявляли. Обойдя каюты и убедившись в правильности содержания арестованных, я подчинил жандармских унтер-офицеров офицеру—начальнику караула; преподав инструкцию о полной боевой готовности и порядке действия оружием, в случае каких-либо насильственных выступлений, направленных к освобождению арестованных

(арестованным при этом было об'явлено—о чем не сообщает полк. Заварзин,—что при попытке их освобождения они будут застреляны в упор. *Е. В.*), я приказал Бовталю сделать мне подробный доклад, из коего усматривается: что помещенный мною в Одессе в команду парохода «Император Николай II» сотрудник отметил, что выступлений со стороны команды парохода ожидать нельзя, но предварил, чтобы жандармы брали воду и пищу из крана и котла общего пользования, дабы предупредить возможность отравления; что арестованный в Александрии Адамович пытался бежать из тюрьмы, но через 8 минут после побега был задержан, и что столь быстрому его задержанию способствовало то, что Адамович, оступившись, повредил себе ногу. Был ли совершен побег Адамовича вследствие небрежности тюремной стражи, допустившей его прогулку без усиленного конвоя у стены, которая ремонтировалась, или организован сотрудницей Адамовича, Триппе,—г. Бовталь не знает, но предполагает, что организации не было... Перед самым отходом парохода «Император Николай II» из Константинополя контр-адмирал Петров... спросил мое мнение, является ли необходимым конвоирование парохода военным судном, на что я ответил, принимая во внимание спокойствие команды и отсутствие подозрительных лиц на пароходе, что надобности в сопровождении не встречается. Это было доложено послу, и из Константинополя конвой не назначался, но из Севастополя на встречу пароходу вышли два контр-миноносца, которые сопровождали пароход до Одессы. В Одессе арестованные под конвоем водворены в тюрьму, где я лично об'яснил начальнику тюрьмы, какие необходимо, по моему мнению, принять меры для усиления охраны и наблюдения за столь серьезными арестованными, каковыми являются Адамович и Мирский; что же касается Одоевского-Маслова, то это лицо оказалось неинтересным жандармскому управлению и передано, при консульском пакете, одесскому градоначальнику».

Повидимому, дополнением к этому донесению Заварзина в департамент полиции является имеющийся в полученных нами материалах отрывок без даты и подписи, за № 81, второго донесения, по стилю того же Заварзина, в котором со-

общается следующее: «доложил послу о деятельности «Союза Черноморских моряков» и, заканчивая конференцией, выработавшей форму общеимперской организации судовых команд коммерческого флота морей и рек, я, в заключение, отметил, что ликвидациями, произведенными жандармским управлением г. Одессы и консульством в Александрии, совершенно уничтожена не только организация на Черном море, но уличены и подлежат привлечению в качестве обвиняемых ряд лиц, стоящих во главе Балтийских групп и союза Каспийских моряков. Вместе с тем я доложил, что хотя союз как стройная и обширная организация, имевшая сильный «центр» и сорганизовавшая группы на судах, не существует, тем не менее, нужно продолжать серьезную работу, дабы не дать возможности вновь образоваться этому сообществу, так как остались еще заграничные сотрудники Адамовича, имеющие связи с Парижем, в частности же с типографией «Знамя Труда», которая отпечатала № 13 «Моряка» и имеет в настоящее время в своем распоряжении материал для № 14 той же газеты. Об Адамовиче я доложил, что задержание его и ликвидация, это—окончательный удар нанесенный всей деятельности союза, ибо он являлся крупнейшим авторитетом среди моряков коммерческого флота и опытнейшим организатором массовых выступлений, которые стали постоянным явлением на Черном море. Кроме того, Адамович уличен отобранными у него материалами в пропаганде среди моряков военного флота и транспортировке в пределы империи литературы и изданий партии эс-эр. и с.-д.».

«Работа» продолжалась, и в циркуляре всем начальникам жандармских приморских управлений от 30 сентября 1913 года директора департамента полиции С. Белецкого результаты этой «работы» освещаются в следующей сводке добытых информаций о дальнейшей судьбе союза:

«после ареста в Александрии (Египет) главаря «Союза Черноморских моряков», Адамовича, уцелевшая группа центра названного союза решила перенести свой штаб в более безопасное место, избрав последним г. Антверпен, где и произвела выборы новых руководителей Союза. Ввиду тяжелой потери, в лице Адамовича, а также отчасти Балканской войны, Союз не мог иметь правильных сношений с су-

дами, вследствие чего материальные средства Союза упали, чем об'ясняется растерянность и безмолвие этой группы (центра) в последнее время. Перенеся квартиру в Антверпен и утвердившись там, центр стал завязывать сношения с выборными от судов. Найдя, что масса не так еще упала духом и полагая, что ликвидация после Адамовича приходит к концу и настроение успокаивается, центр решил продолжать издание газеты и предварительно сделать приблизительный опрос по судам, выяснить, что настроение еще не погибло. В связи с этим центр для пробы решил выпустить несколько номеров (своего органа) в Антверпене. Вместе с тем, из поступивших в настоящее время в департамент полиции сведений, устанавливается, что 8 истекшего августа по нов. ст. в Антверпене состоялось совещание представителей социалистических групп совместно с членами правления морского союза, на котором обсуждался вопрос о дальнейшей судьбе «Союза Черноморских моряков». В означенном совещании принимали участие, кроме членов правления, из коих известны «Федор Иванович» (Петр Бастричев) и Дмитрий Аничкин (Слепой), представитель от латышской с.-д. партии Зауэр, от эс-эров Владимир Макушин и в качестве гостя с.-д. Гурский. На совещании выяснилось, что касса «Союза» совершенно пуста и черноморская организация совершенно разгромлена».

К этому торжествующему сообщению департаменту полиции пришлось, однако, через несколько месяцев давать несколько расхолаживающих и тревожных раз'яснений, нашедших себе место в повторном циркуляре от 31 января 1914 года, на этот раз не только приморским жандармским управлениям, но всем губернским и областным жандармским управлениям Европейской России без исключения, включая и Кавказ и даже Туркестан, а также начальнику отделения по охранению общественной безопасности и порядка г. Петербурга.

В этом циркуляре констатировалось следующее:

«по полученным в департаменте полиции сведениям, после ликвидации центра организации судовых команд в Александрии, основанной решениями конференции в феврале месяце 1913 года, на которой участвовали Черноморский

союз, Каспийский союз, а также Союз русских моряков за границей, образовался новый Совет, задачей которого является собрать уцелевшие части организаций и продолжить дело профессионального об'единения моряков. В Совет входит пять членов, из которых известны: Аничков, член правления «Союза русских моряков за границей», и англичанин Сидней Мозлей, говорящий по-русски.

Аничков постоянно находится в Антверпене; часть корреспонденции получает по адресу Maison du Peuple в Антверпене. Сидней Мозлей находится в настоящее время в Роттердаме или Амстердаме. В состав вышеназванного Совета входит еще неустановленный социалист-революционер.

Положение отдельных организаций моряков в настоящее время представляется в следующем виде:

Каспийское море: в связи с ликвидацией в Александрии арестовано лишь 14 каспийцев. Были арестованы также члены Союза и в Баку, но эти аресты находятся в связи с бакинским рабочим движением. Однако Каспийский союз, который с момента своего образования ни разу не переставал существовать, хотя число членов в нем сильно колебалось, меньше всего пострадал и на сей раз. Неустановленный главарь союза «Степан» поставил дело так крепко и конспиративно, что едва ли возможен полный разгром Каспийской организации.

Черное море: организационно была охвачена лишь линия Александрийская и отчасти Дунайская. Моряки же каботажного плавания (внутреннего), хотя и находились в постоянной связи с Александрией, но связь эта была почти лишь идейной, поддерживавшаяся распространением «Моряка». Регистрация членов союза была не личная, а по кораблям.

Фактически главарем Черноморского движения был Адамович.

Несмотря на разгром, организация на Черном море не разбита и в настоящее время восстанавливается. Среди сознательных моряков Черноморской организации преобладает социал-демократический элемент, но вообще партийных людей, даже в среде членов Союза, сравнительно мало; встречаются, кроме

социал-демократов, и социалисты-революционеры, а кое-где даже и анархисты; остальные же члены союза, как и масса, находящиеся под влиянием союза, просто бунтарского настроения.

Союз русских моряков за границей: Центр союза в Антверпене. Секретарем состоит вышеупомянутый Аничкин, по партийной принадлежности—социал-демократ, меньшевик-голосовец. Служит в Антверпене в театральном обществе Белла и возможно, что получает и по этому адресу корреспонденцию на свое имя или же на имя какого-либо из сослуживцев.

Союз об'единяет русских моряков, находящихся на службе у заграничных компаний. У Союза имеются отделения в Лондоне, Амстердаме, Роттердаме, Марселе, Генуе, Буэнос-Айресе, Мельбурне, Капштадте, Пирее; кроме того, в настоящее время организовывается еще по одному отделению в Англии и Нью-Йорке. Хотя Союз русских моряков и не об'единяет моряков на русских кораблях, но, находясь в постоянной связи с русскими моряками в более выгодных условиях, в смысле недосягаемости для русских властей, он принимает форму оплота, особенно в критические моменты.

Балтийское море: здесь союза не существовало; имелась лишь группа (ко времени февральской конференции группа насчитывала 27 человек) и то с весьма переменным составом. Слабость организации на Балтийском море об'ясняется целым рядом местных условий, из числа которых обращают на себя внимание нижеследующие:

1. Разноплеменность моряков Балтийского моря более всего эстонцев, затем латыши, финны и незначительное число русских. Подобное смешение является поводом не только разноязычности, но и постоянной племенной вражды, особенно между эстонцами и латышами.

2. Переменность состава; отлив профессионалов и постоянный прилив непрофессионалов. Благодаря сравнительно низкой плате на Балтийском море, в сравнении с существующей, например, на Черном море, число моряков-профессионалов на Балтийском море гораздо менее в количественном отношении, и состав его терпит постоянные и

значительные изменения. Благодаря мизерной оплате труда моряка, происходит то, что новопоступивший моряк после двух-трех рейсов, при теперешнем упрощении мореходства, становится профессионалом и, ознакомившись в своих более дальних плаваниях с условиями моряков за границей, бросает в значительной части русские компании и переходит на заграничные корабли. Убывающий элемент заполняется новым из латышских, эстонских и т. п. рыбаков или даже из крестьян, не видавших, зачастую, моря.

В ближайшем будущем Совет союза профессиональных организаций моряков надеется на изменение положения вещей, и поводом к этому является новый закон, принятый в Соединенных Штатах Северной Америки. Закон этот состоит в том, что так как на кораблях ныне находится лишь малая часть профессионалов, и многие моряки даже не умеют плавать, то в случае крушения корабля матросы не только не содействуют спасению, но, желая спастись сами, затрудняют возможность спастись другим, бросаясь, например, первыми в спущенные лодки и т. п. Закон этот гласит, что в порты Соединенных Штатов будут допущены лишь те корабли, на которых минимум 25% состава состоит из профессиональных моряков. Этот процент будет ежегодно повышаться, доводя постепенно состав команд полностью из моряков-профессионалов. Подобный закон, будучи постепенно вводим в Англии, Германии, Бельгии, Голландии и других странах, заставит русские пароходные общества сохранять свой состав, увеличивать плату и т. п.

В настоящее время образовалась комиссия для сформирования Союза балтийских моряков. В состав этой комиссии входят: Аничков, Теплов, проживающий в Лондоне, и неустановленный латыш-матрос. Опорой для организации этого союза служат: 1) легализировавшееся в Риге профессиональное транспортное общество; 2) эстонская и латышская рабочие газеты, издающиеся в Прибалтийском крае, и 3) морские дома, которые будут учреждены вскоре в С.-Петербурге, Ревеле и Риге. Вся техническая работа опирается на упомянутое легализированное общество в Риге, и

указанный выше член комиссии, латыш, является, по всей вероятности, одним из руководителей этого общества.

Состоявшееся заседание Совета (в начале декабря минувшего года) решило ввести следующие меры:

1) В будущем вести регистрацию по личностям, а не по кораблям.

2) Принять все меры для ускорения возможности издать свой орган легально в России и, только если бы эта возможность не предвиделась в ближайшем будущем, отпечатать очередной номер в Антверпене.

3) Оставить гор. Антверпен и впредь центром Совета.

4) Строго отделиться от политической работы, ибо целью Союза и отдельных профессиональных организаций является чисто экономическая борьба и организация. В связи с этим всякую информацию, получаемую от военных команд или военных моряков, передавать в политические организации (социалистов-революционеров или социал-демократов), но и то лишь в том случае, когда нет малейшего подозрения в провокации.

5) Собрать возможный материал, могущий служить доказательством на предстоящем суде над Адамовичем («Михаилом») и др., что организации моряков преследовали лишь одни экономические цели.

6) Секретарем Совета остался неустановленный социалист-революционер, но он, из-за несогласия с общим характером направления работы, от активного участия почти что отодвинулся, и вся работа по секретариату пала на Аничкова.

Союз русских моряков за границей решил устроить морской дом в Антверпене. Целью его будет не только оберегать моряков от эксплоатации прибрежных кабатчиков и содержателей ночлежных домов, но и создание клуба для всякого рода русских моряков, посещающих Антверпенский порт. В будущем предполагается устроить ряд таких домов и в других европейских портах.

В Антверпене проживает социалист-революционер Болотин, старый эмигрант; возможно, что он именно и является неустановленным социалистом - революционером, членом Правления. Болотин находится в постоянных сношениях

с Аничковым и Феликсом Волховским, проживающим в Лондоне. Кроме того, Болотин пользуется связями с организацией моряков для транспорта социал-революционной литературы, но в этих целях он пользуется не определенными личностями-моряками, а передает литературу всякий раз, когда имеется наличность сознательных моряков в Антверпенском порту.

В Лондоне имеется отделение Союза русских моряков за границей. Представителем этого Союза является Александр Львович Теплов, старый революционер; по своему мировоззрению в настоящее время приближается более к социал-демократам; обладая большими связями, он является всегда весьма ценным сотрудником. Услугами Теплова пользуются и социалисты-революционеры; последние стараются использовать те связи, которые имеются у Теплова, как представителя Лондонского Отделения Союза Русских Моряков заграницей, для транспорта литературы и т. п. В военной работе Теплов никакого официального участия не принимает; он лишь по своей готовности услужить выполняет часто поручения Феликса Волховского, который является главным техником социалистов-революционеров как по транспорту, так и по так называемой работе среди военных моряков.

Лондон является одним из путей транспорта нелегальной литературы, главным образом партии социалистов-революционеров. Этот путь стал тем важнее, что в настоящее время, в виду ликвидации Черноморского союза тамошний транспорт затрудняется. По всем данным транспортом ведает Волховский; Теплов же является лишь его помощником. Одним из посредников является транспортная контора «Kahan, London, C—10, Commercial Road».

Владельцем этой конторы являются некие Каган, отец и сын, уже давно живущие в Лондоне и состоящие ныне в английском подданстве. Каган принимал участие в народовольческом движении; впоследствии содействовал Бунду, когда бундовцем Наделем содержалась в Лондоне бундовская типография. Контора Кагана служила явкой и для части прибывавших на Лондонский с'езд Российской социал-демократической рабочей партии в 1907 году.

Контора Kahan'а никогда не высылает непосредственно, ей всегда указываются города, как Амстердам, Антверпен; оттуда транспорт отбирается и пересылается далее по назначению. В Амстердаме отсылается транспорт часто каким-то англичанином, возможно, Сиднеем Мозлеем или его сообщниками; в Антверпене выполняет эту задачу Болотин. Часто посылаются товары в города без обозначения адресата и выдача транспорта происходит на основании представления транспортных документов.

Болотин получает литературу иногда также непосредственно из Парижа, но этот путь в видах конспирации, в общем, избегается»...

Следующие два циркулярных извлечения департамента полиции жандармских управлений от 5 февраля и 14 марта 1914 года описывают содержание работ состоявшихся в Антверпене между 1 — 21 января 1914 года второго пленарного собрания и второго Центрального Совета «Союза профессиональных организаций судовых команд России», каковое название Союзу было присвоено еще на февральской конференции союза в Александрии в 1913 году, и о принятых их конкретных решениях по дальнейшей работе. Из этого документа выясняется, что на собрании присутствовали с правом решающего голоса, в качестве членов Совета, Дмитрий Аничкин, Петр Бастричев, Тимофей Попов и Александр Иванович Клочко (Жук), который и по сие время проживает в Антверпене, а с совещательным — секретарь организационного бюро меньшевиков Р. С.-Д. Р. П. в Париже, Семковский, два неизвестных по фамилии латыша, из которых одного, состоявшего ранее секретарем закрытого в Риге «Союза транспортных рабочих г. Риги», звали «Иваном», жена Аничкина, моряк Юрьев и несколько человек неизвестных местных моряков, эс-эров и с-деков.

На этом собрании вновь была сорганизована редакция «Моряка» в составе Тимофея Попова как ответственного редактора и членов редакции—Бастричева, Клочко и Аничкина. Этот же состав был утвержден как постоянный состав Исполнительного Комитета Центрального Совета до созыва

нового пленарного собрания всех его членов. Секретарем Центрального Совета был утвержден Бастричев.

Собранием были вынесены следующие постановления: 1) в целях поднятия работы на Черном море, местопребывание Центрального Совета перенести в Константинополь и в будущем штаб-квартирой этого Совета считать тот пункт, где в данный момент имеет пребывание секретарь Совета. 2) Центральным адресом решено считать: M-r Boris Lebedeff, Cossl 29 XIV. Paris, France», «о чем об'явить в одном из ближайших номеров «Моряка». 3) В целях гарантировать неприкосновенность членов Центрального Совета в Константинополе в смысле возможного требования со стороны русского правительства об их аресте решено просить центральное учреждение партии «Дашнакцутюн» в Константинополе принять членов Центрального Совета, Бастричева и Клочко, под свое покровительство, зачислив их фиктивно членами партии «Дашнакцутюн». 4) Командировать на Черное море членов Совета: Петра Павловича Бастричева и Александра Ивановича Клочко для сформирования Черноморского Центра, который наименовать «Правлением Профессионального Союза моряков Черноморского торгового флота»; вместе с этим вменить названным лицам в обязанность совершать периодически об'езды в районах Черного, Азовского и Каспийского морей для контроля местной работы. 5) Поручить Бастричеву и Клочко при содействии более сознательных моряков из членов Союза составить новый устав Черноморской организации, руководствуясь при этом данными, выработанными на февральской 1913 года конференции в Александрии. 6) С'узить организацию Черного моря, приняв в основание «единоличность членов», которые и должны составлять на судах ячейки, которых на больших судах может быть несколько, но законспирированных друг от друга. На членов ячеек возлагается перевозка и распространение среди моряков нелегальной литературы. 7) Выпускать газету «Моряк» не менее трех раз в год, по мере накопления литературного материала, предоставив право сотрудничества в нем всем морякам, владеющим пером. 8) При первой возможности легализовать газету «Моряк» в городе С.-Петербурге, образовав теперь же фонд «Легаль-

ного Моряка» путем отчисления 250 франков из 1.000 марок, данных Центральному Совету в качестве субсидии от Союза германских транспортных рабочих. 9) В виду предстоящего процесса Черноморских моряков: а) организовать их защиту на суде; б) вызвать запрос в Государственной Думе о незакономерности действий чинов жандармского управления города Одессы, положив в основание пред'явление привлеченным обвинение по 1 ч. 102 ст. угол. улож., в) использовать в интересах привлеченных левую легальную прессу; г) выпустить перед началом процесса листок с призывом к однодневной забастовке в виде протеста. В случае дружного схода моряков с судов, попытаться перейти к забастовке длительной; 10) издавать для балтийских моряков особые бюллетени, печатая их на русском, эстонском и латышском языках».

Далее циркуляр продолжает:

«Во исполнение постановления Центрального Совета Бастричев и Клочко теперь прибыли в г. Константинополь, где ныне работают по созданию Черноморской организации на новых началах. Для деловых сношений Бастричев имеет в Константинополе на итальянской почте отдельный ящик, за № 11, а для хранения денег и более важных документов—сейф в одном из местных банков. В недалеком будущем Бастричев и Клочко предполагают совершить об'езд, первый—русских портов Каспийского моря, на котором деятельность «Каспийского Морского Союза» за последнее время значительно сузилась, а второй—Черного и Азовского морей и судоходных рек, впадающих в эти моря.

В «Центральном Совете Союза профессиональных организаций судовых команд России», кроме того, обсуждался вопрос о желательности об'единения морских и речных организаций с железнодорожными, при этом было отмечено, что секретарь Бюро Интернациональной транспортной федерации, Иохада, имеет адреса для сношения со старыми членами бывшего Всероссийского Железнодорожного Союза. Адреса эти Иохада предполагает передать издателю газеты «Моряк» «Воронову».

При упомянутом об'единении предполагалась возможность проведения одновременной забастовки железнодорожных служащих и судовых команд».

По поводу связей русского Союза профессиональных организаций судовых команд России с Международной организацией транспортных рабочих циркуляром департамента полиции от 5 февраля 1914 года даются также следующие сведения: «Германский союз транспортных рабочих ассигновал Совету на цели агитации и пропаганды десять тысяч марок ежегодно, из которых первая тысяча марок выдана уже на текущий год. Обещают материальное и всяческое другое содействие и другие иностранные Союзы. Этот приток средств позволяет широко поставить революционную пропаганду и агитацию среди судовых команд Русского торгового и военного флота... На ближайшее время выработан подробный определенный план решительных действий русских морских союзов против позиции, занятой в отношении их русским правительством. Вопрос о всеобщей забастовке судовых команд решен положительно. Есть безусловная надежда на успех. Всяческое содействие морским союзам Интернациональной транспортной федерации, куда русские союзы входят как равноправные члены, обезпечено».

К этому небезинтересно процитировать некоторые выдержки из агентурных сведений некоего «Тимофея» от 2, 12, 14 февраля и 2 апреля 1914 года, повидимому, из Константинополя:

«Член Центрального Совета Профессиональных союзов судовых команд России Александр Клочко, он же «Жук» и секретарь названного Совета, Петр Бастричев, он же «Федор Иванович» и Миша-машинист», по окончании совещания в Антверпене выехали в Констанитонополь, где и находятся в настоящее время. Поездка эта вызвана требованиями команд некоторых черноморских пароходов с целью иметь опытных руководителей во время выступлений в связи с предстоящим разбором дела каспийских и черноморских моряков в Одессе и Баку.

«— Бастричев и Клочко, прибывшие в Константинополь, в первых числах февраля, намерены вновь вызвать черноморских моряков к организационной деятельности, создав на Черном море строго законспирированную организацию из вполне сознательных и испытанных в прошлой работе моряков. Большинство черноморских моряков, как отмечает агентура, отнеслось к прибытию Бастричева и Клочко в

Константинополь равнодушно, при чем некоторые высказали по этому поводу свое неудовольствие, указывая на возможность со стороны администрации новых репрессий. По словам Бастричева, № 15 «Моряка» уже отпечатан и в текущем месяце будет прислан в Константинополь для распространения на Черном море. Бастричев высказывался, что в распоряжении Центрального Совета Союза профессиональных организаций судовых команд России, еще имеются денежные средства, достаточные для издания двух номеров (№№ 16 и 17 «Моряка»). Он же, Бастричев, надеется в будущем на материальную поддержку со стороны балтийских и каспийских моряков, а также Антверпенского морского союза, который обещал ежемесячно выдавать по 75 франков. На Черноморскую организацию рассчитывать пока еще трудно, так как команды в подавляющем большинстве отказываются делать взносы, вследствие чего за весь минувший год с Черного моря поступила в Центральный Совет весьма незначительная сумма. Поднять в данное время Черное море на продолжительную забастовку Бастричев считает делом почти невозможным, но возможна однодневная забастовка-протест по делу о «Союзе моряков Черного моря», приурочив таковую к началу разбора дела в Одесской судебной палате. Бастричев и Клочко посещать русские пароходы опасаются и встречаются с моряками только в ресторане «Ником», где вместе с ними также бывает и Марк Торосов. Бастричев намерен вызвать из Парижа эс-эра, бывшего члена Заграничного Центра Александра Мгеброва, «Жоржа» и Рахиль Чалык»...

...«Помимо связей с турецкой военной мисией, откуда они получают паспорта убитых добровольцев-горцев во время балканской войны, проживающие в Константинополе главари Центрального Совета морских профессиональных союзов, в лице того же Бастричева и «Жука», имеют еще дружественные связи с турецким министерством иностранных дел, сплошь заполненного чиновниками из армян, в большинстве дашнакистами. Благодаря этим связям, всякие сношения русского правительства с турецким министерством иностранных дел по вопросам о выдаче кого-либо из проживающих на турецкой территории русских эмигрантов ста-

новятся последним известными, и они заблаговременно принимают меры к сокрытию лица, о котором возбужден вопрос. Сейчас практикуется: все проживающие в Константинополе главари Центра этого Союза и вновь прибывающие должны являться в Западное бюро партии дашнакцутюн, в котором они оставляют свои паспорта и фиктивно зачисляются членами партии. В случае ареста кого-либо из них немедленно дается знать об этом в Западное бюро, которое со своей стороны заявляет в мин. ин. дел, что арестован член партии, и последний на этом основании освобождается».

На этом доставленные нам материалы обрывают дальнейшую историю организации. В них содержится еще указание, что секретарем Союза русских моряков в Америке, устав которого был утвержден 12 ноября 1912 года и который имел свои отделения в Нью-Йорке и Бруклине, являлся некий Василий Гончарук.

В Одессе в архиве губиспарта находятся в полной сохранности все 98 томов материалов по судебному процессу моряков, при чем оказывается, после процесса октября 1914 года, в Одессе в 1915 году был еще один дополнительный процесс торговых моряков, судившихся в количестве 36 человек. Материалы этого процесса также целиком сохраняются в Одессе. Интересно, что один из видных деятелей процесса на стороне обвинения—бывший тов. прокурора Одесской судебной палаты, Бусло—в настоящее время работает в качестве «красного спеца» в рядах судебного аппарата не то в Одессе, не то в Николаеве.

Кроме того, в том же году был особый процесс «Союза каспийских моряков», слушавшийся в Баку, где, повидимому, и сохраняются все материалы по этому процессу. После об'явления в Одессе приговора по основному процессу моряков в октябре 1914 года, перед отправкой осужденных в ссылку, в Одесскую тюрьму приезжал из Тифлиса прокурор для допроса Адамовича в качестве обвиняемого по делу «Союза каспийских моряков»; однако, после, из Сибири он на процесс вызван не был, повидимому, в силу того, что приговором Одесской судебной палаты вполне покрывалась та мера уголовного наказания, которая по царским законам выходила Адамовичу по сумме всех его «преступлений».

Истинн. Библиотека

№№ по порядку.	Наименование изданий.	Цены в зол. руб. Р. К.
27.	**Самойлов, Ф. Н.** Воспоминания об Иваново-Вознесенском рабочем движении (1903—1905 гг.)	— 25
28.	**Сборник воспоминаний о Н. Е. Федосееве**	— 17
29.	**Сверчков, Д.** На заре революции. Воспоминания. (1903–1905 гг.)	— 60
30.	**Социал-демократические издания** (указатель соц.-дем. литературы на русском языке) 1883—1905 гг. Под редакцией **Л. Б. Каменева**	— 30
31.	Старый товарищ **А. П. Скляренко.** 1870—1916 гг.	— 30
32.	**Фишер.** В Англии и России. (Воспоминания.)	— 10
33.	**Фурманов, Д.** Чапаев	1.—
34.	**Шаповалов, А. И.** По дороге к марксизму. (Воспоминания рабочего-революционера, ч. 1, до лета 1896 г.)	— 30
35.	**Шляпников, А.** Канун 17 года. Ч. II.	— 50
36.	**Шляпников, А.** Семнадцатый год, кн. I.	1.—

НАХОДЯТСЯ В ПЕЧАТИ:

37.	**Е. Волков.** Христо-Ботиев. (На заре балканского коммунизма).	— —
38.	**Памятник борцам революции, погибшим до 1917 года**	— —
39.	**Пролетарская Революция,** журнал № 20	— —
40.	**Хрестоматия по истории.** 2 тома	— —

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

41.	**Пролетарская Революция,** журнал № 21	— —
42.	**Памятник борцам пролетарской революции, погибшим в период 1917—1922 гг.** 2-е исправл. издание	— —
43.	**Сборник воспоминаний и материалов по Октябрьской революции**	— —

АДРЕС ИСТПАРТА:

МОСКВА, Воздвиженка, д. 10, кв. 4. Телеф, 2-50-71.